

Александр Животич

«БАЛКАНСКИЙ ФРОНТ» ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

СССР и югославско-албанские отношения
1945–1968 гг.

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2022

УДК 94(4)
ББК 63.3
Ж 67

Ответственный редактор: *А. Б. Едемский*

Рецензенты:

кандидат исторических наук *Владимир Сергеевич Путятин*,
кандидат исторических наук *Анатолий Семенович Аникеев*

Редактор: *Л. А. Авакова*

Ж 67 Животич А.

«Балканский фронт» холодной войны: СССР и югославно-албанские отношения. 1945–1968 гг. / отв. ред. А. Б. Едемский. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. — 288 с.

ISBN 978-5-4469-1983-3

DOI: 10.31168/4469-1983-3

В период с 1945 по 1968 г. югославно-албанские отношения прошли несколько этапов, отмеченных различными формами сотрудничества и идеологического противостояния. Обе стороны по-разному воспринимали друг друга и перспективы двусторонних отношений, с одной стороны, и роль великих держав, с другой. Благодаря сотрудничеству югославских и албанских коммунистов в ходе Второй мировой войны по ее окончании отношения между Югославией и Албанией приобрели особый характер. Первые послевоенные годы характеризовались близостью межгосударственных отношений, а также всесторонней помощью, которую Югославия оказывала Албании в политической, военной и культурно-просветительской сферах. Установление прямых контактов между советским и албанским партийным руководством летом 1947 г. знаменовало усиление советского влияния на Албанию и пропорциональное ослабление югославского присутствия. Вопрос югославно-албанских отношений наложил отпечаток и на комплекс проблем, который послужил причиной конфликта между Югославией и СССР, разразившегося летом 1948 г. Годы конфликта Югославии со странами, сплотившимися вокруг Советского Союза, отмечены постоянной напряженностью на границе, политическими столкновениями, взаимными обвинениями, югославским сближением с Западом, разрывом регулярных дипломатических связей и новыми попытками поднять вопрос о положении албанского меньшинства в Югославии. Уровень югославно-албанских отношений не изменился вследствие югославно-советской нормализации, наступившей после 1955 г. Постепенное отдаление Югославии от обеих супердержав и возглавляемых ими блоков, а также неспешное сближение со странами третьего мира, с одной стороны, и упорная приверженность албанского руководства заостренным идеологическим догмам, с другой, предопределили дальнейшее взаимное отчуждение, возникновение новых идеологических, политических, межэтнических противоречий и, в частности, очередное обострение албанского вопроса в Югославии. Установление близких связей между Китаем и Албанией знаменовало начало нового этапа югославно-албанских отношений, который был отмечен обострением межгосударственного и межпартийного противостояния, а также непродолжительной попыткой преодоления противоречий на фоне ввода советских войск в Чехословакию в 1968 г.

УДК 94(4)
ББК 63.3

DOI: 10.31168/4469-1983-3

ISBN 978-5-4469-1983-3

9 785446 191983 3

© Животич А., текст, 2022
© Институт славяноведения РАН, 2022
© Донской П. К., обложка, 2022
© Издательство «Нестор-История», 2022

Содержание

Предисловие	5
Введение. Опыт XX века. Югославно-советские отношения (1918–1991 гг.)	12

I. АЛЪЯНС (1945–1948 гг.)

Глава 1. СССР и политика югославских коммунистов по отношению к Албании (1941–1945 гг.)	45
Глава 2. Албания и югославские планы создания Балканской федерации после Второй мировой войны	71
Глава 3. Советский Союз, Албания и югославно-греческие отношения (1944–1949 гг.). Почему Югославия прекратила помогать греческим партизанам	102

II. КОНФЛИКТ (1948–1956 гг.)

Глава 4. Советско-югославский конфликт и укрепление советского влияния в Албании (1948–1953 гг.)	125
Глава 5. Национальная карта в политической игре: албанское население Югославии и советско-югославский конфликт (1948–1956 гг.)	149
Глава 6. Сближение Югославии с Западом и международное положение Албании (1951–1955 гг.)	169

III. НОРМАЛИЗАЦИЯ, РАЗНОГЛАСИЯ И ПОПЫТКИ ПРИМИРЕНИЯ (1956–1968 гг.)

Глава 7. Советский Союз и югославно-албанские отношения (1956–1961 гг.)	199
Глава 8. СССР, Югославия, Албания и потрясения в социалистическом содружестве (1959–1961 гг.)	225
Глава 9. СССР, Югославия и Албания перед вызовами кризиса 1968 г.	242
Заключение	269
Список сокращений	281
Список иллюстраций	285
Summary	286

Contents

Foreword	5
Introduction. The experience of the twentieth century. Yugoslav-Soviet relations (1918–1991)	12
I. THE ALLIANCE (1945–1948)	
Chapter 1. The USSR and the Yugoslav Communists' policy towards Albania (1941–1945)	45
Chapter 2. Albania and the Yugoslav plans for a Balkan federation after World War Two	71
Chapter 3. The Soviet Union, Albania and Yugoslav-Greek relations (1944–1949). Why Yugoslavia stopped helping the Greek partisans	102
II. THE CONFLICT (1948–1956)	
Chapter 4. The Soviet-Yugoslav conflict and the consolidation of Soviet influence in Albania (1948–1953)	125
Chapter 5. The national card in a political game: the Albanian population of Yugoslavia and the Soviet-Yugoslav conflict (1948–1956)	149
Chapter 6. Yugoslavia's rapprochement with the West and Albania's international situation (1951–1955)	169
III. NORMALISATION, DISAGREEMENTS, AND RECONCILIATION ATTEMPTS (1956–1968)	
Chapter 7. The Soviet Union and The Yugoslav-Albanian Relations (1956–1961)	199
Chapter 8. The USSR, Yugoslavia, Albania and the Upheavals in the Socialist Commonwealth (1959–1961)	225
Chapter 9. The USSR, Yugoslavia, and Albania facing the challenges of the 1968 Crisis	242
Conclusion	269
List of abbreviations	281
List of illustrations	285
Summary	286

Предисловие

В период с 1945 по 1968 г. югославско-албанские отношения прошли несколько этапов, отмеченных различными формами как сотрудничества, так и идеологического противостояния. Обе стороны по-разному воспринимали друг друга, взаимные отношения и перспективы их развития, с одной стороны, и роль великих держав в мировых делах, их влияние на отношения между Белградом и Тираной, с другой. Несмотря на бремя многолетних конфликтов и столкновений, на ограничения, обусловленные политикой великих держав, мерявших силами на Балканах, отношения между Югославией и Албанией благодаря сотрудничеству югославских и албанских коммунистов в ходе Второй мировой войны приобрели после ее окончания особый характер. Несмотря на то что тесные связи двух коммунистических партий обусловили близкие межгосударственные отношения Тираны и Белграда после 1945 г., предшествующие десятилетия противоборств и разногласий оказали влияние на сохранение ряда непростых проблем, актуальность которых в последующем оказалась предопределена корреляцией противоречивого исторического опыта и недавних в тот момент процессов на Балканах в годы Второй мировой войны и их результатов. Это поставило перед историками ряд вопросов, на которые мы попытаемся дать ответы далее. А именно: *насколько этот исторический опыт оказал влияние на достижение взаимного доверия в существенно изменившихся исторических условиях после окончания войны; влиял ли опыт многочисленных представителей прежней сербской и югославской политической и военной элит на позицию новых послевоенных государственных элит; если да, то в какой мере; как удалось абстрагироваться от еще свежих воспоминаний о роли, которую значительная часть албанского народа сыграла во время*

германского и итальянского оккупационных режимов на территории Югославии; как представители Коммунистической партии Югославии оценивали Албанию, ее роль в международных отношениях, а также албанский вопрос на Балканах; какое влияние — по интенсивности и по сути — оказывали великие державы, прежде всего Советский Союз, на динамику и направление развития югославо-албанских отношений в конце войны и в первые годы после нее; как Запад оценивал рост влияния югославских коммунистов в Албании в конце войны и каким образом оно определило направления последующего военного и политического доминирования Югославии в период формирования межблокового противостояния на Балканах?

Первые послевоенные годы были отмечены не просто дружественными отношениями между двумя государствами, но и всесторонней помощью, которую Югославия оказывала Албании в политической, военной и культурно-просветительской сферах. В годы войны и в Албании, и в Югославии коммунистические партии обеих стран, уже во время сопротивления оккупантам и после победы над ними, установили политическую гегемонию, заняв командные высоты в своих странах. Несомненное сходство революционных перемен, начатых коммунистами в обеих странах еще во время Второй мировой войны и совершенных военными методами, свидетельствует о высокой степени предшествующего влияния югославских коммунистов на процесс основания и развития албанской компартии, а также ее трансформации в единственную реальную политическую силу в своей стране. Об этом свидетельствуют также и конфронтация Югославии и Албании с западными державами, югославо-болгарские переговоры о создании Балканской федерации и сближение Югославии с Советским Союзом. Москва, согласившись с тем, что Албания является сферой интересов Югославии, не препятствовала и тому, что ее партийное и государственное руководство оказывало влияние на развитие албанского государства и общества. Послевоенные события в свое время поставили новые вопросы перед международным сообществом и балканскими странами. Теперь же они стоят перед современными историками: *как великие державы относились к идее создания Балканской федерации; в какой мере и каким образом гражданская*

война в Греции угрожала безопасности албанских границ и как эти события повлияли на рост югославского политического и военного присутствия в этой стране; каким образом начало холодной войны сказалось на международном положении Албании и югославском политическом покровительстве над ней?

Установление прямых контактов между советским и албанским партийным руководством летом 1947 г. знаменовало усиление советского влияния на Албанию и пропорциональное ослабление югославского присутствия. Кризис югославо-албанских политических, военных и экономических отношений наложил отпечаток и на комплекс проблем, ставших причиной конфликта, разразившегося между Югославией и СССР летом 1948 г., обострившего традиционные, но в те годы латентные, югославо-албанские противоречия. *Каким же образом советское влияние на Албанию пришло на смену югославскому? Как это сказалось на югославо-албанских отношениях? Преследовала ли Югославия свои интересы в Албании, вмешиваясь в ход гражданской войны в Греции? Где проходила граница между помощью Албании со стороны Югославии и естественным стремлением последней к гегемонии в отношении соседнего государства? Каковы причины югославо-албанского конфликта и как они накапливались на всем протяжении времени, пока существовал их союз? На эти вопросы мы хотим дать ответ в этой книге.*

Годы конфликта Югославии со сплотившимися вокруг Советского Союза странами были отмечены постоянной напряженностью на границе, политическими столкновениями, взаимными обвинениями, югославским сближением с Западом, разрывом регулярных дипломатических связей с Тираной и ее новыми попытками поставить вопрос о положении албанского меньшинства в Югославии. В связи с этим следует разобраться в еще одной группе вопросов: *как же югославо-албанский конфликт вышел из тени; стала ли роль СССР в ослаблении и полном развале югославо-албанского союза первых послевоенных лет решающей; какова роль Албании в югославо-советском конфликте; насколько она значима; как связан конфликт между двумя государствами с попыткой поднять вопрос о положении албанского меньшинства в Югославии; как новые союзники Белграда на Балканах — Турция и особенно*

Греция — оценивали место и роль Албании в возможном глобальном конфликте Запада с СССР и его союзниками; как албанское государственное и партийное руководство относилось к сближению Югославии с Западом?

Уровень югославо-албанских отношений не изменился вследствие югославо-советской нормализации, наступившей после 1955 г. Усилия по сближению двух балканских государств оказались безрезультатными. Венгерская революция 1956 г. и последовавший второй югославо-советский конфликт углубили пропасть между Югославией и Албанией. В связи с этим появляется еще одна группа вопросов: *почему провалились попытки нормализации двусторонних отношений между Белградом и Тираной; как Албания оценивала вектор нормализации отношений между Югославией и социалистическим лагерем во главе с Советским Союзом; влияли ли попытки югославо-албанского сближения на интенсивность эскалации албанского вопроса в Югославии в новых условиях; опасалась ли Тирана возвращения и наращивания югославского присутствия в своей стране в контексте улучшения албанско-советских отношений; была ли готова албанская партийная элита приспособляться к политическим изменениям в СССР?*

Постепенное отдаление Югославии от обеих сверхдержав и военно-политических союзов, а также ее неспешное сближение со странами третьего мира, с одной стороны, и упорная приверженность албанского руководства закостеневшим идеологическим догмам, с другой, предопределили дальнейшее взаимное отдаление, возникновение новых идеологических, политических, межэтнических противоречий и, в частности, очередное обострение албанского вопроса в Югославии. Повторная советско-югославская нормализация совпала с советско-албанским конфликтом, расхождением между СССР и Китаем и, как следствие, сближением КНР с НРА. Установление близких связей между Пекином и Тираной знаменовало начало нового этапа югославо-албанских отношений, который характеризовался обострением межгосударственного и межпартийного противостояния, а также прекращением советского политического, экономического и военного присутствия в Албании, что не только открыло следующую главу в югославо-албан-

ских отношениях, но и обусловило иной расклад сил на Балканском полуострове и в рамках коммунистического лагеря. И перед историком снова встают важные вопросы: *каково значение югославского фактора в формировании албанского внешнеполитического курса; опасалось ли албанское руководство усиления роли Югославии в регионе; в чем причины ухудшения двусторонних отношений; усугубил ли второй югославо-советский конфликт негативное отношение албанских коммунистов к Югославии; в какой мере отрицательное отношение руководства КПК к югославскому внешнеполитическому курсу повлияло на ухудшение югославо-албанских отношений?*

Вышеописанный подход к изучению феномена советского влияния на югославо-албанские отношения лег в основу этой книги, названной нами «„Балканский фронт“ холодной войны. СССР и югославо-албанские отношения. 1945–1968 гг.». Ее структура предопределена закономерностями переломной исторической эпохи, через которую прошли отношения Югославии и Албании и в течение которой СССР, как одна из ведущих мировых держав и лидер «международного рабочего движения», по-разному оценивал роль Балкан в международных отношениях и вследствие этого по-разному формулировал свой подход к странам региона. Первая часть — «Альянс (1945–1948 гг.)» рассматривает период, отмеченный интенсивным югославо-албанским сотрудничеством и одновременно определяющим советским влиянием на ситуацию в Югославии в первые послевоенные годы. «Конфликт (1948–1956 гг.)» — так называется вторая часть книги, охватывающая период противостояния Югославии и ее прежних союзников во главе с СССР. Албания в этом конфликте играла исключительно значимую роль как страна, находившаяся до этого под значительным влиянием Югославии. Третья часть, озаглавленная «Нормализация, разногласия и попытки примирения (1956–1968 гг.)», рассматривает беспокойное время, в течение которого отношения в треугольнике СССР — Югославия — Албания прошли этапы действительной и декларируемой нормализации, периодических столкновений различной интенсивности, частых попыток реального и мнимого примирения, а также долгосрочных конфликтов.

Основу данной монографии составили статьи, опубликованные ранее в российских научных журналах и сборниках¹. С учетом прошедшего времени и новой информации, почерпнутой из современной историографии, эти тексты были нами переработаны и дополнены некоторыми новыми фактами, почерпнутыми как из историографических работ, так и из архивных материалов.

Автор выражает особую признательность сотрудникам Института славяноведения Российской академии наук Александру Александровичу Силкину и Борису Сергеевичу Новосельцеву, а также

¹ Животич А. Югославия, чехословацкий кризис и выход Албании из Варшавского договора // 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива: сб. статей. М.: РОССПЭН, 2010. С. 330–358; *Он же*. Косовская проблема в отношениях компартий Албании и Югославии на завершающем этапе Второй мировой войны // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века / редколлегия: Р. П. Гришина, Ю. В. Лобачева, Е. П. Серапионова (отв. ред.). СПб.: Алетей, 2011. С. 328–349; *Он же*. Сближение Югославии с Западом и международное положение Албании (1951–1953 гг.) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 3(1). С. 62–74; *Он же*. СССР и югославско-албанские отношения (1956–1961) // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура: сб. статей. М., 2013. С. 158–176; *Он же*. Албания и югославское видение Балканской федерации после Второй мировой войны // Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 331–360; *Он же*. Югославия и потрясения в социалистическом содружестве (1959–1961) // История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте: К 60-летию Константина Владимировича Никифорова. М., 2016. С. 246–264; *Он же*. Советско-югославский конфликт и укрепление советского влияния в Албании 1948–1953 гг. // Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока. 1948–1953 гг. Очерки истории. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 326–349; *Он же*. Советский Союз и югославско-греческие отношения (1944–1949). Почему Югославия прекратила помогать греческим партизанам // 1000 лет вместе: ключевые моменты истории России и Греции. М., 2018. С. 337–358; *Он же*. Национальная «карта» в политической игре: албанское население Югославии и советско-югославский конфликт (1948–1956 гг.) // Москва и Восточная Европа. Национально-территориальные проблемы и положение меньшинств в странах региона. События. Факты. Оценки: сб. статей. М.; СПб., 2019. С. 221–239.

доценту Вятского государственного университета Алексею Александровичу Костину, выступившим в роли переводчиков моих докладов на российских конференциях и опубликованных на русском языке статей по теме этой книги; рецензентам книги — Анатолию Семеновичу Аникееву и Владимиру Сергеевичу Путятину, а также Андрею Борисовичу Едемскому, Татьяне Викторовне Волокитиной, Ларисе Альфредовне Аваковой и директору Института славяноведения РАН Константину Владимировичу Никифорову за дружеские советы и помощь в подготовке рукописи.

Эта книга посвящается памяти нашего дорогого коллеги и друга Андрея Леонидовича Шемякина, который в свое время познакомил нас (меня и моих сокурсников отделения истории филологического факультета Белградского университета) с российской историографией и открыл путь к сотрудничеству с коллегами из России.

Введение

Опыт XX века. Югославско-советские отношения (1918–1991 гг.)

В период Первой мировой войны сербско-российские отношения достигли кульминации. Российская поддержка Сербии в самом начале войны, огромная военная и материальная помощь, которую Сербия получала из России на протяжении первых двух лет конфликта, участие в боевых действиях плечом к плечу на Салоникском фронте и защита сербских интересов российской дипломатией — все перечисленное объясняет, почему Сербия искала опору в лице мощной Российской империи. Однако перемены, произошедшие в России в начале 1917 г., а также ряд событий, вызванных Февральской революцией, изменили прежний характер сербско-российских отношений¹. Революционные события в октябре 1917 г., последовавший выход России из войны предопределили будущее отношений между сербским, а затем и югославским коро-

¹ Подробнее о сербско-российских отношениях во время Первой мировой войны и политике России на Балканах см.: *Трубецкой Г. Н.* Воспоминания русского дипломата. М., 2020. С. 215–438; *Штрандтман В.* Балканские воспоминания. М., 2014; *Митровић А.* Србија у Првом светском рату. Београд, 1984; *Димић Љ., Радојевић М.* Србија у Великом рату (1914–1918). Кратка историја. Београд, 2014; *Станковић Ђ.* Никола Пашић, савезници и стварање југословенске државе. Београд, 1995; *Поповић Н.* Србија и Царска Русија. Београд, 2007; *Тимофејев А., Кремић Д.* Руска војна помоћ Србији за време Првог светског рата. Београд, 2014; За балканскими фронтами Первой мировой войны / отв. ред. В. Н. Виноградов. М., 2002; *Айрапетов О. Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне 1914–1917. I–IV. М., 2014–2015.

левством с одной стороны и Советской Россией — с другой. Сербское правительство сочло противоречащим интересам Сербии заключение большевиками мира с Германией. Поэтому посланник в Петрограде Мирослав Спалайкович получил указание прервать контакты с новыми властями. Ввиду того что сербское правительство формально не признало советскую власть, можно констатировать, что двусторонние отношения так и не были установлены, хотя на практике они все-таки имели место.

До подписания договора в Брест-Литовске сербское правительство пыталось наладить связь с большевиками в интересах проведения политики объединения югославянских народов, а также с целью мобилизации добровольцев и их переправки на Салоникский фронт. Что касается советской стороны, то и она не была заинтересована в разрыве дипломатических отношений. Из-за немецкого наступления на Петроград посольство Сербии эвакуировалось, а в городе остался только поверенный в делах Радослав Йованович. На работе самого посольства негативно сказалась интервенция государств Антанты, поддержанная сербскими властями, а также деятельность коммунистов-югославян. В ноябре 1918 г. Россию покинула и военная миссия сербского королевства. Йованович, получивший от советских властей разрешение на использование дипломатических прерогатив, сосредоточился на репатриации югославских подданных и воспрепятствовании их участию в интервенции². Изменение отношения советской власти к югославским дипломатам произошло в марте 1919 г. и было вызвано образованием Югославянского совета рабочих и крестьянских депутатов, заявившего о переходе под его контроль югославского консульства. В результате под угрозой оказалось и без того нестабильное положение югославских дипломатов. В течение последовавшего месяца Совет закрыл югославские дипломатические и консульские представительства. Таким образом, и формально разрыв диплома-

² Подробнее о разрыве дипломатических отношений с Россией см.: *Поповић Н. Б.* Србија и Руска револуција 1917–1918. Београд, 2014; *Он же.* Јован Миланковић, последњи српски дипломата у царској Русији // Српско-руски односи од почетка XVIII до краја XX века. Београд, 2011. С. 185–203.

тических отношений состоялся 3 марта 1919 г. В качестве представителя при правительстве Колчака в Омске остался консул Йован Миланкович — последний югославский дипломат в России, покинувший ее в феврале 1920 г. Эвакуацию югославских граждан завершила военная миссия во Владивостоке во главе с секретарем Божидаром Пуричем. Так наступил конец югославскому дипломатическому присутствию в России. Сербский и русский народы вступили в XX в. в составе наднациональных политических образований, лишившись традиционных формальных межгосударственных связей.

Король Александр и правительство Югославии твердо стояли на позиции непризнания советской власти, а также поддерживали официальные отношения с русской эмиграцией и правительством в Омске. В предвкушении победы «белых сил» состоялось назначение на пост посланника Маты Бошковича, который в Париже ожидал развязки событий и выезда в Россию. Со своей стороны союзники Югославии подходили к проблеме куда более прагматично. Британская сторона, стремившаяся к налаживанию торговых связей с Москвой, предлагала главе югославского МИД Анте Трумбичу, находившемуся в Лондоне, встретиться с членами советской делегации именно в столице Соединенного Королевства. Сам Анте Трумбич по инициативе советских представителей встретился с ними 18 августа 1920 г. Спустя несколько дней сформированное в Белграде правительство во главе с Миленко Весничем потребовало от Трумбича прекратить переговоры с эмиссарами Москвы и незамедлительно вернуться в Белград³. По-видимому, из-за вмешательства Александра Карагеоргиевича, переговоры прервались, не успев начаться. Опасаясь того, что контакты с Советами спровоцируют рост коммунистического движения в стране, официальный Белград уже в самом начале прервал переговоры о возможном признании Советской России. Сыграли свою роль волнения и забастовки, организованные коммунистами.

³ Архив Југославије (далее — АЈ). 334 — Министарство иностраних послова Краљевине Југославије. ПО. Ф. 17. Д. 47. Телеграм Анти Трумбићу од 26. августа 1920.

Невзирая на прекращение переговоров, советская сторона, стремившаяся к преодолению международной изоляции, не отказывалась от намерения установить дипломатические отношения с югославским королевством. На руку ей была и инициатива Белграда, который с соответствующей целью направил в Эстонию собственного эмиссара — профессора Драголюбa Илича, вернувшегося из России в начале 1920 г. Народный комиссар иностранных дел Чичерин в качестве ответа на этот шаг со стороны югославов 13 октября 1920 г. призвал к установлению крепких дружественных связей и обмену полномочными представителями⁴. Следовательно, забыв прежние разногласия, приступить к переговорам по актуальным проблемам. Советы свое предложение повторили в декабре того же года.

В ходе двусторонних контактов наибольшее значение придавалось проблеме русских беженцев. Переговоры о репатриации осуществлялись при посредничестве представителей Лиги Наций. При этом югославское правительство отстаивало позицию, согласно которой русские в Югославии являлись политическими эмигрантами, оказавшимися в королевстве по воле обстоятельств, и они вправе были остаться, если это соответствовало их пожеланиям. Русские эмигранты, которые после победы большевиков в Гражданской войне в несколько этапов прибывали в новосозданное королевство Александра Карагеоргиевича, обрели там не только убежище, но и свое новое отечество. Из потока русских беженцев, насчитывавшего около 2 млн человек, около 44 тыс. оказались на территории Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Югославия). Часть их продолжила путь в государства Центральной и Западной Европы, а около 27 тыс. прочно осели в Королевстве СХС, преимущественно в сербской среде.

Традиционное взаимное дружелюбие и близость сербского и русского народов, теплота сербского общества, духовное родство — все это стало причиной, по которой многие русские эмигранты выбрали

⁴ Телеграмма наркома по иностранным делам РСФСР Г.В. Чичерина представителю Королевства СХС Д. Иличу о желании Советского правительства установить дружеские отношения с Королевством СХС 13 октября 1920 г. // Советско-югославские отношения 1917–1941. М., 1992. С. 103.

Белград и Сербию постоянным местом жительства. Сербия и Югославия многим обязаны тем русским, кто трудился на ниве науки, культуры, здравоохранения, военной службы, промышленного производства, журналистики и т. д. Огромное количество памятников, художественных произведений и научных достижений служат свидетельством вклада, который русские люди самых разных сословий внесли в развитие своей новой среды обитания⁵.

Советская сторона требовала от югославской направить официальный запрос о репатриации из России граждан Королевства СХС. При этом Москва использовала представившуюся возможность, чтобы снова поставить вопрос об установлении дипломатических отношений. Премьер-министр Никола Пашич при формулировании сербской дипломатической позиции опирался на общеизвестный и неоднократно озвученный тезис о благодарности России за помощь, предоставленную Сербии в ходе Первой мировой войны. Одновременно он указал, что югославское правительство не готово признать советскую власть без гарантии реализации принципа суверенитета народа, в частности народа русского⁶. Важное место было уделено и вопросу формирования института правительственных делегатов в дипломатическом статусе, которые занимались бы проблемами репатриации русских беженцев из Югославии, а также вопросами торговли между обеими странами. Первоначально Белград предложил представителю Советской России статус делегата Красного Креста. Советское же предложение предполагало создание временных представительств аналогично тем, какие Москва уже имела в тех государствах, кото-

рые еще не признали советскую власть. Подобные миссии, пользовавшиеся дипломатическими правами и привилегиями, решали бы и проблемы репатриации⁷. В 1924 г. правительство Советской России добилось исключительного успеха в деле преодоления международной изоляции: состоялось анонсированное еще в конце 1923 г. ее международное признание правительствами Великобритании, Италии и Франции. Это значительно облегчило положение Москвы на международной арене — сделало полноправным партнером в международных отношениях. Власти Королевства СХС испытывали мощное давление белградской общественности, а также авторитетных интеллектуалов из рядов Демократической партии, настаивавших на признании Советского Союза, что соответствовало бы политике великих держав — союзников Сербии по Первой мировой войне. Казалось логичным, чтобы после признания ими власти большевиков в России этот шаг повторили бы и государства — члены Малой Антанты. В этой атмосфере официальный Белград начал предпринимать действия в направлении установления дипломатических отношений с Москвой. С 6 марта 1924 г. МИД и остальные властные структуры королевства стали считать В. Н. Штрэндмана исключительно делегатом по делам русских беженцев, находящихся в королевстве⁸.

Многие увидели в этом решении предзнаменование скорого урегулирования спорных вопросов. Однако из Москвы поступали противоречивые сигналы. Хотя советское правительство официально признало территориальную целостность Королевства СХС, Коминтерн на I конгрессе (март 1919 г.) постановил, что его следует считать творением «западноевропейского империализма»,

⁵ Подробнее об эмиграции из России в Юго-Восточную Европу и жизни беженцев в Сербии и на других территориях Королевства СХС см.: *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996; *Он же.* Руска емиграција на Балкану (1920–1940). Београд, 2006; *Миленковић Т.* Калмици у Србији 1920–1944. Београд, 1998; *Он же.* Школовање деце емиграната из Русије у Југославији 1919–1941. Београд, 2004; *Миленковић Т., Павловић М.* Белоэмиграција у Југославији 1918–1941. I–II, Београд, 2006.

⁶ *Krizman B.* Vanjska politika jugoslovenske države 1918–1941. Diplomatsko-historijski pregled. Zagreb, 1977. S. 74.

⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 4. Оп. 13. П. 76. Д. 1096. Л. 130. Письмо заместителя народного комиссара иностранных дел М. М. Литвинова Полномочному представителю в Германии Н. Н. Крестинскому 5 ноября 1922 г.

⁸ А. Ј. 334 — Министарство иностраних послова Краљевине Југославије. ПО. Ф. 17. Д. 47. Писмо Момчила Нинчића Василију Штрэндману од 4. априла 1924; *Животић А.* Покушај успостављања дипломатских односа између Југославије и Совјетског Савеза (1923–1927) // Русија/СССР и државност Србије/Југославије. Београд, 2018. С. 319–342.

подлежащим распаду. Советское правительство, пытаясь сгладить ситуацию, опубликовало декларацию по международным вопросам, в которой твердо заявило о необходимости федерализации королевства, желая избежать там гражданской войны в будущем. Несмотря на примирительный тон этого документа, создавалось впечатление, что имеет место неприкрытое вмешательство во внутренние дела суверенного государства. Это усугубило предубеждение Белграда в отношении Москвы⁹.

В конце 1925 — начале 1926 г. югославское правительство попыталось вступить в контакт с Советами, прибегнув к посредничеству турецкого министра иностранных дел Араса¹⁰. Начавшиеся переговоры вскоре прервались из-за кампании в белградской прессе, обвинявшей Москву в подстрекательстве различных политических партий и организаций к свержению существующего государственного строя. Советское правительство категорически отвергло утверждения белградской прессы о вмешательстве во внутривосточную жизнь югославского королевства.

Летом 1928 г. Чехословакия инициировала переговоры с советскими дипломатическими представителями о возможности коллективного признания СССР государствами — членами Малой Антанты. Кроме того, Советы откровенно сигнализировали югославской стороне о готовности к установлению дипломатических отношений с королевством¹¹. Установление режима личной власти короля Александра в январе 1929 г., а также стремительные геополитические изменения в Европе наложили отпечаток на югославскую позицию по вопросу признания Советского Союза. Этот вопрос по требованию Чехословакии, полагавшей, что настало время найти его решение, снова был включен в повестку дня конфе-

ренции министров иностранных дел Малой Антанты, состоявшейся в Белграде в том же году. В итоге ее участники постановили, что их прежняя консолидированная позиция не подлежит изменению. В первые годы авторитарного правления короля Александра, разумеется, не могло быть и речи о признании Советов. Однако эволюция личного режима и принятие югославской конституции, а также динамичные перемены в Европе, грозившие разрушением существовавшей системы международных отношений, обусловили известные изменения внешнеполитического курса Югославии. Инициатива Муссолини создать союз четырех великих держав подтолкнула государства Малой Антанты к поиску опоры на «другой стороне», что и привело к очередному их сближению с Советским Союзом. 4 июля 1933 г. участники Малой Антанты вместе с Турцией приняли советское предложение и подписали Конвенцию об определении агрессии¹². Она стала первым документом, подписанным совместно с СССР, хотя указанные государства по-прежнему не имели с ним дипломатических отношений.

Большое значение имела конференция глав МИД стран — участниц Малой Антанты, состоявшаяся в Загребе в январе 1934 г.¹³ На ней было принято решение об установлении отношений с Советским Союзом при наличии необходимых общих экономических и политических условий. В сложившихся обстоятельствах официальный Белград решил не препятствовать союзникам в принятии соответствующих решений, однако сам предпочел на время воздержаться от официального признания Советского Союза. Начавшийся процесс застопорился после гибели короля Александра. Советский Союз, несмотря на отсутствие дипломатических отношений

⁹ Dragović V. SSSR. Savez Sovjetskih Socijalističkih Republika. Beograd, 1940. S. 118.

¹⁰ Запись беседы Народного Комиссара Иностранных дел СССР с Послом Турции в СССР Закин беом, 7 января 1926 г. // Документы внешней политики СССР. М., 1964. Т. 9. С. 13–14.

¹¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 141–142. Протокол № 48. 25 октября 1928.

¹² Konvencija o definiciji agresije između SSSR, Čehoslovačke, Jugoslavije, Rumunije i Turske, London, 4. jul 1933 // Stojković M. Balkanski ugovorni odnosi 1876–1996. Dvostrani i višestrani međunarodni ugovori i drugi diplomatski akti o državnim granicama, političkoj i vojnoj saradnji, verskim i etničkim manjinama. II tom (1919–1945). Beograd, 1998. S. 369–372.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 527. Л. 28. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) с указаниями наркому по иностранным делам СССР М. М. Литвинову по вопросу о возобновлении дипломатических отношений с Румынией, Югославией и Чехословакией 3 июня 1934 г.

с Югославией, ответил на призыв французского правительства и горячо поддержал проект Конвенции о международной борьбе против терроризма.

После смерти короля Александра наступил новый этап югославской политики в отношениях с Москвой. Будучи убежденными антикоммунистами, принц Павел вместе с новым премьер-министром и главой МИД Миланом Стоядиновичем отвергали формальное признание СССР, отказывались от контактов с советской дипломатией и одновременно все отчетливее дистанцировались от совместного курса Малой Антанты. В то же время князь Павел и Стоядинович не могли игнорировать растущее влияние СССР на международные отношения. Поэтому они в обход Малой Антанты, при посредничестве Турции, направили Советам послание, смысл которого состоял в следующем: хотя не существует какого-либо конфликта между Москвой и Белградом, условия для взаимного признания еще не сложились. В ответ Советы выразили сожаление, подчеркнув, что в будущем не намерены принимать каких-либо решений, направленных против Югославии и ее интересов. Со своей стороны, югославские официальные лица заявили, что Белград не присоединится к какому-либо пакту, враждебному СССР. По их утверждениям, вопрос нормализации югославо-советских отношений лишен остроты, однако признание не может состояться по той причине, что советское представительство стало бы поддерживать политическую оппозицию в Югославии¹⁴. Тайные контакты Стоядиновича с Советами хоть и не привели к долгожданному признанию, однако вывели югославо-советские отношения на уровень взаимопонимания и постепенного согласования позиций. Несмотря на отсутствие дипломатических отношений с Советским Союзом, в июле 1936 г. югославское правительство после продолжительных переговоров подписало в Монтрё Конвенцию о режиме проливов, которая имела для СССР приоритетное значение. Безотносительно того, что указанное многостороннее соглашение помимо югославо- и советских представителей

¹⁴ Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Австрии с Посланником Югославии в Австрии Настасьевичем // Документы внешней политики. М., 1973. Т. 18. С. 556.

также подписали турецкие, болгарские, румынские, британские, французские, греческие и японские дипломаты, важным шагом в направлении нормализации двусторонних отношений можно считать сам факт признания СССР равноправным, заслуживающим доверия партнером¹⁵.

Политический кризис в Европе, вызванный Мюнхенским соглашением о присоединении пограничных земель Чехословакии, населенных немцами, к нацистской Германии, изменение баланса сил между великими державами, а также усугубление внутриполитических проблем вынудили князя Павла и югославскую дипломатию вернуться к проблеме установления отношений с СССР. Антагонизм интересов великих держав подталкивал князя Павла, не скрывавшего своего неприятия сближения с СССР, к поиску новых путей ведения внешней политики. Однако начало Второй мировой войны, советское вторжение в Польшу через две недели после нападения на нее гитлеровской Германии и особенно советско-финская война заставили югославскую сторону замедлить движение навстречу Москве. Опасения югославских властей подогревали и западные союзники, в частности британцы, опасавшиеся, что установление дипломатических отношений с Советским Союзом обернется усилением традиционных русофильских настроений в Югославии.

Переговоры об установлении дипломатических отношений активизировались после окончания советско-финской войны. В конце апреля — самом начале мая при участии югославского посла в Анкаре была достигнута договоренность как о визите торговой делегации Югославии в Москву, так и о процедуре обмена нотами между правительствами о взаимном признании. Югославская делегация прибыла в Москву в середине мая 1940 г. После подписания экономических соглашений стороны приступили к обсуждению будущего двустороннего сотрудничества, а также возможности приобретения Югославией в СССР дефицитного сырья и необходимого ее армии вооружения и военного

¹⁵ Konvencija o režimu moreuza (Dardanelima, Mramornom moru i Bosforu), Montre, 20. jul 1936, *Stojković M.* Balkanski ugovorni odnosi. Beograd, 1998. S. 389–404.

снаряжения¹⁶. Вслед за этим последовала ратификация заключенных договоров, а 24 июля 1940 г. состоялось официальное установление дипломатических отношений между Югославией и Советским Союзом. Падение Франции летом того же года вынудило Белград, опасавшийся возможной итальянской и германской агрессии, сделать выбор в пользу СССР как стратегического союзника, способного гарантировать безопасность Югославии. Советский Союз не отказался удовлетворить просьбу югославской стороны о предоставлении военной помощи. Однако декларативная готовность оказать ее наталкивалась на ряд затруднений.

Некоторые обещания, данные Москвой югославской стороне, остались невыполненными по ряду причин: во-первых, опасение вызвать нежелательную реакцию со стороны Берлина, во-вторых, недоверие в отношении поведения Югославии на международной арене и, в-третьих, сомнение в том, что югославская армия способна оказывать продолжительное сопротивление вероятному агрессору. В обстановке серьезных осложнений отношений с германским рейхом Советы смотрели на Балканы, и на Югославию в частности, как на предмет будущих советско-германских договоренностей с целью разграничения сфер влияния и переноса сроков германского нападения на СССР. Когда новое югославское правительство, сформированное после военного путча 27 марта 1941 г., запросило срочной помощи, Советы колебались — давать ли согласие на подписание советско-югославского пакта. Быстрый разгром югославской армии Германией не вызывал у них сомнений. Само заключение Договора о дружбе и ненападении, состоявшееся за несколько часов до германской агрессии, не имело практического смысла и носило скорее демонстративный характер. Стремясь ни в коем случае не провоцировать Берлин, советская дипломатия на протяжении скоротечной Апрельской войны воздерживалась от официального осуждения германского вторжения. Теми же

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 84 (Микоян А. И.). Оп. 1. Д. 17. Л. 82–84. Запись второй беседы Народного Комиссара Внешней Торговли Союза ССР. тов. Микояна, А. И. с руководителем Югославской Хозяйственной делегации г-ном. М. Джорджевичем, состоявшейся в присутствии т. т. Мая и Ксейкина 11 мая 1940 года.

соображениями был вызван разрыв дипотношений СССР с Югославией, последовавший 8 мая 1941 г. под предлогом, что с ее правительством утрачена связь¹⁷.

Пауза в дипломатических отношениях между Югославией и СССР была непродолжительной. Сразу после 22 июня 1941 г. югославское правительство выступило с заявлением о полной солидарности с Великобританией, которая признала СССР своим военным союзником¹⁸. Новые обстоятельства, сложившиеся после вступления Советского Союза в войну и упомянутого заявления югославского правительства в эмиграции, сделали актуальным вопрос восстановления отношений между Югославией и СССР. Его предвестником стало обращение В. М. Молотова к советскому народу, состоявшееся в первый день Великой Отечественной войны. При перечислении жертв фашистской агрессии нарком иностранных дел отдельно упомянул сербский народ, что можно считать первым официальным советским заявлением, осуждающим нападение нацистской Германии на югославское королевство. Вновь установив отношения с Югославией¹⁹ и признав ее своим военным союзником, советское правительство опосредованно признало и ядро антифашистского движения сопротивления, которое начало формироваться вокруг полковника Драголюб (Дражи) Михайловича в мае 1941 г. Однако наряду с официальными контактами с югославским правительством, располагавшимся в Лондоне, Советы в самой оккупированной Югославии делали ставку на своих идеологических союзников — югославских коммунистов, которые после нападения Германии на СССР приступили к организации вооруженного антифашистского движения в Юго-Восточной Европе, порой и за рамками территорий, входивших в межвоенный

¹⁷ Подробнее о югославо-советских отношениях в 1939–1941 гг. см.: Животић А. Югославо-советские отношения 1939–1941. М., 2019.

¹⁸ См. подробнее: Животић А. Московски гамбит. Југославија, СССР и продор Трећег рајха на Балкан 1938–1941. Београд, 2020. С. 596–600.

¹⁹ Во время встречи советского посла И. А. Майского с генералом Симовичем 11 июля 1941 г. в Лондоне была достигнута договоренность о возвращении в СССР дипломатических представителей Югославии. См.: А. Ф. 341. Посланство К. у Лондону. К. 31. А. 106. Забелешка од 11.7.1941.

период в состав королевской Югославии. Наблюдая за событиями в Югославии, Москва, руководствуясь соображениями военной целесообразности, выступала за совместное ведение боевых действий обоими антифашистскими движениями. Поддерживая официальные отношения с королевским правительством в эмиграции, что подразумевало уважение к государственному строю Югославии, и действуя с оглядкой на союзников, советское руководство поддерживало югославских коммунистов в их борьбе с оккупантами, но при этом старалось сдерживать рост их идеологически мотивированных революционных устремлений.

Такая тактика Москвы заставила руководство компартии Югославии на время отказаться от революционных лозунгов немедленной смены власти, изменения общественных отношений и установления в Югославии государственного строя советского типа. Начало гражданского противостояния в Югославии не было приоритетным для Москвы в период масштабных военных действий на территории СССР. Поэтому советское руководство стремилось дистанцироваться от событий на территории Югославии. С другой стороны, поощряя вооруженные вылазки югославских коммунистов, Москва надеялась изменить баланс сил в стране в их пользу, постоянно при этом критикуя эмигрантское правительство в Лондоне за его благосклонное отношение к сторонникам генерала Михайловича. Советская пропаганда все настойчивее преподносила командира четников как коллаборациониста. С лета 1942 г. партизанское движение под руководством КПЮ пользовалось все более активной протекцией СССР, что привело к обострению противоречий между ним и югославским правительством в эмиграции. В августе 1942 г. последовало официальное заявление²⁰ о поддержке партизан, однако жизненная необходимость рабочих отношений с союзниками по антигитлеровской коалиции вынуждала советское руководство поддерживать необходимый уровень отношений с правительством в изгнании. Этим объясняется как придание правительством СССР югославскому представительству в Москве бо-

²⁰ Памятная записка НКВД СССР югославской миссии в СССР 3 августа 1942 г. // Отношения России (СССР) с Югославией (1941–1945 гг.) Документы и материалы. М., 1998. С. 130–131.

лее высокого ранга посольства, так и прямой запрет руководству КПЮ на осуществление революционных перемен, которые готовили югославские коммунисты. Советы настояли на отказе от планов формирования в Югославии Национального комитета освобождения как параллельного высшего общегославского органа власти наряду с лондонским эмигрантским кабинетом. Решение вопроса «режима в Югославии» следовало отложить до окончания войны. Руководство югославских коммунистов, в основном, пошло навстречу требованиям Москвы — их главного покровителя на международной арене.

В результате изменения ситуации на полях сражений в Европе летом 1943 г. (на Восточном фронте, в Италии и в Средиземноморье), постепенного приближения советских победоносных армий к Балканам, а также активизации переговоров об открытии западными участниками антигитлеровской коалиции второго фронта в Европе против нацистской Германии актуальность приобрел вопрос о том, какое из югославских движений сопротивления заслуживает поддержки великих держав — союзников в борьбе с фашизмом и нацизмом. Более высокая военная активность партизан (во главе с КПЮ) в сравнении с Равногорским движением (генерала Михайловича) обусловила международное признание их в качестве воюющей стороны на Тегеранской конференции 1943 г. Одновременно с этим СССР стал оказывать более интенсивное давление на партизанское руководство (югославских коммунистов), принуждая его следовать советскому внешнеполитическому курсу, который отличала готовность к поиску компромисса с союзниками. Москва не сомневалась — компромиссная политика служит гарантом того, что из внутриюгославского конфликта победителем выйдет Народно-освободительное движение во главе с КПЮ, перед которым откроются все возможности на международной арене. Прибытие советской военной миссии в распоряжение партизанского Верховного штаба в феврале 1944 г., а затем и отъезд в Москву югославской военной миссии в апреле того же года сделали возможным предоставление советской военной помощи партизанскому движению во главе с КПЮ, которая обсуждалась с 1941 г.

Однако в отношениях между командованием партизан и советской стороной нередко возникали неприятные моменты. Их причиной становилось то, что Советы в интересах предупреждения или преодоления тех или иных противоречий с союзниками по антигитлеровскому военному союзу — Великобританией и США — заставляли югославских коммунистов идти на определенные политические уступки. Заручившись поддержкой Москвы, Йосип Броз Тито, возглавлявший КПЮ и партизанское движение, вступил в переговоры с британцами о международном признании будущей югославской власти. Свою позицию в ходе переговоров Тито координировал с Советами. При этом югославская сторона была убеждена, что приход Красной армии на Балканы предопределяет исход противостояния в Югославии. Подписание 16 июня 1944 г. на о. Вис соглашения с председателем королевского правительства Иваном Шубашичем, а также встречи Тито и Черчилля в Неаполе 12–13 августа происходили на фоне детального согласования лидером югославских партизан и Москвой предпринимаемых ими шагов.

Тайный отъезд Йосипа Броза Тито в Москву в сентябре 1944 г. стал поворотным моментом в югославско-советских отношениях. Достигнутое соглашение об участии Красной армии в военных действиях на территории Югославии, фиктивно одобренное НКОЮ, стало прологом длительного периода влияния СССР на общественно-политическую ситуацию в Югославии, а также восприятие Югославией советской модели развития государства. Кроме того, в военном отношении достигнутые договоренности имели следствием не только совместное ведение боевых действий партизанами и частями Красной армии, но и выход партизанского движения из стратегического окружения, в котором ему прежде приходилось действовать. Теперь партизаны, при прямой поддержке Красной армии, сражались на общих с остальными союзниками фронтах. Это повлияло и на британского премьера Черчилля, который, находясь в октябре того же года в Москве, в ходе переговоров со Сталиным согласился на проведение совместной политики в отношении Югославии с целью объединения всех сил для борьбы с немцами. Внутренние проблемы страны надлежало решить посредством объ-

единения королевского правительства с народно-освободительным движением. Таким образом партизанское движение заручилось решающей поддержкой Москвы в битве за Сербию и заложило прочный фундамент послевоенного революционного преобразования общества. Триумфом советской политики в отношении Югославии, осуществлявшейся в координации с западными союзниками, стало формирование правительства, в которое вошли представители НКОЮ и лондонского кабинета. Это событие венчало усилия по легализации фактического положения вещей в Югославии, в которой политическая власть перешла в руки коммунистов, добившихся абсолютной легитимности на международной арене. Временное правительство, в котором доминировали коммунисты, служило надежным гарантом как установления и укрепления советского влияния в Югославии, так и послевоенного преобразования общества (а лучше: послевоенного изменения общественного устройства). Поводом для следующего визита Йосипа Броза Тито в Москву в апреле 1945 г. — накануне завершающих операций по освобождению Югославии — стало подписание Договора о дружбе и сотрудничестве. Его значение состояло не только в том, что он стал вершиной военного союзничества, но и в том, что он намечал пути дальнейшего сотрудничества Советского Союза и Югославии — его важнейшего союзника на Балканах.

Главным фактором сближения двух стран служила гегемония коммунистических партий в каждой из них. В отличие от Советского Союза, где власть компартии предусматривалась конституцией, положение в Югославии было иным. Там облик партии по-прежнему определялся межвоенной моделью существования и функционирования нелегальной и преследуемой политической организации. Впоследствии этот диссонанс стал одной из причин разразившегося конфликта. У обеих партий имелись традиционные связи. До 1943 г. Коммунистическая партия Югославии представляла собой секцию Коминтерна, а ее членам надлежало во всем поддерживать Советский Союз. Идеологической подоплекой такого отношения служил пролетарский интернационализм в сочетании с императивным лозунгом защиты Советского Союза. Для югославских коммунистов единственным критерием

приверженности подлинному интернационализму являлось отношение к СССР и его государственному строю, возникшему в результате Октябрьской революции 1917 г. и последовавших преобразований. Все негативные явления советской действительности ими игнорировались или трактовались как следствие «троцкизма», интриг империалистов и врагов СССР. На подобных идеологических основах после войны отстраивалось полностью обновленное и преобразованное югославское государство, во всем опиравшееся на Москву. СССР югославскими коммунистами воспринимался уже не как одинокий «остров социализма» в империалистическом окружении, а как одна из наиболее могущественных мировых держав, без участия которой не решается ни одна важная международная проблема²¹.

²¹ Подробнее о югославско-советских отношениях во время Второй мировой войны см.: Новиков Н.В. Воспоминания дипломата. М., 1989. С. 74–83, 110–117, 202–208; Гибианский Л.Я. Советский Союз и Новая Югославия. М., 1987. С. 19–139; Petranović B., Dautović S. Jugoslovenska revolucija i SSSR (1941–1945). Beograd, 1988; Popović N. Jugoslovensko-sovjetski odnosi u Drugom svetskom ratu. Beograd, 1988; Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов / отв. ред. А.Я. Манусевич. М., 1985. С. 440–464; Đuretić V. 1) Vlada na bespuću. Internacionalizacija jugoslovenskih protivrječnosti 1941–1944. Beograd, 1983; 2) Saveznici i jugoslovenska ratna drama. Između nacionalnih i ideoloških izazova. I–II. Beograd, 1985; Гуренко Ю.С. Сталин — Тито. М., 1991. С. 89–270; Petranović B., Dautović S. Jugoslovenska revolucija i SSSR (1941–1945). Beograd, 1988; Волков В.К. Советское руководство в Юго-Восточной Европе в последний год войны. Некоторые проблемы советско-югославских отношений (1944–1945) // Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 83–116; Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. М., 2004. С. 337–339, 397, 429–434, 511–512, 520–532; Едемский А.Б. Москва и антифашистское движение И. Броз Тито (январь — начало октября 1944 г.) // Ослобођење Београда 1944 године. Сборник радова. Београд, 2010. С. 95–129; Тимофејев А. Руси и Други светски рат у Југославији. Београд, 2011; Dimić Lj., Životić A. Napukli monolit. Jugoslavija i svet (1942–1948). Beograd, 2012. S. 5–26, 57–214; Животич А. Югославско-советские военные противоречия 1947–1957. М., 2019. С. 25–44, 64–68, 93–98; Он же. Московски гамбит. Југославија, СССР и продор Трећег рајха на Балкан 1938–1941. Београд, 2020.

В первое послевоенное время Югославия и Советский Союз, вопреки некоторым затруднениям, недоразумениям и взаимным противоречиям, сумели заложить прочное основание будущего политического, экономического и военного сотрудничества. Богатый опыт и политическая мощь позволили Москве навязать Белграду собственную политическую и экономическую модель. Заключенные договоры между Москвой и Белградом стали вехами на пути взаимного сближения — формирования общего политического, военного, экономического и идеологического блока. В период послевоенных противоречий и размежеваний Югославия вступила как союзная держава из числа победителей в войне, овеянная ореолом жертвы и борца против фашизма и гитлеризма, но в то же время находящаяся в идеологической и политической орбите СССР. Внешняя политика Белграда следовала в фарватере Москвы, а внутреннее развитие Югославии сводилось к воспроизведению советских образцов. Советское влияние в Югославии проявлялось по-разному. Несмотря на то что нередко звучали разногласия относительно характера политики Югославии на Балканах, ее роли в событиях в Албании и гражданской войне в Греции, а также по проблеме создания Балканской федерации и Триестскому вопросу, Белград на международной арене следовал курсу, указанному Москвой.

Разоренная, экономически и демографически истощенная послевоенная Югославия, приготовившись к предстоящим коренным общественным преобразованиям, обратила свой взор на СССР как на своего естественного покровителя, защитника ее интересов на международном поприще, помощника в деле трансформации общества и государства. Со своей стороны, Запад в ситуации обострения отношений с Советским Союзом и начала холодной войны воспринимал Югославию как наиболее значимого сателлита СССР. Регулярная коммуникация советского и югославского партийного руководства поддерживалась через постоянное югославское партийное представительство в Москве и оба посольства. Однако определяющее значение для отношений двух партий, а следовательно, и двух государств, в которых эти партии являлись ведущими, а по сути, единственными политическими силами, имели встречи на высшем уровне, состоявшиеся во время приездов Тито

в Москву в 1945 и 1946 г. Ту же роль сыграли визиты делегаций, представлявших ведущие югославские политические, экономические, военные, культурные и профсоюзные организации, а также консультации Карделя и Молотова в ходе Парижской мирной конференции. Кроме того, участвовали, на чем особенно настаивал Сталин, и специальные двусторонние консультации, посвященные внешнеполитическим шагам Югославии. Советская сторона требовала координации действий в обсуждении проблем, напрямую не касавшихся СССР, но оборачивавшихся для него новыми обязательствами перед другими членами международного сообщества, прежде всего, ведущими западными державами.

В Югославии почитался культ советских руководителей, идеализировалась ситуация в СССР, прославлялись успехи советского государства и непобедимость его армии, переводилась советская литература и учебники, произведения русских писателей печатались невиданными тиражами, демонстрировались советские фильмы, регулярно публиковались репортажи о жизни в СССР и фотографии советских вождей. В Белграде появилось Общество югославо-советской дружбы, а советское культурное влияние бросалось в глаза на каждом шагу.

Прямое советское экономическое и культурное влияние проявлялось в Югославии по-разному. В СССР отправились 467 студентов, создавались совместные общества, в стране работали советские специалисты, а югославские офицеры обучались в советских военных учебных заведениях. Политическая и идеологическая общность Югославии и Советского Союза обусловила характер двусторонних экономических связей. В конце войны Югославия в экономическом отношении полностью зависела от СССР, рассчитывая на его помощь при осуществлении индустриализации страны. Основа послевоенных экономических отношений была заложена в результате подписания в апреле 1945 г. вышеупомянутых договоров, в которых, впрочем, преобладала политическая составляющая. Предоставление НКОЮ валютного кредита, поставки зерна и товаров народного потребления в конце войны предопределили характер будущих отношений в сфере экономики. Большая часть советской помощи была трофейно-

го происхождения²², однако трудно переоценить ее значение для экономики Югославии, разоренной за время войны. Тем не менее, югославская сторона этим не довольствовалась и хотела, чтобы экономические связи стали регулярными и упорядоченными. Уровень ожиданий югославы заметно превышал возможности разрушенной советской экономики и, следовательно, объемы той помощи, которую СССР, мобилизуя все свои ресурсы, предоставлял «новой Югославии». Следует учитывать, что во всем мире в то время наблюдался дефицит всех видов продуктов производства и транспортных средств, поэтому нельзя было и рассчитывать на более масштабные поставки. Товарообмен осуществлялся в соответствии с годовыми торговыми соглашениями, а также отдельными договорами. Большую роль в случае его реализации сыграл бы и заключенный в 1947 г. Инвестиционный договор, согласно которому СССР должен был предоставить Югославии для выполнения ее пятилетнего плана товаров на 135 млн долларов. Подписывая межгосударственные соглашения, советское правительство стремилось укрепить как двусторонние экономические связи, так и собственное влияние в Югославии. Она получала из СССР металлы, нефть, резину, газетную бумагу, твердые виды топлива. По предложению Белграда были созданы двусторонние хозяйственные общества, которым в недалеком будущем суждено было стать предметом разногласий между правящими элитами двух стран.

Югославия принимала уготованную ей Советским Союзом роль государства, пользующегося особым уважением со стороны прочих членов социалистического лагеря. Однако она не могла смириться с собственным вассальным положением в двусторонних отношениях, в рамках которых фактически не признавался автохтонный характер югославской революции, недооценивался ее вклад

²² Запись беседы Заведующего IV Европейским отделом НКВД СССР В.А. Зорина и Заведующего Экономическим отделом НКВД СССР В.С. Геращенко с заместителем Председателя НКОЮ Э. Карделем и начальником Югославской военной миссии в СССР В. Терзичем 23 ноября 1944 г. // Отношения России (СССР) с Югославией 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1998. С. 379–381.

в победу над фашизмом, а также отвергалась ее потребность в автономном внутреннем развитии. Хотя новые политические, военные и экономические договоры предвещали развитие сотрудничества, уже в начале 1947 г. проявились первые признаки серьезного кризиса югославско-советских отношений. Обусловленный несколькими факторами, он грозил перерасти в серьезный конфликт, который оказал бы долговременное негативное воздействие на связи двух стран. Прежде всего, Белград не мог или не хотел понимать, что помощь Москвы, несмотря на ее добрую волю, не безгранична и определяется скромными материальными возможностями советского общества, перенесшего тяжелейшую войну и огромные потери. При этом обе стороны старались, чтобы имевшиеся проблемы не бросались в глаза сторонним наблюдателям и ничто не нарушало бы сложившийся образ их союзничества. Однако в дальнейшем кризис постепенно выходил за рамки, в которых его можно было контролировать, и нарастал, принимая размеры серьезного и глубокого конфликта, контуры которого четко проступили в конце 1947 г.

Провал югославско-советских переговоров по экономическим и военным вопросам, состоявшихся в Москве в 1948 г.²³, стал прелюдией к началу конфликта в безоблачных, казалось бы, межгосударственных и межпартийных отношениях. Ряд накопившихся внешнеполитических разногласий, связанных с планами Белграда по вводу югославских войск в Албанию, характером помощи греческому партизанскому движению и советскими попытками навязать практику обязательного согласования всех внешнеполитических шагов вели к постепенному взаимному отдалению. Югославское

²³ Подробнее см.: *Ninković M.* Misija Bogdana Crnobrnje u Moskvi i pitanje odustajanja od trgovinskih pregovora za 1948. godinu // *Isorija XX veka*. 2018. № 2. С. 117–138; *Селинџ С.* Југословенско-совјетски преговори, децембар 1947 — фебруар 1948. године: прилог проучавању југословенско-совјетског сукоба 1948. године // *Браничево у историји Србије*. Зборник радова. Пожаревац; Београд, 2008. С. 595–614; *Животић А.* Југословенско-совјетске војне супротности 1947–1957. Београд, 2015. С. 71–104; Книга также издана в русском переводе. См.: *Животич А.* Югославско-советские военные противоречия 1947–1957. М., 2018. С. 70–92.

стремление к самостоятельности вступило в противоречие с советской решимостью укрепления дисциплины в социалистическом лагере, к которому побуждало обострение отношений с Западом. Решение югославского Политбюро «взять собственную судьбу в свои руки»²⁴ представлялось ему болезненным, но вынужденным и единственно возможным. Обмен посланиями, состоявшийся в течение весны 1948 г., поднял со дна на поверхность весь осадок накопившихся противоречий предыдущих лет. Югославской стороне ставилось в вину следующее: медленное строительство государственных институтов по советскому образцу; аграрная политика; массовость коммунистической партии, которую, якобы, наводнили «враждебные элементы»; ряд других шагов партийного руководства и явлений, присутствовавших в югославском обществе. Руководство югославской компартии отказалось идти на попятную и отправить делегацию в Бухарест на совещание партий, входящих в Коминформ в июне. Резолюция «О положении в коммунистической партии Югославии», принятая на этом совещании, открыла масштаб конфликта между Белградом и Москвой. Жестко отвергнув критику со стороны Москвы, Белград вступил на путь продолжительного политического, экономического и пропагандистского противостояния. К эскалации конфликта привели взаимные острые обвинения. В Югославии волна репрессий прокатилась по сторонникам резолюции Информбюро, русофилам, людям, симпатизирующим СССР, а также представителям русской эмиграции. Снизился уровень дипломатических отношений, а в обеих столицах за дипломатами была установлена тотальная слежка. Вскоре последовал разрыв договоренностей в области экономики и культуры. Атмосфера страха перед вероятным советским вторжением привела к сосредоточению войск в приграничных территориях и частым приграничным инцидентам. Союзники СССР по соцлагерю воспроизводили его политику в отношении Югославии²⁵.

²⁴ Об этом заседании см.: АЖ. 507/III (Политбиро ЦК КПЈ). III/32. Записник са седнице Политбироа ЦК КПЈ од 1. марта 1948.

²⁵ О югославско-советских отношениях в эпоху союзничества (1944–1948): *Đilas M.* Vlast. London, 1983; *Джилас М.* Беседы со Сталиным // *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 9–158; *Štrbac Č.* Svedočanstva

Первые перемены к лучшему для обеих сторон наступили после смерти Сталина в 1953 г. Летом того же года в СССР стала открыто обсуждаться возможность нормализации отношений с Югославией. Эту цель преследовала тайная переписка партийного руководства двух стран, начатая летом 1954 г. после завершения перетасовки высшей советской номенклатуры²⁶. В конце мая — начале июня 1955 г. в Белграде состоялась встреча делегаций правительств СССР и Югославии, результатом которой стало принятие Белградской декларации, определившей рамки будущего двустороннего сотрудничества. Запущенный процесс нормализации вскоре принес заметные изменения в политической, экономической и культурной сферах. Она получила новый импульс летом 1956 г., когда в Москву с государственно-партийным визитом прибыла делегация югославского руководства. Московская декларация, подписанная в конце переговоров, зафиксировала согласие обеих сторон, достигнутое при обсуждении как международной обстановки, так и отношений между двумя государствами и их партиями. Позитивная тенденция была нарушена в конце 1956 г.²⁷

о 1948. Beograd, 1989. С. 11–23; *Гибианский Л. Я.* Советский Союз и Новая Югославия. М., 1987. С. 140–192; *Гиренко Ю. С.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 271–321; *Петрановић Б.* Югославија на размеђу (1945–1950). Подгорица, 1998. С. 451–468; *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002. С. 13–121.

²⁶ Несколько подробнее о начале нормализации: *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 гг. М., 2009. С. 152–288.

²⁷ Подробнее о югославско-советском конфликте и нормализации: *Гиренко Ю. С.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 322–431; *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002. С. 122–299; *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008; *Štrbac Č.* Svedočanstva o 1948. Beograd, 1989; *Петрановић Б.* 1) Югославија на размеђу (1945–1950). Подгорица, 1998. С. 468–531; 2) Велика шизма. Четрдесетосма; Подгорица, 1999; *Калинова Е., Баева И.* Следвоенного десятилетия на българската външна политика (1944 — 1955). София, 2003. С. 139–162; *Терзић М., Басара М., Тасић Д.* Југословенска (народна) армија и Информбиро. Зборник докумената, Београд, 2015; *Borožan D.*

Ближневосточный кризис осени 1956 г., по которому позиции обеих сторон во многом оказались едиными, совпал с венгерскими событиями, ставшими предметом острых разногласий между Москвой и Белградом. ФНРЮ, поначалу поддерживавшая советское вторжение в Венгрию²⁸, осудила жестокость средств, с помощью которых СССР подавил восстание. Неудивительно, что в следующем году взаимодействие двух государств протекало неровно.

Начало 1957 г. прошло под знаком взаимных обвинений, озвученных в конце предыдущего года, что не помешало позднее перейти к укреплению экономических и политических связей и даже к обсуждению восстановления военного сотрудничества, прерванного в 1948 г. Тем не менее, несмотря на продемонстрированную добрую волю, СССР отказался пойти навстречу просьбам югославского руководства о поставках современного вооружения²⁹. Условием соглашения по этому вопросу Москва назвала отказ Белграда от западной военной помощи. Не принес ожидаемых результатов и состоявшийся осенью 1957 г. визит прославленного маршала и министра обороны Г. К. Жукова. Тем не менее, югославская сторона полагала, что и в военной области будет

Posrednik mira između gvozdениh zavesa (Razgovori Tito — Hruščov u Moskvi 1956.) // Vojnoistorijski glasnik. 1997. N1. S. 93–114; Idem. Posrednik mira između gvozdениh zavesa (Razgovori Tito — Hruščov u Moskvi 1956. — II deo) // Vojnoistorijski glasnik. 1997. N2–3. S. 133–153; *Tripković Đ.* Uspon i pad jugoslovensko-sovjetskih odnosa 1956. godine // Istorija XX veka. 2/1998. S. 129–141; *Tripković Ђ.* XX конгрес Комунистичке партије Совјетског Савеза и југословенско-совјетски односи // Архив. 2/2001. С. 200–212; *Дулић Љ.* Јосип Броз и Никита Сергејевич Хрушчов: разговори у Београду. 27. мај — 2. јун 1955. // Историјски гласник. 1–2/1997. С. 55–66; *Tripković Đ.* Jugoslavija — SSSR 1956–1971. Beograd, 2013, S. 19–50.

²⁸ Подробнее см.: *Едемский А. Б.* Был ли тайный сговор на Брионах накануне второй советской интервенции в Венгрии? (Советско-югославские консультации 2–3 ноября 1956 г.) // Славянство, растворенное в крови: сб. статей. В честь 80-летия со дня рождения В. К. Волкова. М., 2010. С. 349–370; *Он же.* По следам секретных консультаций на Брионах 2–3 ноября 1956 г. // Славянский альманах. 2010. М., 2011. С. 462–488.

²⁹ *Животић А.* Југословенско-совјетске војне супротности 1947–1957. Београд, 2015. С. 203; *Он же.* Југославско-советские военные противоречия. М., 2018. С. 177–178.

достигнута нормализация. Взаимными шагами на пути к ней стали удовлетворение Белградом требований Москвы относительно признания ГДР и обещание советского руководства помочь в строительстве комбината по производству алюминия в Югославии. Однако хотя ФНРЮ анонсировала отказ от западной военной помощи, в конце 1957 г. на горизонте показались контуры нового межгосударственного и межпартийного конфликта. К нему привели разногласия, связанные, во-первых, с подготовкой конференции компартий в Москве в 1957 г. и, во-вторых, с программой и уставом Союза коммунистов Югославии, которые предстояло утвердить на его съезде в Любляне. Хотя противостояние протекало в сфере политики и идеологии, оно наложило отпечаток и на прочие аспекты югославско-советских отношений³⁰.

Югославско-советские отношения оставались «замороженными» вплоть до 1961 г. К примирению Советский Союз подтолкнули, во-первых, позиция Югославии, озвученная в ходе Белградской конференции внеблоковых государств, во-вторых, конфликт СССР с Китаем, а затем и Албанией и, в-третьих, новая волна противоречий с Западом. Хорошими отношениями с западными странами не могла похвастать и Югославия, которая поэтому благосклонно отнеслась к намерениям советской стороны наладить двусторонние отношения. Югославии, прекратившей получать западную военную и экономическую помощь, снова была необходима поддержка. Кроме того, она жизненно нуждалась в международном партнере, который мог бы помочь ей в модернизации вооруженных сил. В 1962 г. Югославию с визитами посетили: глава советского МИД А. А. Громыко (в апреле) и формальный глава советского государства Л. И. Брежнев (в сентябре). Первый визит завершился констатацией взаимных намерений преодолеть имеющиеся проти-

³⁰ Подробнее о втором конфликте и нормализации югославско-советских отношений: *Bogetić D.* Nova strategija spoljne politike Jugoslavije 1956–1961. Beograd, 2006. S. 184–211; *Idem.* Drugi jugoslovensko-sovjetski sukob. Sudar Titove i Hruščovljeve percepcije politike miroľjubive koegzistencije // *Zbornik Spoljna politika Jugoslavije 1950–1961.* Beograd, 2008. S. 49–65; *Východ J., Litera B., Tejchman M.* Východ, vznik, vývoj a pozpad sovětskeho bloku 1944–1989. Praha, 2000. S. 447–448.

воречия³¹. Озвученная во время визита Брежнева готовность обеих сторон руководствоваться реальным положением вещей для дальнейшего развития югославско-советских отношений стала залогом начала нового этапа двустороннего сотрудничества, начавшегося с поездки в СССР в конце того же года Й. Броза Тито. Благожелательная атмосфера, установившаяся в отношениях двух стран, сделала возможным заключение новых экономических и военных соглашений. В первой половине 1960-х годов Югославия значительно более активно использовала статус наблюдателя в работе комиссий СЭВ, когда в развитии всей этой организации решающую роль играл сам Н. С. Хрущев. Однако вопреки сформулированному в Москве стремлению «принять в члены СЭВ все социалистические страны»³², югославы воздержались от вступления, а затем сохраняли дистанцию и в отношении разрабатывавшейся во второй половине десятилетия ее Комплексной программы социалистической экономической интеграции³³.

Поставки новейшего вооружения и военного снаряжения служили проявлением как высочайшего межгосударственного доверия, так и убежденности СССР в необходимости наращивать собственное присутствие в Югославии. Взаимное сближение Югославии и Советского Союза после 1962 г. происходило в атмосфере масштабных международных кризисов — Берлинского и Кубинского. В странах третьего мира также имелись собственные очаги нестабильности и болезненные точки. Предметом разногласий в данный период оставались, во-первых, внеблоковый характер внешней политики Югославии, критикуемый Советским Союзом, и, во-вторых, приверженность Белграда собственному пути

³¹ Более подробно о подготовке визита, переговорах и обмене письмами (4 и 28 апреля) как особой формы развития контактов см.: *Едемский А. Б.* Значение событий 1961/62 гг. для советско-югославского сближения первой половины 1960-х годов // *Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке* / отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2016. С. 312–315.

³² *Литкин М. А.* Совет экономической взаимопомощи: исторический опыт альтернативного глобального мироустройства (1949–1979). М., 2019. С. 85.

³³ Там же. С. 76–116.

построения социализма. Несмотря на существование серьезных разногласий, связанных, прежде всего, с восприятием Москвой и Белградом происходившего в социалистическом лагере, к сближению их подталкивали объективные международные обстоятельства. А именно: обострение отношений между СССР и США, вызванное событиями на Ближнем Востоке; эскалация военных действий во Вьетнаме, выраженное негативное отношение администрации Джонсона к коммунизму и государствам, выступавшим под его лозунгами.

В последующие годы общая восходящая тенденция положительного развития всех аспектов югославско-советских отношений продолжала укрепляться. Неизменно растущая внешняя задолженность Югославии, истощение золотовалютных запасов, попытки проведения денежной и экономической реформ, усилия повысить производительность народного хозяйства — все перечисленное побуждало Белград к развитию более тесных экономических отношений с СССР в первой половине 1960-х годов, когда наблюдался ускоренный экономический рост. Взаимное недоверие, царившее в 1962 г., сомнения и неуверенность, время от времени проявлявшиеся в 1965 г., сменились неуклонным ростом хозяйственного и военного сотрудничества, а также регулярными консультациями, происходившими на высшем государственном уровне³⁴. После 1948 г. двусторонние отношения никогда не были такими доверительными, как во время Ближневосточного кризиса, разразившегося в июне 1967 г. Во второй половине года Югославия до такой степени сблизилась с СССР и странами восточного блока, что стала считаться неформальным членом Варшавского пакта. К этому ее подтолкнуло как стремление любыми путями помочь арабским союзникам справиться с последствиями нанесенного им Израилем поражения, так и опасения за собственную национальную безопасность, возникшие после того, как стала очевидной неэффективность политики неприсоединения, никак не защитившей арабские страны, ее придерживавшиеся. Приняв участие во всех четы-

³⁴ *Bogetić D.* Jugoslovensko-američki odnosi 1961–1971. Beograd, 2012. S. 34–41; 156–203; *Tripković Đ.* Jugoslavija — SSSR 1956–1971. Beograd, 2013. S. 111–160.

рех конференциях, которые организовал Советский Союз с целью поддержки арабов, Югославия отказалась в пользу СССР и его союзников от ранее деклариовавшегося принципа равноудаленности во внешней политике³⁵.

События в Чехословакии в 1968 г. нарушили гармонию двусторонних отношений. Их ухудшение наступило после того, как Югославия в острой форме осудила как советскую политику по наведению «дисциплины» в рядах руководства восточноевропейских стран, так и само вторжение в Чехословакию. В том, как действовал СССР, Белград увидел угрозу собственной «независимости и безопасности». Что касается Москвы, то она критиковала самые разные аспекты югославской внутренней и внешней политики: самоуправление; экономические и общественные реформы; общественную роль СКЮ; меры по повышению обороноспособности (периодические мобилизации, маневры, принятие концепции общенародной обороны); приверженность политике неприсоединения; характер отношений и с Западом, и со странами соцлагеря³⁶. Однако с весны 1969 г. стало заметным советское стремление к урегулированию ситуации и возобновлению прерванных переговоров по различным вопросам европейской безопасности, что стало прямым следствием эскалации советско-китайского конфликта, обострения противоречий с Западом, а также появления ряда внутренних проблем. Вопреки подозрениям, что СССР попытается призывами к проведению консультаций на высшем уровне завуалировать собственную попытку ограничить и поставить под контроль югославский

³⁵ Подробнее о югославско-советских отношениях в контексте кризиса на Ближнем Востоке: *Bogetić D., Životić A.* Jugoslavija i Arapsko-izraelski rat 1967. Beograd, 2010. S. 131–149; *Tripković Đ.* Jugoslavija — SSSR 1956–1971. Beograd, 2013. S. 196–206.

³⁶ Запись беседы И. Броз Тито с послом СССР в СФРЮ И. А. Бенедиктовым, 31 августа 1968 г. // Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980. М., 2017. Т. 2. 1964–1980. С. 230–244; *Dimić Lj.* Pogled iz Beograda na Čehoslovačku 1968. godine // Tokovi istorije. 2005. № 3–4. S. 205–207; *Едемский А. Б.* Белград и Москва на грани очередного конфликта: Тито против Брежнева в 1968 г. // 1968 год. Пражская весна: 50 лет спустя. Очерки истории / под ред. Т. В. Волокитиной. М.; СПб., 2021. С. 55–81.

внешнеполитический потенциал, руководство СФРЮ считало необходимым достижение ясности в отношениях с СССР. Югославское руководство подталкивали следующие обстоятельства: обострившийся внутренний кризис; дробление единого югославского экономического пространства; рост национализма и самостоятельности республик. Что касается советской стороны, то для нее новое сближение с Югославией представляло собой один из аспектов предпринятого изменения внешнеполитического курса. В дальнейшем двусторонние отношения определялись неизменной потребностью поддерживать баланс между необходимым уровнем близости двух стран и сохранением особого положения и роли Югославии.

Нормализация отношений с СССР, которая совпала с установлением глобальной политической атмосферы разрядки, а также решением югославского руководства строить новую модель национальной безопасности в рамках достижения безопасности общеевропейской, создала благоприятную атмосферу в двусторонних отношениях. Плотное сотрудничество в течение Ближневосточного кризиса 1973 г., а также советская поддержка целостности Югославии во время «хорватской весны» 1971 г. упрочили двусторонние связи и открыли перспективу дальнейшего развития политического, экономического и военного сотрудничества. В этот период постоянно увеличивался товарооборот между двумя странами, что во многом способствовало росту уровня жизни югославского населения³⁷. Тем не менее, конец 1970-х годов принес новые испытания югославскому руководству. Страх в связи с гипотетическим политическим и военным давлением, которое мог бы оказать СССР на Югославию, лишившуюся Й. Броза Тито с его между-

³⁷ *Tripković D.* Jugoslavija — SSSR 1956–1971. Beograd, 2013, S. 265–288; Записка о беседе И. Б. Тито с заместителем председателя Правительства и председателем Госплана СССР Н. К. Байбаковым 9 декабря 1971 г. // Встречи и переговоры на высшем уровне... Т. 2. С. 367–373; Информация о визите И. Броз Тито в Советский Союз 5–10 июня 1972 г. // Там же. Т. 2. С. 403–416; Записка о переговорах И. Броз Тито с председателем советского правительства А. Н. Косыгиным 28 сентября 1973 г. // Там же. Т. 2. С. 419–422; Письмо И. Броз Тито Л. И. Брежневу о ситуации на Ближнем Востоке 1 ноября 1973 г. // Там же. Т. 2. С. 426–428.

народным авторитетом, развеял сам Советский Союз. Еще во время острой фазы болезни Тито, а также в ходе кулуарных переговоров, сопровождавших прощание с ним, советская сторона недвусмысленно дала понять, что Москва будет отстаивать целостность и независимость Югославии³⁸. В условиях всеобщего замешательства и откровенных опасений за будущее страны, охвативших югославское государственное и партийное руководство, сигналы, поступавшие из Москвы, действовали ободряюще. Однако общественные и экономические процессы, протекавшие в обеих странах, диссонировали с достигнутым политическим взаимопониманием. Рост югославского внешнего долга, падение производства, увеличивающаяся зависимость от импорта, который становилось все тяжелее оплачивать, растущая напряженность в отношениях между республиками югославской федерации, а также общая невозможность поддержания минимального политического единomyслия и дисциплины внутри федерации — все перечисленное сводило на нет возможности Югославии на международной арене. Со своей стороны, Советский Союз все глубже погружался в пучину экономического кризиса, который побуждал к проведению экономических реформ и поиску новой модели отношений с западным миром.

Визит нового советского лидера-реформатора Михаила Горбачева (март 1988 г.) дал повод возобновить старую дискуссию о существе взаимных отношений, прерванную в 1948 г., и подчеркнуть совпадение взглядов на будущее сотрудничество³⁹. В совместной декларации, опубликованной к концу переговоров, подчеркивалась необходимость широкого сотрудничества при уважении

³⁸ Запись беседы Л. И. Брежнева с югославскими руководящими деятелями во время визита Л. И. Брежнева на похороны И. Броз Тито, 7 мая 1980 г. // Встречи и переговоры на высшем уровне... Т. 2. С. 613–619.

³⁹ Несколько подробнее см.: *Едемский А. Б.* О визите М. С. Горбачева в Югославию в марте 1988 года // *Slobodan Milošević: put ka vlasti. Osma sednica CK SKS: uzroci, tok i posledice.* Beograd–Stirling, 2008. S. 229–255; *Гуськова Е. Ю.* Сербия ждала поддержки. Визит М. С. Горбачева в Югославию в марте 1988 года // *Новая и новейшая история.* 2019. № 5. С. 128–144; *Романенко С. А.* «Перестройка» и/или «самоуправленческий социализм»? М. С. Горбачев и судьба Югославии // *Славянский альманах.* 2007. Т. 2006. С. 171–209.

общепринятых и нашедших свое подтверждение принципов. В то время оба государства испытывали серьезный системный кризис. В свете решимости советского руководства проводить политику внутренних преобразований и урегулировать отношения с Западом, особенно в связи с объединением Германии, Югославия выпала из числа внешнеполитических приоритетов Москвы. Изменившаяся международная роль Советского Союза осталась непонятой югославским союзным руководством, которое столкнулось с внутренним кризисом, крахом коммунизма, все более настойчивыми требованиями восстановления многопартийности, набравшими силу националистическими движениями, откровенными призывами к распаду федерации. Переключение внимания СССР на внутренние проблемы, вывод советских войск из Европы и сближение с Западом происходили параллельно с эскалацией югославского кризиса и гражданской войной. В отсутствие надежной опоры Югославии в лице СССР решение о ее судьбе принимали западные государства, которые, не задумываясь, встали на сторону тех, кто желал раздела страны. Попытка югославских военных заручиться поддержкой советского военного руководства и осуществить путч, предотвратить дезинтеграцию государства провалилась⁴⁰. Кровавая гражданская война в Югославии и подписание договора о роспуске СССР положили конец эпохе югославско-советских отношений и открыли новую страницу отношений между сербским и русским народами.

I

АЛЪЯНС (1945–1948 гг.)

⁴⁰ *Кадиевич В.* Контрудар (Мой взгляд на распад Югославии). М., 2007. Кн. II. С. 99–103.

Глава 1

СССР и политика югославских коммунистов по отношению к Албании (1941–1945 гг.)

До ноября 1941 г. в Албании не существовало единой организованной коммунистической партии. Ряд небольших коммунистических групп, сформированных в начале 1920-х годов, особенно после падения режима Фана Ноли, были разрозненны и отделены от возможных союзников. Кроме того, после 1937 г. эти малочисленные коммунистические группы, как и ранее, выступали с неуступчивых троцкистских позиций, что дало Коминтерну повод распустить их. Поскольку албанские коммунисты отказались выполнить эту директиву, то уже в 1939 г. югославская компартия получила от Коминтерна мандат на реорганизацию албанских коммунистических групп¹. Й. Броз Тито уполномочил Миладина Поповича, секретаря областного комитета КПЮ по Косову и Метохии, попытаться создать в Албании партийную организацию, но не ставить вопрос о партийном руководстве, дав возможность ситуации «созреть»². Попович достаточно быстро через Фадила Ходжу, Эммина Дураку и албанского студента из Белграда Тана-са Зике сумел установить связь со скадарской коммунистической группой. Начатая Поповичем работа была прервана в начале Второй мировой войны, так как его вместе с Крето Филипповичем арестовали и интернировали в Албании во время их поездки из Метохии в Черногорию. После восстановления связи через Фадила

¹ Бартл П. Албанци. Од средњег века до данас. Београд, 2001. С. 227.

² Дедиџер В. Југословенско-албански односи 1939–1948. Београд, 1949. С. 15–17.

Ходжу Областной комитет КПЮ по Косову и Метохии направил в Албанию с прежними указаниями, в духе предыдущей директивы, Душана Мугошу, который в сентябре 1941 г. провел десять дней в Тиране, где установил связь с албанскими коммунистами. Лишь члены группы из Корчи отказались вести переговоры с Мугошей, заявив, что не доверяют ему³. Достаточно быстро в Витомирицу под Печем, где располагались косовские коммунисты, прибыли албанские единомышленники с просьбой о помощи в создании партии. В это же время Мугошу вновь отправили в Албанию, где он организовал побег Поповича из итальянского лагеря⁴.

Попович и Мугоша провели ряд конспиративных встреч с представителями скадарской и корчанской групп, а также с членами «группы молодых». После переговоров представители всех трех групп высказались на совместной конференции за создание партии с включением в нее всех своих членов. Учредительная конференция состоялась нелегально в Тиране 8 ноября 1941 г. На ней избрали временное руководство партии, приняли резолюцию и провозгласили манифест. Первой значительной акцией стала организация массовых демонстраций в Тиране. Быстро была создана и молодежная организация. В дальнейшем по советам Поповича и Мугоши началось формирование партийных ячеек в стране⁵, зимой 1941–1942 гг. — создание албанской коммунистической партии. Работа по превращению партии в массовую проводилась в спешном порядке. Этого требовала как международная обстановка, так и характер итальянского оккупационного режима в Албании. Довольно быстро были сформированы небольшие партизанские группы, которые также быстро вступили в борьбу. Югославское влияние на организацию постоянно росло, а опыт действий КПЮ превращался в своего рода практическое руководство и справочное пособие для будущей работы партии албанских коммунистов⁶.

Достаточно быстро созрели условия для созыва первой учредительной партийной конференции. Руководство югославской

³ Mugoša D. Na zadatku. Beograd, 1975. S. 21.

⁴ Дедиџер В. Југословенско-албански односи... С. 17.

⁵ Там же. С. 22.

⁶ Там же. С. 23.

коммунистической партии организовало поддержку Коминтерна в ее проведении. Сообщение о действиях албанских коммунистов руководству КПЮ доставил Мугоша, который больше двух месяцев добирался до Боснии по территории, контролируемой итальянцами, немцами и четниками. Йосип Броз Тито по просьбе албанской компартии направил на конференцию своего представителя⁷. Его выбор пал на Блажо Иовановича, к которому позже присоединился Войо Тодорович. Представители КПЮ прибыли в Лабинот 16 декабря 1942 г. и информировали участников конференции о признании Коминтерном албанской компартии. Одновременно с укреплением рядов албанской компартии развивалось и партизанское движение под ее руководством. Югославская радиостанция «Свободная Югославия» в ряде передач и сообщений об акциях албанских партизан способствовала признанию этого движения.

Подготовка к первой учредительной конференции продолжалась до марта 1943 г. Для участия в ней выбирались представители. Этот учредительный форум проходил в Лабиноте с 17 по 22 марта 1943 г. Во время его работы 50 делегатов определили организационные рамки партии и приняли важные решения по вопросу об организации Народно-освободительной армии. Решающую роль в проведении конференции, подготовке проектов ее решений и докладов, а также в формулировании заключительной резолюции сыграли югославские представители. Эмиссар КПЮ Светозар Вукманович-Темпо побывал в Албании два раза — в марте и июле 1943 г. Результаты его визитов были плодотворны. Он оказал решающее влияние на организацию вооруженных отрядов и их активную борьбу против балистских⁸ и оккупационных войск⁹, создание в июле 1943 г. Верховного штаба Народно-освободительной армии Албании, а в августе — первого боевого соединения,

⁷ Petranović B. Balkanska federacija 1943–1948. Beograd, 1991. S. 53.

⁸ Националистическое антифашистское и антикоммунистическое движение, противник коммунистов в гражданской войне в Албании.

⁹ AJ. 507/IX. (Фонд Комисија за међународне односе и везе ЦК СКЈ — КМОВ). Албанија. I/I I-19. Директивно писмо Бироа ЦК Албаније окружном комитетима КП Албаније од 3. новембра 1943.

1-й бригады¹⁰. По его совету была изменена политика албанских коммунистов по отношению к Бали Комбетар¹¹. Летом 1943 г. значительно расширилась территория, находящаяся под контролем партизанских отрядов албанских коммунистов. Капитуляция Италии дала значительный импульс усилению партизанского движения¹². Попытка немцев совместным наступлением с албанскими формированиями зимой 1943/1944 г. разбить Народно-освободительную армию не дала результатов. В начале 1944 г. в ее рядах уже насчитывалось семь бригад, а летом того же года была создана и дивизия¹³. Действия албанской партизанской армии распространились и на северные районы страны. Под решающим влиянием коммунистов укреплялся Народно-освободительный фронт. На первом Антифашистском конгрессе в Пермете 24 мая 1944 г. по югославскому образцу было создано Антифашистское вече национального освобождения Албании и Национальный комитет в качестве временного албанского правительства¹⁴.

Опираясь на большую югославскую консультационную и материальную помощь, албанские коммунисты копировали югославский революционный опыт, пытаясь адаптировать его к собственным условиям, которые совершенно не были похожи на существовавшие в тот момент в Югославии.

Помимо того что в Албании югославское партийное руководство пыталось создать крепкую партийную и военную организацию, в условиях менявшейся ситуации на мировом театре военных действий в конце 1942 г. оно также стремилось активно действовать на юге Балкан. На юг страны отправился С. Вукманович-

¹⁰ *Дедиџеп В.* Југословенско-албански односи... С. 24.

¹¹ *Vukmanović V.* Revolucija koja teče. Beograd, 1971. Т. 1. С. 172. Бали Комбетар — учрежденная в 1939 г. албанская националистическая антикоммунистическая организация, имевшая целью создание Великой Албании.

¹² О распаде итальянской оккупационной системы на территории Албании подробнее см.: *Bergvin Dž. H.* Imperija na Jadranu. Musolinjevo osvajanje Jugoslavije 1941–1943. Beograd, 2007. С. 221–260.; *Nenezić D.* Jugoslovenske oblasti pod italijanskom okupacijom (1941–1943). Beograd, 1999. С. 197–212.

¹³ *Petranović B.* Balkanska federacija... С. 55.

¹⁴ *Дедиџеп В.* Југословенско-албански односи... С. 25.

Темпо с заданием способствовать расширению и усилению борьбы на территории южной Сербии, Македонии, Косова и Метохии и установлению связей с представителями руководства компартий Греции, Болгарии и Албании¹⁵ для того чтобы подготовиться на случай, если союзники — участники антигитлеровской коалиции перенесут военные операции на Балканы. Тогда успехи партизанского движения оказались бы под угрозой из-за возможной помощи западных союзников гражданским политическим движениям. О характере этой миссии знали только руководитель югославских коммунистов Й. Броз Тито и сам Вукманович¹⁶. Подоплека этих планов, помимо активизации боевых операций и координации партизанских действий, заключалась в сохранении и обеспечении перспектив их участия в революции.

Активные действия Вукмановича достаточно быстро дали первые результаты. Договоренности о взаимном сотрудничестве представителей коммунистических движений были приняты 20 июня 1943 г. на албанской территории и касались необходимости развития борьбы против оккупантов на Балканах, важности взаимного сотрудничества и организации совместных действий. Это сотрудничество планировалось осуществлять путем создания единого штаба. Помимо военных, оно имело и долгосрочные политические цели, поскольку предполагало обеспечение победы народно-освободительных сил после уничтожения фашизма через создание необходимых условий уже в ходе войны¹⁷.

Решение вопроса о совместной борьбе значительно осложнялось проблемой албанского населения, переселившегося в Косово и Метохию, демонстрировавшего явные признаки шовинистической ненависти по отношению к сербскому населению на этих территориях. Расчеты на то, что переселение большого числа албанцев из Албании на территорию Косова и Метохии будет способствовать мобилизации югославских албанцев на борьбу против немцев, не оправдались¹⁸. Сложившееся положение югославы

¹⁵ *Petranović B.* Balkanska federacija... С. 62.

¹⁶ *Vukmanović S.* Revolucija koja teče. Т. 1. С. 168.

¹⁷ *Petranović B.* Balkanska federacija... С. 62.

¹⁸ Ibid.

пытались изменить требованием к командованию Народно-освободительной армии Албании направить на территорию севернее Скадара партизанские отряды для мобилизации населения на борьбу против оккупантов в Косове и Метохии. Командиром всех партизанских сил Косова и Метохии был назначен Фадиль Ходжа. Предполагалось, что албанцы положительно оценят возможность оказаться под защитой партизанского движения, что, в свою очередь, снизит их стремление вступать в отряды Бали Комбетар. Опасения негативной реакции сербов, проживавших на этих территориях, на такие действия партизанского руководства отходили при этом на второй план. Необходимость мобилизации албанцев на борьбу с оккупантами остро стояла и в Македонии¹⁹. Предполагалось, что Верховный штаб Народно-освободительной армии Албании направит в это район Ходжи Леши для установления тесного сотрудничества с македонскими партизанами в пределах Эльбасана с целью полного овладения этой областью и разрыва коммуникации по линии Корча — Эльбасан²⁰. Предполагалось сконцентрировать греческие партизанские отряды в районе Костурийа, албанские — в окрестности Корчи, а югославские — на территории Охрид — Битоль. Во время первой встречи албанских, греческих и югославских представителей 12 июля 1943 г. было решено создать совместный штаб как ядро будущей конфедерации балканских стран, а также предусмотрено, что в штаб войдут четыре командира и четыре политических комиссара²¹.

Действия Вукмановича по созданию Балканского штаба встретились с противодействием в Македонии из-за имевшихся там межнациональных проблем. Уже осенью 1943 г. Йосип Броз Тито выразил сомнение в целесообразности создания этого штаба²². Чем он руководствовался, можно только предположить. Видимо, с одной стороны, это было связано с опасением возможного распыления автохтонной югославской революции и ее завоеваний в новых идеологических, военных и политических обстоятельствах,

¹⁹ *Барта П.* Албанци. С. 228.

²⁰ *Petranović B.* Balkanska federacija... S. 62.

²¹ *Vukmanović S.* Revolucija koja teče. T. 1. S. 175.

²² *Petranović B.* Balkanska federacija... S. 66.

с другой стороны, — возможной негативной реакции западных союзников, поддержка и помощь которых в условиях острого гражданского конфликта и борьбы за власть в Югославии была столь необходима Броз Тито.

Несмотря на рост влияния в Албании югославских коммунистов, вновь стали проявляться прежние проблемы предшествующих десятилетий. Освобождение Албании и югославских территорий, населенных албанцами, возродило старую идею албанского этноцентризма. Все основные политические силы в Албании — соратники оккупантов, антифашисты, ориентированные на Запад, — выдвигали проект Великой Албании в качестве одного из национальных приоритетов. Коммунисты не делали это в открытом, программном виде вследствие специфических отношений с югославской стороной²³, однако те, кто участвовал в Народно-освободительном движении на территории Югославии, выступили за национальную интеграцию албанцев, хотя албанское население в Югославии не поддерживало Народно-освободительное движение, предполагая, что оно стремится к восстановлению прежнего механизма межнациональных отношений²⁴. Межнациональные противоречия сказывались и на отношениях между возглавляемыми коммунистами партизанскими движениями обеих стран²⁵.

В преддверии капитуляции Италии в отношениях между двумя компартиями актуализировался и вопрос о Косове и Метохии²⁶. В условиях, когда большинство албанского населения (на территории Югославии) публично выступило за присоединение к Албании, руководство албанских коммунистов, в силу зависимости от югославского Народно-освободительного движения, попыталось ускорить рассмотрение вопроса о послевоенном статусе

²³ *Борозан Ђ.* Велика Албанија. Поријекло. Идеје. Пракса. Београд, 1995. С. 237.

²⁴ *Petranović B., Dautović S.* Jugoslavija, velike sile i balkanske zemlje, 1945–1948. Iskustvo «narodne demokratije» kao partijske države. Beograd, 1994. S. 82.

²⁵ АЈ. 507/IX. Албанија. I/I-6. Проглас народу Косова из децембра 1943.

²⁶ Албанија, I/I-2. Питање Косова. В документе указан только год опубликования статьи в газете Bashkimi — 1943.

Косова и Метохии²⁷. В создавшейся ситуации было очень сложно найти компромиссное решение и удовлетворить оба народа, так как сербы, естественно, были против присоединения этих областей, которые они считали своими, к Албании — родной стране другого народа. Албанское руководство попыталось решить эту проблему, расширив компетенцию Верховного штаба Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Албании на территорию Метохии²⁸, но после немедленной и резко негативной югославской реакции оно отступило, дистанцируясь как от квислинговского проекта независимой Албании, так и от проекта Великой Албании, предлагаемого балистами. Особую роль в изменении позиции албанского руководства сыграло письмо Йосипа Броза Тито С. Вукмановичу от 6 декабря 1943 г., в котором он выступил против возможной передачи Косова и Метохии Албании²⁹. На втором заседании АВНОЮ вопрос Косова и Метохии не затрагивался, что дополнительно раздражало и нервировало албанских коммунистических вождей. Югославская партийная верхушка решительно отвергла позицию югославского партийного инструктора в Албании М. Поповича, ослепленного лозунгами и идеями интернационализма, предлагавшего передать Косово и Метохию Албании³⁰. Стало очевидно, что война так и не стала катализатором в решении этой проблемы. Югославские коммунисты исходили из принципа уважения права каждой нации на самоопределение, но считали косовских албанцев национальным меньшинством. Кроме того, югославская сторона опасалась актуализировать этот вопрос из-за слабости народно-освободительного движения в Албании.

Руководство албанских коммунистов болезненно отреагировало на отсутствие в повестке проблемы Косова и Метохии на втором заседании АВНОЮ. В то время, когда шла подготовка к съездам областных антифашистских форумов, партийное руководство Косова и Метохии настаивало на созыве такой конференции, на которой присутствовали бы все три народа (сербы, черногорцы и албанцы),

²⁷ Коматина М. Енвер Хоџа. Београд, 1995. С. 34.

²⁸ Petranović B., Dautović S. Jugoslavija, velike sile i balkanske zemlje... S. 84.

²⁹ Vukmanović S. Revolucija koja teče. T. 1. S. 191.

³⁰ Petranović B. Balkanska federacija... S. 92.

все политические течения и сословия. В инструкциях центральных партийных органов КПЮ проведение заседания областного (партийного) комитета Косова и Метохии не было предусмотрено³¹. Албанская сторона попыталась поставить руководство КПЮ перед свершившимся фактом, демонстрируя политическую волю албанского народа, недовольного постановлениями АВНОЮ, в которых не упоминались албанцы. Фадиль Ходжа и Исмет Шачири старались обеспечить албанское большинство на предстоящей конференции³². Делегатов избирал Главный штаб Косова и Метохии. Из 61 избранного участника прибыли 49 делегатов (из них 43 албанца, один мусульманин, семь сербов и черногорцев). Два делегата не приняли участия в заседаниях конференции, но считались ее участниками, так как еще накануне сообщили о своем согласии с ее решениями³³. Десять делегатов были гражданами Албании, а один прибыл из местечка Плава в Черногории, и его участие в ней демонстрировало общеалбанский характер конференции. Конференция состоялась на албанской территории, в Буяну, в области Жакочичкой Малесии 31 декабря 1943 г. и 1 и 2 января 1944 г.³⁴

Основной пункт принятой на конференции резолюции противоречил главному принципу федеративной организации Югославии. Он указал на необходимость присоединения к Албании тех территорий, на которых большинство составляло албанское население. Считалось, что этой цели можно добиться в сотрудничестве с остальными народами Югославии³⁵. Несмотря на то что решения, принятые Буянской конференцией, были отменены письмом Политбюро ЦК КПЮ (март 1944 г.), в котором подтверждались резолюции АВНОЮ и осужден любой вид сепаратизма, конференция оказала глубокое воздействие не только на отношения между двумя партиями, двумя странами и народами, но и на развитие

³¹ Ibid. S. 92–93.

³² Ibid.

³³ Prifti P. Socialist Albania since 1944: domestic and Foreign Developments. Cambridge, 1978. S. 35.

³⁴ Petranović B. Srbija u Drugom svetskom ratu (1939–1945). Beograd, 1992. S. 411.

³⁵ Petranović B. Balkanska federacija... S. 94.

всей балканской политики в первые послевоенные десятилетия. Вопрос о статусе Косова и Метохии в течение 1944 г. не был решен. Политика свершившегося факта, взятая на вооружение организаторами Буянской конференции, была тогда отвергнута, но от этого ситуация в Косове и Метохии не стала более определенной. Летом 1944 г. руководство югославских коммунистов не было готово к решению данного вопроса, отложив его до полного освобождения Сербии, а также из-за опасения, что греки и англичане могли воспротивиться проектируемой национальной интеграции албанцев³⁶. Многие сербские буржуазные политики, входившие в Народный фронт, были против присоединения Косова и Метохии к Албании. Представитель руководства КПЮ Сретен Жуйович, возглавлявший в то время Народный фронт, решение этого вопроса связал с характером и перспективами албанского режима³⁷. Резолюция областной скупщины Косова и Метохии в июле 1945 г. отвергла решения Буянской конференции и, тем самым, практику «буянского» сепаратизма.

В время, когда бушевали страсти по вопросу о будущем статусе Косова и Метохии, в Албании под доминирующим влиянием югославских инструкторов усилилось сопротивление германской оккупационной системе. В начале 1943 г. немцы вместе с отрядами балистов начали наступление на албанские партизанские формирования³⁸. Вопреки ожиданиям, превосходящие силы германских войск не смогли потеснить албанских партизан, отряды которых состояли по большей части из албанских горцев, закаленных холодом, голодом и тяготами, которые они испытывали в условиях зимних военных действий на скалистых и труднопроходимых территориях³⁹. В боях, которые велись до конца февраля, немцы не достигли поставленных целей, несмотря на значительные потери. Мощное немецкое наступление привело к противоположному результату. Вместо разгрома партизанских сил, на что рассчитывали

³⁶ *Petranović B.* Srbija u Drugom svetskom ratu... S. 412.

³⁷ *Petranović B.* Balkanska federacija... S. 96.

³⁸ *Pano N. C.* The People's Republic Albania. Baltimore, 1968. S. 21.

³⁹ *Hibert R.* Albania's National Liberation Struggle. The Bitter Victory. London, 1991. S. 123–125.

немцы, произошло их укрепление. Сформировались новые партизанские отряды, которые отвоевали ранее утраченные территории, за исключением городков Гирокастро и Берат. К весне 1944 г. значительная территория, на которой проживало более 400 тысяч человек, что в то время составляло треть населения Албании, была освобождена от оккупантов⁴⁰.

М. Попович, югославский инструктор в Албании, в тяжелый период немецкого наступления старался действовать в соответствии с директивами югославского партийного руководства. Сразу же после завершения наступления он вел занятия на высших партийных курсах для руководящих кадров партизанских бригад. На этих курсах, продолжавшихся более месяца, кроме Поповича, преподавали К. Дзодзе, Р. Читаку, Л. Гега и Д. Мугоша. На занятиях изучались различные аспекты учения марксизма-ленинизма и истории ВКП(б). Для партийного образования в войсках использовались партийные пособия, подготовленные Блажо Йовановичем. Э. Ходжа и Верховный штаб, которые в период немецкого наступления не имели прямой связи с партизанскими бригадами, прибыли в центральную Албанию только после окончания работы курсов⁴¹. Попович, занимаясь идеологическим образованием молодых и политически неискушенных албанских партийных и военных руководителей, скорее неосознанно, чем систематически и намеренно передавал албанским слушателям югославский взгляд на вопросы устройства общества на основах марксистско-ленинского учения. Он, в отсутствие Э. Ходжи, мог беспрепятственно идеологически воздействовать на албанских военных и партийных руководителей, которым предстояло в будущем албанском обществе исполнять ведущие роли. Речь шла о важном шаге на пути унификации двух партий и постепенного, механистического, или, во всяком случае по законам естественного превосходства, более сильного и искусного дозирования югославского доминирования в Албании. Неторопливо, но основательно югославское влияние на курс албанской компартии и ее вооруженные силы

⁴⁰ *Costa N. J.* Albania. A European Enigma. New York, 1995. S. 73.

⁴¹ *Дедујеп В.* Југословенско-албански односи... С. 74.

цементировало путь к совместному погружению в единый идеологический лагерь, который постепенно выкристаллизовывался в Европе, открывая путь к дальнейшей идеологической и политической конфронтации с Западом, произошедшей непосредственно после окончания Второй мировой войны.

Д. Мугоша покинул Албанию сразу же после завершения курсов. Перед отъездом он принял участие в заседании ЦК компартии Албании. По его рекомендации был освобожден от должности начальник штаба Спиро Мойсиу, на место которого назначили комиссара штаба Э. Ходжу, что дополнительно усилило югославское влияние в албанском партийном и военном руководстве, поскольку его уже тогда можно было считать югославским фаворитом⁴². На съезде в Пермете в мае 1944 г. Ходжа был утвержден в должности в звании генерал-полковника. Кроме того, на этом же съезде Мугоша рекомендовал, опираясь на югославский военный опыт, провести укрупнение албанских партизанских сил и сформировать дивизию⁴³. Он также предложил на должность командира Первой дивизии Мехмета Шеху, что вначале вызвало сильное противодействие Ходжи, который, однако, преодолев личную неприязнь, отступил перед авторитетом Мугоши⁴⁴. Миладин Попович уехал из Албании после отъезда Мугоши в Косово и Метохию⁴⁵.

В конце лета 1944 г. в Албании начался последний этап военных действий: основные силы Советской армии наступали на Балканах и в Центральной Европе, в то время как был открыт второй фронт, где на территории Франции успешно разворачивались операции войск западных союзников⁴⁶. Перед Народно-освободительной армией Албании стояла особая задача. Требовалось собственными усилиями обеспечить блокирование коммуникаций, по которым из Греции отступала немецкая армия группы «Е», а также начать борьбу с крупными немецкими формированиями. В июне 1944 г.

⁴² Там же. С. 75.

⁴³ *Mugoša D.* Na zadatku. S. 191.

⁴⁴ *AJ.* 507/IX. Албанија. I/I-7. Извештај Душана Мугоше о стању у Комunistичкој партији Албаније (у без дати).

⁴⁵ *Дедујер В.* Југословенско-албански односи... С. 75.

⁴⁶ *Petranović B.* Srbija u Drugom... S. 504.

албанские партизанские силы сумели остановить немецкое наступление, имевшее целью их полное уничтожение. Одновременно действия албанских партизан необходимо было координировать с остальными операциями по освобождению Балкан. Красная армия после успешных операций на территории Румынии вступила в восточную Сербию и соединилась с сильной группировкой Народно-освободительной армии Югославии, которая также пробилась в Сербию из Боснии. После переворота (сентябрь 1944 г.) в Софии и болгарские войска начали операции против отступающих немецких войск⁴⁷.

В этих обстоятельствах в августе 1944 г. в Албанию прибыла югославская военная миссия во главе с полковником Велимиром Стойничем с задачей передать Верховному штабу Народно-освободительной армии Албании югославский опыт ведения боевых действий для предстоящих более серьезных, чем до этого, военных операций против отступавших из Греции немецких войск. Одной из задач миссии Стойнича было также установление постоянной связи между верховными штабами двух стран и помощь в дальнейшем строительстве Народно-освободительной армии Албании. Сразу же полковник Стойнич рекомендовал албанскому военному руководству от имени югославского Верховного штаба перенести центр операций на север страны⁴⁸. Прибытие югославской миссии в Албанию не только символизировало начало нового этапа в двусторонних отношениях, но и открыло путь к дальнейшему усилению югославского влияния в Албании, которое проявилось не только в плане строительства партийной организации, но и в проведении военных операций, организации и формировании вооруженных сил. Все это создавало солидный фундамент для последующего югославского военного присутствия в Албании после окончания войны.

В конце сентября и начале октября 1944 г. почти вся южная часть Албании была освобождена. Небольшие немецкие гарнизоны в Берате и ближайших городках — Лушњи, Кучови и Фийерии, Гирокастро и окрестностях — были легко нейтрализованы. На юге

⁴⁷ *Ibid.* S. 512.

⁴⁸ *Дедујер В.* Југословенско-албански односи... С. 78.

Албании немцы продолжали удерживать только укрепления на побережье с центром в Валоне и быстро отходили в северном направлении⁴⁹. Югославская военная миссия систематически работала над укреплением и реорганизацией албанских вооруженных сил. Албанской стороне были предоставлены почти все югославские материалы по различным вопросам организации Верховного штаба. Речь шла об оперативных и разведывательных материалах, материалах санитарной и интендантской службы, систем связи, а также об организации тыловых военных служб, корпусных округов, отдельных военных образований и специальных отрядов народной обороны⁵⁰. В соответствии с рекомендациями югославов албанский Верховный штаб немедленно приступил к реорганизации собственных структур, формированию отрядов народной обороны и тыловых военных органов.

Кроме того, в связи с необходимостью планирования и проведения крупных военных операций встал вопрос о создании сильных оперативных групп. По советам югославской военной миссии были сформированы новые дивизии, а затем и корпуса как высшие оперативные соединения Народно-освободительной армии Албании. Проведение реорганизации албанских вооруженных формирований стало апогеем югославского военного влияния в Албании в годы войны. Речь шла не только о передаче военного опыта⁵¹. Югославская сторона постоянно расширяла влияние в военных делах в Албании, прокладывая этим путь к дальнейшему проникновению в эту страну. Именно поэтому албанская сторона позже, во время конфликта 1948–1954 гг. проявила недовольство деятельностью югославской военной миссии. Энвер Ходжа подчеркивал, что конфликт со Стойничем был вызван тем, что он, являясь только главой югославской военной миссии, фактически был инструктором югославской компартии в Албании⁵². Кроме того, Стойнич, имея серьезный опыт партийной работы в прошлом, в том числе

⁴⁹ Барта П. Албанци. С. 228.

⁵⁰ Dimitrijević B. JNA od Staljina do NATO pakta. Armija u spolnoj politici Titove Jugoslavije. Beograd, 2006. S. 62.

⁵¹ Дедиџер В. Југословенско-албански односи... С. 80.

⁵² Hodža E. Titoisti. Beograd, 1982. S. 133–134.

и подпольный, военного опыта не имел. Доступные для изучения источники партийного и военного происхождения не позволяют подтвердить или опровергнуть эти утверждения. С другой стороны, некоторые источники ясно свидетельствуют о том, что Стойнич, помимо военных, имел и полномочия, и поручения политического и разведывательного характера⁵³. Несмотря на подобные подозрения, югославская военная миссия пользовалась неоспоримым авторитетом в Албании.

В начале ноября 1944 г. началась завершающая операция по освобождению албанской территории. После консультаций с югославской военной миссией албанский Верховный штаб принял решение о штурме Тираны. Конкретную помощь в организации новых служб в соединениях, которые должны были участвовать в операции, оказывал подполковник Войо Тодорович⁵⁴. Освобождение Эльбасана и Тираны было доверено Первому корпусу Народно-освободительной армии Албании. Верховный штаб при значительной помощи югославской военной миссии и лично полковника Стойнича разработал план взятия Тираны. Подполковник Тодорович в предстоящей операции отвечал за реализацию разработанного плана совместно с командованием Первого корпуса и подчиненными ему соединениями. Наряду с этим он должен был передавать устно особые приказы Верховного штаба военным подразделениям⁵⁵. Бои за Тирану начались в первые дни ноября и продолжались несколько дней. Обе стороны понесли значительные потери. Лишь 17 ноября 1944 г. албанские войска взяли Тирану, что привело к полному завершению войны на территории Албании⁵⁶.

Окончание основных военных операций в Албании означало и начало долгого процесса идеологического и политического сближения с югославскими коммунистами. Влияние КПЮ в Албании, начавшееся со скромной организации албанских коммунистов

⁵³ АЈ. 507/IX. Албанија. I/I-12, Депеша Велимира Стојнића упућена Александру Ранковичу о предстојећем заседању Бироа ЦК КП Албанија послата 26 марта 1945.

⁵⁴ Дедиџер В. Југословенско-албански односи... С. 80.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Marmulaku R. Albania and the Albanians. London, 1975. S. 114–115.

по мандату Коминтерна накануне Второй мировой войны, продолжавшееся в тяжелые годы войны и революции, превратилось в решающее югославское политическое, военное и идеологическое воздействие на Албанию, которое мощью и масштабом политического размаха предопределило будущий югославский патронат над Албанией.

Освобождение Албании от немецкой оккупации означало и значительный поворот в югославо-албанских отношениях, выглядевших до этого как особая взаимосвязь старого и молодого, опытного и менее опытного и трансформировавшихся в итоге в тесное сотрудничество в первую очередь в военной области. Перед лицом неясной ситуации в северной Албании, над которой албанские партизаны не могли установить контроль, а также в связи со значительной поддержкой албанцами Косова и Метохии нацистской Германии до последних дней войны, югославский Верховный штаб потребовал от Верховного штаба Албании отправить на территорию Югославии севернее от Дрины свои войска с целью создания новых отрядов и разгрома коллаборационистов, мотивируя это тем, что там усиливались силы противника⁵⁷. В Югославию были направлены 5-я и 6-я дивизии для преследования немецких войск группы армий «Е», отступавших из Греции и Албании. Сначала албанский Верховный штаб колебался, несмотря на настойчивость югославского командования. Югославская военная миссия в Тиране настаивала на том, что ввод войск в Югославию, на территории, населенные албанцами, будет иметь особое политическое значение⁵⁸, повлияет на югославских албанцев: изменит их крайне негативное отношение к партизанскому движению.

Части 6-й албанской дивизии около Подгорицы участвовали в боях с частями немецкого 21-го армейского корпуса, которые пытались через Никшич продвинуться в сторону Мостара. В боях около Ветренника особо себя проявили албанские отряды, понесшие и значительные потери. Совместно с частями югославского

⁵⁷ Petranović B. Balkanska federacija... S. 100.

⁵⁸ Dimitrijević B. JNA od Staljina do NATO pakta... S. 62.

2-го корпуса албанская 6-я дивизия участвовала в преследовании албанских пособников оккупантов в долине Лима и в Рашской области⁵⁹. Эта же дивизия провела наступление на Добрун, а позже вместе с 37-й санджакской дивизией НОАЮ взяла Вышеград. Албанская 5-я дивизия была направлена непосредственно в Косово и Метохию, где вместе с НОАЮ участвовала в освобождении Призрена и Джаковицы⁶⁰. Обе эти дивизии находились в оперативном подчинении 5-й югославской армии⁶¹. За включение этих дивизий в состав югославских вооруженных сил, их материальное обеспечение в югославском руководстве ответственность была возложена на Милована Джиласа. Кроме того, югославская сторона взяла на себя обязанность должного снабжения этих войск боеприпасами⁶². Обе дивизии оставались на территории Югославии вплоть до осени 1945 г. Они базировались на территории западной Македонии и участвовали в ликвидации оставшихся там групп балистов⁶³. В отношениях между югославскими властями и командованием этих частей часто возникало напряжение, поскольку бойцы албанской армии без предупреждения передвигались в районе Охрид — Подградец, не соблюдая пограничные правила⁶⁴. Осенью 1945 г. албанские вооруженные отряды проводили операции в зоне Ресен — Охрид — Струга и Тетово — Гостивар — Кичево⁶⁵.

Между тем, помимо развития военных и политических отношений, зимой 1944–1945 гг. вновь был поднят вопрос о будущем статусе Косова и Метохии. Ожилились споры 1942 г. с упоминанием устного обещания, данного М. Поповичем, о том, что после

⁵⁹ Дедичер В. Југословенско-албански односи... С. 82.

⁶⁰ Dimitrijević B. JNA od Staljina do NATO pakta... S. 62.

⁶¹ Zapisnici sa sednica Politbiroa Centralnog komiteta KPJ (11 jun 1945 — 7 jul 1948). Beograd, 1995. S. 66–67.

⁶² АЈ, 507/IX. Албанија. I/I-4. Извештај капетана Саве Станојевића, члана Војне мисије НОВЈ при ГШ Албаније о станју у јединицама НОВ Албаније од 10 новембра 1944.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. Албанија. I/I-8. Материјал о раду југословенске војне мисије у Албанији. С. 39–40.

⁶⁵ Dimitrijević B. JNA od Staljina do NATO pakta... S. 62.

войны Косово и Метохия перейдут к Албании⁶⁶. Еще летом 1944 г. в Албании был достаточно широко распространен тезис о будущем объединении Югославии и Албании. Югославские государственные интересы в тот период заставляли в новой ситуации занять позицию, которая позволила бы избежать уравнивания Югославии и Албании. В самом албанском руководстве раздумывали о присоединении Косова и Метохии, но избегали говорить об этом открыто. Албанские коммунисты подходили к данному вопросу с позиций интернационализма, права нации на самоопределение вплоть до отделения⁶⁷. Одновременно еще сохранившиеся албанские прозападные организации говорили о необходимости присоединения Косова и Метохии к Албании. По свидетельству члена югославской военной миссии в Тиране Нияза Диздаревича, та идея была глубоко жива в албанском народе⁶⁸.

Важный шаг в югославо-албанском сближении сыграло и подписание 20 февраля 1945 г. в Белграде двух договоров между Временным правительством Албании и Национальным комитетом освобождения Югославии⁶⁹. Один, который касался совместной борьбы против Германии, реально представлял основу будущего военного союза, связывавшего Югославию и Албанию обязательствами в случае нападения третьей стороны⁷⁰. Вторым договор предусматривал обмен промышленными товарами, в том числе предполагал, что Албания будет предоставлять Югославии излишки нефти, бензина и других производных нефтедобычи, а югославская сторона будет поставлять в Албанию кукурузу, пшеницу

⁶⁶ Смирнова Н.Д. Письмо Кочо Ташко в Москву // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 100–101.

⁶⁷ Petranović B. Balkanska federacija... S. 101.

⁶⁸ Dizdarević N. Albanski dnevnik. Sarajevo, 1988. S. 59.

⁶⁹ В составе албанской делегации находились: генерал-майор Муслим Пеза, заместитель премьер-министра правительства и член Генштаба НОА Албании д-р Омер Нишани, министр иностранных дел д-р Бехар Штила, министр сельского хозяйства генерал-майор Бедри Спахиу, министр социального обеспечения и член Генштаба НОА.

⁷⁰ АЈ. 836. I-3–b/II. Уговор о савезу и војној помоћи између Југославије и Албаније.

и сахар⁷¹. Оборонительным договором Югославия в действительности гарантировала независимость Албании в условиях, когда ей угрожала опасность со стороны Греции, которая в конце войны все чаще осуждала предыдущее албанское правительство за соучастие в итальянской агрессии против Греции в 1940 г. Албанские опасения усиливались и планами греческого правительства разделить Албанию между Грецией и Югославией. Югославо-албанский договор о военном союзе формировал основу создания необходимых условий для будущих федеративных отношений Белграда и Тираны.

Помимо идеи о Балканской федерации на отсрочку решения косовской проблемы оказало влияние сотрудничество косовских албанцев с немцами⁷². В декабре 1944 г. в центральных районах Косова вспыхнуло массовое вооруженное восстание, подавленное частями НОАЮ только в декабре 1945 г. при помощи присланных дополнительных подкреплений и введения военного управления⁷³. Это восстание организовала и возглавила Вторая Призренская лига с целью подготовки этнически чистого пространства будущей Великой Албании при поддержке со стороны немецких оккупантов, предоставивших албанским отрядам оружие. Немецкое военное руководство надеялось использовать восстание для сохранения собственных сил, которым приходилось отступать с неудобных стратегических позиций⁷⁴. Не следует исключить и того, что в этом восстании была заинтересована и британская сторона, вовлеченная в тот момент в начальную фазу гражданской войны в Греции и подавление зимой 1944–1945 гг. в окрестностях Афин сил ЭЛАС. Как считал известный югославский историк Б. Петранович, такое развитие событий отвечало интересам англичан, поскольку происходило в болевой точке Балкан — в треугольнике между Сербией,

⁷¹ Там же.

⁷² Petranović B. Balkanska federacija... S. 102.

⁷³ Борозан Ђ. Велика Албанија. Поријекло. Идеје. Пракса. Београд, 1995. С. 376.

⁷⁴ Подробнее об этом восстании см.: Borozan Đ. Secesionistička pobuna na Kosovu i Metohiji 1944–1945 // Istorija XX veka. 1995. № 2. С. 63–76; Борозан Ђ. Велика Албанија. Поријекло. Идеја. Пракса. Београд, 1995. С. 494–507.

Черногорией и Македонией, где существовала опасность вмешательства со стороны возможных вооруженных союзников греческого ЭАМ, которыми, по понятным причинам, были югославские и албанские коммунисты⁷⁵. Разгром албанского восстания отсрочил решение косовского вопроса, так как было необходимо время, чтобы обеспечить снижение межнациональной напряженности и некоторое упорядочение обстановки в этой области, а также уничтожить группы балистов, которые действовали в горных районах Косова и Метохии, или отступая в Грецию, или присоединяясь к силам полковника Мухарема Байрактара на севере Албании⁷⁶. По данным югославских военных, в пограничных областях вплоть до середины 1946 г. действовали около 1370 балистов, организованных в небольшие отряды⁷⁷. К концу 1946 г. численность балистов снизилась до 480 человек, главным образом благодаря усилиям югославских сил госбезопасности, а также из-за разочарования самих членов албанских бандформирований. Но балисты упорно продолжали вести пропаганду среди местного населения, обещая скорое присоединение к Албании югославской территории, населенной в значительной степени албанцами⁷⁸.

Весной 1945 г. на политической карте Юго-Восточной Европы появилась Республика Сербия, для которой Косово и Метохия имели особое значение как часть бывшей «Старой Сербии». Значение этого фактора особенно выросло в конце 1944 г., так как в тот момент Сербия оказалась главным пространством декларируемой политики компромисса. Косовский вопрос для сербского населения был очень чувствителен. Особенно возражали против идеи передачи Косово и Метохии Албании сербские буржуазные политики, которые в конце 1944 г. вступили в единый народно-освободительный фронт. В то же время албанское население, как боль-

⁷⁵ *Petranović B.* Balkanska federacija... S. 102.

⁷⁶ *Ibid.*

⁷⁷ Војни архив (далее — ВА). Архив Југословенске народне армије (далее — АЈНА). ГШ-3. К. 46. Ф. 2. Документ 1/1. Преглед одметничких банди за време од ослобођења до 31. јула 1946.

⁷⁸ Там же. Месечни извештај о стању одметничких банди на територији Југославије за месец новембар 1946.

шинство в Косове и Метохии, опасалось возможности повторения ситуации 1941 г., в условиях подавленного албанского восстания ставшей благодатной почвой для расширения балистской пропаганды о необходимости предотвратить возвращение сербских колонистов в Косово и Метохию силой оружия⁷⁹. С другой стороны, это порождало недовольство сербских и черногорских колонистов, которые не могли вернуться к своим землям, с которых они были изгнаны. Возвращение колонистов было официально запрещено МВД ДФЮ 6 марта 1944 г. Департамент внутренних дел НКЮЮ, который возглавлял Владо Зечевич, направлял колонистов в Воеводину вместо Косова. Сопротивление возвращению колонистов подогревалось и со стороны албанцев, которые находились и в органах новой власти. С принятием специального закона о ревизии решений о выделении земель колонистам и земельным арендаторам в Македонии и Косовско-Метохийской области специальные совместные союзные и местные комиссии пытались сделать невозможным возвращение тех лиц, которые получили землю от предыдущих режимов⁸⁰. Примерно 10–11 тысяч семей колонистов лишились права вернуться. Так было узаконено изгнание сербов и черногорцев из этих районов в 1941 г. Вскоре новые власти приступили к проведению аграрной реформы, призванной наделить албанских крестьян землей, которая до того находилась в собственности турок, албанцев, а также крупных сербских землевладельцев и Сербской православной церкви⁸¹. Одновременно на территории Косова и Метохии осталось большое число албанских семей, которые в годы войны из-за открытых границ беспрепятственно здесь поселились без разрешения югославских властей и получения югославского гражданства, воспользовавшись развалом и оккупацией Югославии⁸². Этим была практически завершена основная фаза албанизации указанных территорий, начатая апрельским (1941 г.)

⁷⁹ *Petranović B.* Balkanska federacija... S. 103.

⁸⁰ *Ibid.*

⁸¹ *Петрановић Б.* Југославија на размеђу (1945–1950). Подгорица, 1998. С. 315.

⁸² Точное число переселившихся в Косово и Метохию в годы войны албанцев не поддается учету.

поражением армии и провалом проекта королевской Югославии в 1941 г., что привело в итоге к радикальному изменению этнической и демографической структуры Косово и Метохии⁸³. Албанское расселение в Косове и Метохии продолжилось и после завершения войны⁸⁴.

Для снижения температуры кипящих страстей в югославо-албанском межэтническом конфликте предлагались различные способы. Руководство югославских коммунистов считало, что для этого нужно максимально быстро решить аграрную проблему албанцев. Эту точку зрения разделяло правительство Албании⁸⁵. Кроме того, руководство югославских коммунистов настаивало на строгом исполнении решения о запрете возвращения сербских колонистов в Косово и Метохию. Кроме того, на учредительном съезде компартии Сербии (8–12 мая) было совершенно определено, что одним из направлений работы сербских коммунистов будет и борьба против великосербского гегемонизма. Это, помимо прочего, имело целью убедить албанское руководство и население в твердом намерении не допустить повторения предшествующей великосербской политики. На этом же съезде произошло объединение партийных организаций Воеводины, Сербии, Косова и Метохии, что дополнительно повлияло на интеграцию косовско-метохийского пространства в границы Сербии и Югославии⁸⁶. В самом Косове предполагалось отказаться от преследования бывших албанских повстанцев, а часть из них, виновных в меньшей степени, вернуть к нормальной жизни и даже включить в органы местной власти⁸⁷. С учетом небольшого процента албан-

⁸³ *Глишић В.* Албанизација Косова и Метохије 1941–1945 // Срби и албанци у XX веку. Београд, 1991. С. 291–292.

⁸⁴ *Vlahović P.* Usljavanje Albanaca tokom XIX i XX veka u jugoslovenski etnički proctor. Skopje, 2000. S. 96.

⁸⁵ АЈ. 507/IX — КМОВ ЦК СКЈ. Албанија. I/I-27. Извештај Велимира Стојнића о актуелним збивањима у Албанији и односима са Југославијом од 12 новембра 1945.

⁸⁶ Подробнее о создании республиканской партийной организации в Сербии см.: Сборник радова. Оснивачки конгрес Комунистичке партије Србије. Београд, 1988.

⁸⁷ *Petranović B.* Balkanska federacija... S. 103.

цев в составе КПЮ были снижены критерии приема в нее новых членов. По сведениям из доступных источников, на всей территории Косова и Метохии в апреле 1945 г. насчитывалось около 1700 членов КПЮ, из них всего 300 албанцев⁸⁸. Это была ошибка, приведшая впоследствии к конфликту. Прием в партию тех, кто в годы войны вел себя «сомнительным» образом, привел к дальнейшему развитию жесткого и бескомпромиссного албанского сепаратизма, который в 1960-е годы проявился в полной мере⁸⁹. КПЮ, в соответствии с основными принципами провозглашенной ею национальной политики, всемерно содействовала национальной эмансипации албанцев в сфере культуры, а также в политическом отношении, включая даже на какое-то время создание национальных организаций Албанского народного фронта⁹⁰. Определенная албанизация этого пространства происходила и вследствие направления в Косово и Метохию по просьбе областного комитета КПЮ преподавателей из Албании, которые в трех гимназиях — в Пече, Призрене и Приштине — преподавали албанский язык⁹¹.

Поскольку идея Балканской федерации была временно отложена, снова встала проблема края Косово и Метохии. Конституционное оформление НР Сербии как части югославской федерации выдвинуло на первый план и вопрос о ее будущих границах. В партийном руководстве существовало убеждение о необходимости включения Метохии в состав Черногории. В пользу этого выдвигался аргумент исторического характера: по Бухарестскому мирному договору (1913 г.) Метохия была отнесена к Черногории. Несмотря на отсутствие документированного подтверждения, можно согласиться с утверждением авторитетного югославского историка

⁸⁸ *Петрановић Б.* Југославија на размеђу. С. 315.

⁸⁹ Подробнее о том, что происходило в Косово и Метохии в конце 1960-х годов, см.: *Marković P.* Služba državne bezbednosti i albanske demonstracije na Kosovu 1968 godine. Jedan dokument // Istorija XX veka. 1999. № 1–2. S. 168–178; *Коматина М.* Енвер Хоџа. Београд, 1995.

⁹⁰ Организация албанского национального меньшинства в рамках Народного фронта.

⁹¹ Дипломатски архив Савезног министарства иностраних послова (далее — ДАСМИП). ПА. 1945. Ф. 1. 3671. Захтев Обласног комитета Косова и Метохије НКОЈ-у од 7. марта 1945.

Б. Петрановича, что решение о присоединении Косова и Метохии к Сербии было принято в феврале 1945 г. на импровизированной и неформальной встрече партийной верхушки с представителями областного комитета Косова и Метохии КПЮ Миладином Поповичем и Фадилом Ходжей⁹². Оба деятеля отвергли альтернативное решение о разделе этих областей между Сербией, Черногорией и Македонией, в то время как Э. Кардель выступал за их присоединение к Албании в случае создания для этого благоприятных политических условий⁹³. С другой стороны, вопрос о положении славянского меньшинства в Албании, которое веками подвергалось исламизации, а затем и албанизации, югославская сторона не поднимала. Кроме того, югославские государственные органы не располагали данными о численности, территориальном расположении и общем состоянии сербского, черногорского и македонского меньшинств, населявших западные, северные и восточные части территории Албании в узком поясе вдоль югославо-албанской границы.

Намерение югославской партийной верхушки передать Косово и Метохию Албании не прослеживается в документах, однако можно уверенно утверждать, что оно существовало, хотя вряд ли такие планы были в отношении всей территории области. В источниках отсутствует информация как о проекте объединения Югославии и Албании, так и о федерации, в которой третьим членом была бы Болгария. Во всяком случае, югославское партийное руководство, воодушевленное успехом автохтонной революции, осуществленной в годы войны, ожидало, что Югославия займет после войны ведущие позиции на Балканах. Вопрос Косова и Метохии, который в первые послевоенные годы осложнял отношения Югославии с Албанией, представлял собой серьезную внутреннюю проблему, в связи с которой необходимо было учитывать реакцию

⁹² *Petranović B.* Balkanska federacija... S. 103–104. Имеется в виду неформальная встреча представителей ЦК КПЮ Карделя, Вукмановича-Темпо, Джиласа и Ранковича с представителями областного комитета Косово и Метохии Миладином Поповичем и Фадилом Ходжей. В феврале 1945 г. было принято решение о присоединении Космета к Сербии. Соответствующих документов в архивах до настоящего времени не обнаружено.

⁹³ *Petranović B.* Balkanska federacija... S. 103.

как Сербии, так и Македонии и Черногории. С другой стороны, существовало латентное давление правительства НРА, рассчитывавшего присоединить эти области к Албании. В Косове и Метохии важную роль играла группа коммунистов, в начале войны прибывшая из Албании и в течение всей Второй мировой войны и особенно после ее завершения постоянно выступавшая за включение этих областей в албанский государственный организм.

В первое время после завершения Второй мировой войны отношения между Югославией и Албанией внешне выглядели как безупречно близкие, однако по существу характеризовались рядом противоречий. Глава югославской военной миссии в Албании В. Стойнич в Тиране присутствовал на всех албанских партийных форумах, в том числе и на пленуме в Берате в ноябре 1944 г. Постепенно его связи с албанской партийной верхушкой были сведены к контактам с Кочей Дзодзе, организационным секретарем компартии Албании, поскольку систематические заседания Политбюро КПА не проводились⁹⁴. Роль Стойнича как посредника между руководством КПЮ и КПА закончилась после установления прямых связей между центральными комитетами двух компартий⁹⁵. Еще один канал коммуникации между Белградом и Тираной действовал через югославскую военную миссию, но и он постепенно ограничивался только военной стороной. 30 апреля 1945 г. югославское правительство признало правительство Албании и назначило Стойнича на пост посланника ФНРЮ⁹⁶, о чем югославский МИД вербальной нотой оповестил советское правительство⁹⁷. На место главы военной миссии был поставлен майор Кобол, который незамедлительно прибыл в Тирану. Однако уже

⁹⁴ AJ. 507/ IX. Албанија. I/I-20. Депеша Велимира Стојнића упућена Александру Ранковићу о одржавању веза између ЦК КПЈ и ЦК КП Албаније од 8 августа 1945.

⁹⁵ Fjala e Velimir Stojniçit me rastin e dekoremit të tij nga Këshilli Antifashist Shqiptar, 5 sqator 1945; *Plasari N., Malltezi L.* Marredheniet shqiptarjugoslav 1945–1948. Tiranë, 1996. S. 21.

⁹⁶ AJ. 507/IX. Албанија. I/I-20. Извештај о стању југословенске војне мисије у Албаније од 1 јануара 1946.

⁹⁷ ДАСМИП. ПА-1945. Ф.1. Албанија. 7055. Вербална нота југословенског МИПа совјетском МИД-у од 29 априла 1945.

в июле того же года на этом посту его сменил полковник Мило Килибарда. Вопреки серьезной подготовке остальные члены военной миссии так и не прибыли в Албанию: албанцы ожидали многочисленную советскую военную миссию, которая должна была оказать помощь в организации вооруженных сил Албании (структуры командования, воинских частей и военных учреждений). Четкая линия связи между ЦК АПТ и ЦК КПЮ в такой системе югославского присутствия в Албании отсутствовала и функционировала в зависимости от проблем, требовавших консультаций Тираны с Белградом. Югославские военные представители или члены дипмиссии в Тиране периодически приезжали в Белград с докладами и для получения инструкций по дальнейшей работе⁹⁸. Политбюро ЦК КПЮ на заседании 11 июня 1945 г. решило, что албанским партийным руководителям необходимо периодически посещать Белград для консультаций по важнейшим вопросам межпартийных отношений⁹⁹. Албанское же правительство во все большей степени опиралось на югославскую дипломатическую, экономическую и военную помощь, что особым образом почти полностью делало Албанию частью югославской сферы интересов. Так были обозначены подлинные границы будущего близкого сотрудничества Албании и Югославии в первые послевоенные годы.

⁹⁸ Petranović B. Balkanska federacija... S. 158.

⁹⁹ Zapisnici sa sednica Politbiroa Centralnog komiteta KPJ... S. 66–67.

Глава 2

Албания и югославские планы создания Балканской федерации после Второй мировой войны

К началу 1946 г., по оценке Белграда, Энвера Ходжу начало тяготить югославское присутствие в Албании, все больше воспринимавшееся им как тяжкое бремя, хотя на состоявшемся в феврале 1946 г. V пленуме ЦК КП Албании было решено, что партии следует покончить с оппортунизмом, поддерживать братские отношения с народами Югославии, а также приступить к строительству государства по югославскому образцу¹. Постановления пленума не изменили враждебного отношения Энвера Ходжи к Белграду, которое подпитывалось постоянным упоминанием проблемы статуса Косова и Метохии. Антиюгославская позиция албанского лидера четко проявилась в критических замечаниях в адрес Кочи Дзодзе, которые албанский лидер высказал накануне своего визита в Белград летом 1946 г.²

Для Югославии, стремившейся к более активному влиянию на ситуацию на Балканах, Албания имела большое значение из-за ее стратегического положения в регионе, возможности создания федерации, средств, вложенных в албанскую экономику и строительство вооруженных сил. Реализация югославских планов в Албании наталкивалась на постепенно усиливавшееся противодействие Энвера Ходжи вопреки позиции проюгославской

¹ АЈ. 507/IX. Албанија. 1/I-59. Телеграм Ј. Ђерђе Ј. Б. Титу о разговору с Е. Хоџом 29. априла 1946.

² ДАСМИП. ПА-1946. Документ 421. Реферат југословенског посланства у Тирану од 10. јануара 1946.

группы во главе с Кочей Дзодзе. Подоплекой внутреннего конфликта в албанском руководстве стала уверенность лидера Албании в том, что его страна в соответствии с принципом права нации на самоопределение должна получить Косово и Метохию. Такая позиция Ходжи пользовалась поддержкой влиятельных групп албанского общества³.

Первая и последняя официальная встреча Йосипа Броза Тито и Энвера Ходжи состоялась в июне — июле 1946 г. Визит албанского лидера, запланированный на более ранний срок, три раза откладывался⁴ из-за югославо-албанских разногласий и по причине неопределенности отношения И. В. Сталина к албанской политике Белграда. В течение того времени, что готовился визит, югославский посланник в Тиране Йосип Джерджа поддерживал тесные связи с Ходжей, который в сложившейся ситуации выражал сомнения относительно своего намерения прибыть в Белград⁵. Визит должен был состояться в середине апреля⁶, затем его отложили на конец мая⁷, а после этого и на 23 июня⁸. Последний перенос объяснялся желанием Тито, собиравшегося в Москву в конце мая — начале июня 1946 г., узнать мнение советского руководства о планировавшейся встрече.

Ходжа с воодушевлением принял приглашение югославской стороны, намеревавшейся в ходе визита обсудить все проблемы, обременявшие двусторонние отношения⁹. Накануне отъезда албанский лидер заявил, что стал жертвой интриг, инициированных

³ АЈ. 507/ІХ. Албанија. 1/І І-75. Говор Е. Хоџе на седници ЦК КП Албаније пред полазак у Београд.

⁴ АЈ. 836–КМЈ. І-1/7. Белешка о разговорима југословенске и совјетске делегације у Москви 27–28. маја 1946.

⁵ АЈ. 507/ІХ. Албанија. 1/І-40. Телеграм Ј. Ђерђе Ј. Б. Титу о могућем доласку Е. Хоџе у Југославију 22. јануара 1946.

⁶ АЈ. 507/ІХ. Албанија. 1/І 54. Телеграм Ј. Ђерђе Ј. Б. Титу о могућем доласку Е. Хоџе у Југославију 29. марта 1946.

⁷ АЈ. 507/ІХ. Албанија. 1/І-65. Телеграм Ј. Ђерђе Ј. Б. Титу о могућем доласку Е. Хоџе у Југославију 22. маја 1946.

⁸ АЈ. 507/ІХ. Албанија. І/1–68. Телеграм Ј. Ђерђе Ј. Б. Титу о могућем доласку Е. Хоџе у Југославију 18. јуна 1946.

⁹ Там же.

некоторыми членами партийного руководства с целью его дискредитировать, лишить властных полномочий и низвести до уровня статиста. По-видимому, Ходжа полагал, что встреча с Тито поспособствует укреплению его позиций и увеличит шансы одержать верх во внутрипартийной борьбе¹⁰. Югославская сторона намеревалась использовать предстоящую встречу для подготовки подписания базового межгосударственного соглашения, которое бы наметило направления дальнейшего сотрудничества¹¹.

Албанская делегация, прибывшая в Белград 23 июня 1946 г.¹², была принята на высшем государственном уровне и размещена во дворце Стари Двор в районе Дединье. По приезду Ходжа удостоился высшей югославской награды — звания Народного героя¹³. О пребывании албанской делегации сохранилось совсем немного свидетельств. О содержании переговоров мы можем судить только по написанным Ходжей мемуарам, от которых веет враждебностью в отношении Югославии и Й. Броз Тито. Согласно воспоминаниям албанского лидера, во время встречи он заявил, что Косово, Метохия и прочие югославские области, в которых албанцы составляют большинство, следует присоединить к Албании, которая стремится к тому, чтобы укрепить свой статус свободного, суверенного и самостоятельного государства. Йосип Броз якобы принципиально согласился с предложением, подчеркнув при этом,

¹⁰ АЈ. 507/ІХ. Албанија. 1/І 71. Телеграм Ј. Ђерђе Ј. Б. Титу о расположењу у Албанији у вези с могућим доласком Е. Хоџе у Југославију 1. јуна 1946.

¹¹ Zapisnik sa sednice Politbiroa СК КПЈ од 27. марта 1946 // Zapisnici sa sednica Politbiroa Centralnog komiteta КПЈ (11. јун 1945–7. јул 1948). Београд, 1995. S. 140.

¹² Помимо Энвера Ходжи, занимавшего посты председателя албанского Совета министров, министра обороны и министра иностранных дел, в состав делегации входили: зампред президиума Народного собрания Албании Муслим Пеза, генерал-майор Бедри Спахию, министр юстиции Манол Кономи, министр народного хозяйства Нако Спиро и албанский посланник в Белграде Хисни Капо.

¹³ E. Hoxha dekorohet me urdhëerin e Heroit të Popullit të Jugosllavisë 26 qershor 1946. // *Plasari N., Malltezi L.* Marredheniet shqiptaro-jugosllave 1945–1948. S. 38.

что вопрос не удастся решить быстро и окончательно из-за неминуемого противодействия сербского фактора¹⁴. Броз выступал за создание Балканской федерации, механизмы которой позволили бы легко и элегантно устранить проблему. Ходжа выразил с этим согласие, настояв, однако, на том, что следует отдельно рассматривать формирование федерации и статус Косова и Метохии. При этом, по его мнению, необходимо было немедленно приступить к подготовке передачи этих югославских областей Албании¹⁵.

Вернувшись в Тирану, Ходжа, стремясь заручиться поддержкой СССР, сразу уведомил о своих территориальных притязаниях

Ил. 1. Встреча албанской делегации во главе с Э. Ходжей 23 июня 1946 г. на аэродроме Земун (Белград). Э. Ходжу приветствуют глава советской военной миссии в Югославии генерал А. Ф. Киселев и посол СССР в ФНРЮ А. И. Лаврентьев

¹⁴ Hodža E. Titoisti. S. 146–148.

¹⁵ Ibid. S. 149–150.

советского посланника Д. С. Чувахина. Москва, однако, обманула ожидания албанского руководителя¹⁶. Как записал Чувахин в дневнике, Ходжа сказал ему, будто Йосип Броз согласился с его требованием, но с оговоркой, что в тот момент оно было совершенно не реализуемо. По мнению Тито, следовало действовать в направлении сближения народа Албании и населения Косова и Метохии с целью достижения условий их интеграции в будущем. При этом не говорилось, в каком государственном образовании это могло бы произойти¹⁷. О том, что Энвер Ходжа в Белграде поставил вопрос о статусе Косова и Метохии, свидетельствует и депеша Й. Джерджи, который пытался установить причины такого шага. По мнению югославского посланника в Тиране, Ходжу на него сподвигло донесение албанского посла в Москве Кочи Ташко, сообщившего, что будто вопрос принадлежности Косова и Метохии обсуждал со Сталиным, который посоветовал разрешить его в пользу Албании¹⁸. Джерджа за день до того, как сообщить о своих догадках Тито, детально информировал Чувахина о визите Ходжи в Белград, заявив, что югославским и албанским правительствами достигнут полный консенсус по всем вопросам, кроме косовского, так как Белград твердо настаивал на том, что для передачи региона Албании отсутствуют необходимые внутренние и внешние политические условия. С югославской точки зрения, такой шаг мог бы спровоцировать соответствующую реакцию Сербии, для которой Косово и Метохия имели особое значение, а также дестабилизировать весь Балканский полуостров¹⁹. Имеющиеся в нашем распоряжении советские и югославские источники не позволяют ни подтвердить, ни опровергнуть факт обсуждения косовской проблемы Йосипом Брозом и Сталиным

¹⁶ Из дневника посланника СССР в Албании Д. С. Чувахина 3.7.1946 // Восточная Европа в документах российских архивов. М.; Новосибирск, 1997. Т. I (1944–1949). С. 472–476.

¹⁷ Там же.

¹⁸ АЈ. 507/IX. Албанија. 1/I-78. Телеграм Ј. Ђерђе Ј. Б. Титу о непосредном поводу Хоџиног помињања косовског питања од 6. јуна 1946.

¹⁹ Из дневника Д. С. Чувахина 5.7.1946 // Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953. М., 2002. Т. I (1944–1948). С. 315–317.

во время пребывания югославской делегации в Москве. Нельзя также определить, на основании чего Ходжа сделал вывод, что такое обсуждение имело место.

Таким образом, по вопросу принадлежности Косова и Метохии сформировались две противоположные позиции: югославская, увязывавшая их принадлежность с перспективой создания Балканской федерации, и албанская, предусматривавшая передачу ей территорий вне зависимости от будущих политических изменений. Очевидно, Ходжа находился под мощным давлением настроений народных масс, позиции властей, партии и армии. В свою очередь, обуреваемый планами перекройки Балкан Тито стремился направить Албанию по югославскому пути развития²⁰. Препятствием для одностороннего удовлетворения албанских притязаний на Косово и Метохию служило само значение этих территорий для истории, сознания и духовной жизни сербского народа. Этот фактор перевешивал даже то обстоятельство, что в югославском руководстве решения принимались единолично Брозом Тито. Имело значение и то, что после Второй мировой войны этнический состав населения области, несмотря на попытки изменить его не в интересах сербов, значительно отличался от более позднего времени.

Ходжа с предубеждением отнесся к идее Балканской федерации, так как опасался, что в рамках этого более плюралистического²¹, чем существующие политические системы, образования осуществление албанского национального объединения станет проблематичным. Кроме того, пострадал бы личный престиж Ходжи. В преимущественно славянской федерации он выглядел бы второсортным политическим персонажем рядом с Йосипом Брозом Тито и Георгием Димитровым. Броз, по всей видимости, стремился к тому, чтобы вопрос Косова и Метохии — один из ключевых в межгосударственных отношениях — решить в процессе создания Балканской федерации. Этот надгосударственный, наднациональный и надэтнический механизм обеспечил бы внутреннюю интеграцию Балкан, уменьшив остроту проблемы межэтнических отношений и неудовлетворенности существующими государственными границами.

²⁰ Petranović B. Balkanska federacija... S. 103.

²¹ Ibid.

Ил. 2. Э. Ходжа и генерал Коча Попович обходят почетный караул на аэродроме Земун (Белград) 26 июня 1946 г.

Результатом визита Ходжи в Белград стало состоявшееся в Тиране 9 июля 1946 г. подписание Договора о дружбе и сотрудничестве, под которым с югославской стороны поставил подпись министр иностранных дел Станое Симич, а с албанской — Ходжа. Уже 20 июля президиум Народной скупщины ФНРЮ ратифицировал договор²², заложивший основы политического и дипломатического взаимодействия, а также совместного ведения военных действий в случае агрессии третьей стороны²³. Подписанное соглашение санкционировало не только всестороннее межгосударственное сотрудничество, но и югославское вмешательство во внутривнутреннюю жизнь Албании, а также известное политическое покровительство

²² Указ о ратификацији Уговора о пријатељству и узајамној помоћи између Федеративне Народне Републике Југославије и Народне Републике Албаније // СЛ ФНРЈ. № 60/46. 26. јул 1946. С. 693–696.

²³ АЈ. 836–КМЈ. I-3-b / 21. Споразум о пријатељству и сарадњи између ФНРЈ и Албаније.

во, оказываемое Белградом Тиране на международной арене. Одновременно был заключен Договор об экономическом сотрудничестве, предусматривавший создание на паритетной основе ряда совместных акционерных обществ: Общества строительства и эксплуатации железных дорог, Общества добычи и переработки нефти, Общества разведывания, добычи и обработки полезных ископаемых, Общества электрификации, Общества морской навигации, Торгового общества экспорта-импорта, Албанско-югославского банка²⁴. Подписав соглашение, правительство ФНРЮ приняло на себя серьезный груз обязательств: от оказания технической помощи в сфере промышленности и сельского хозяйства до командирования экспертов, предоставления информации и документации, обучения албанских специалистов. Югославия, кроме того, пообещала предоставить кредит для приобретения станков и строительства предприятий по производству товаров широкого потребления²⁵. Разумеется, албанская сторона с нескрываемым воодушевлением восприняла подписание договоров²⁶.

Политическое и экономическое сближение двух стран набирало ход, несмотря на недоверие албанского руководства к намерениям Югославии и собственным проюгославски настроенным кругам. С целью укрепления межпартийных связей в августе 1946 г. в Албанию отправился специальный партийный уполномоченный д-р Саво Златич. На основе соглашения, заключенного в июле 1946 г., был достигнут значительный прогресс в двусторонних отношениях, результатом чего стало подписание в Тиране 27 ноября 1946 г. нового Договора о согласовании планов развития народного хозяйства, заключении таможенного союза и достижении паритета валют²⁷. Предусматривалось формирование

²⁴ AJ. 836–KMJ. I-3–b / 24. Извештај о раду југословенске привредне делегације у Албанији с прилозима.

²⁵ AJ. 50–ПВ ФНРЈ. Ф. 3. Ај. 6. број 48–75, Извештај К. Глигорова Б. Кидричу од 14. јула 1946.

²⁶ ДАСМИП. ПА-1946. Албанија. Ф. 1. Документ 489. Телеграм Ј. Ђерђе МИП од 7. августа 1946.

²⁷ AJ. 50–ПВ ФНРЈ. Ф. 3. Ај. 6. Број 48–98. Споразум о усаглашавању планова економског развоја, царинској унији и утврђењу паритета валута потписан између ФНРЈ и Албаније.

координационных органов, а также проведение в течение трех месяцев валютной реформы, направленной на выравнивание курса албанского лека и югославского динара²⁸. Обоюдное решение в месячный срок упразднить таможенный контроль на албанско-югославской границе и образовать единое таможенное пространство демонстрировало давление, оказываемое Белградом на Тирану, для того чтобы албанские власти покончили с остатками либеральных проявлений во внутривластной и, в первую очередь, в экономической сфере²⁹. Унификация хозяйственных систем использовалась югославским руководством как средство ускорить создание федерации, для которой якобы сформировались все необходимые условия. Органы албанской компартии выразили единодушную поддержку сближения двух стран. Таможенный союз создавался одновременно с подготовкой перехода Югославии к плановой экономике, что соответствовало договоренности, заключенной Тито и Ходжей во время приезда последнего в Белград³⁰.

По вопросу укрепления югославо-албанского союза в результате подписания ряда соглашений, направленных на унификацию обеих систем, Бюро ЦК КП Албании демонстрировало показное единодушие. Тем не менее, очевидным для всех было оформление в албанском партийном руководстве осенью 1946 г. двух соперничавших течений. В главе первого стояли Энвер Ходжа и Нако Спиру, а второго — Кочи Дзодзе и Панди Кристо³¹. Яблоком

²⁸ AJ. 50–ПВ ФНРЈ. Ф. 3. Ај. 6. Поверљиво број 557. Извештај Ј. Ђерђе Б. Кидричу од 12. новембра 1946.

²⁹ AJ. 836–KMJ. I-3–b / 24. Телеграм Ј. Ђерђе МИП од 7. децембра 1946.

³⁰ Traktati (Konventa Ekonomike) në mes Shqipërisë dhe Jugosllavisë për koordinimin e planeve, për bashkimin doganor dhe barazimin e monedhave, 27 nëntor 1946. // *Plasari N., Malltezi L.* Marredheniet shqiptaro-jugosllave 1945–1948. S. 38; *Аникеев А. С.* Албания в политике Югославии и СССР в первые послевоенные год по советским дипломатическим документам // Ослобођење Београда 1944 године. Зборник радова. Београд, 2010. С. 479–480.

³¹ AJ. 507/IX. Албанија. 1/I-89. Реферат С. Златића о политичкој ситуацији у Албанији од 26. августа 1946.

Ил. 3. Маршал Й. Броз Тито и генерал Л. Джурич приветствуют албанскую правительственную делегацию во главе с Э. Ходжей на аэродроме Земун в Белграде 23 июня 1946 г. На заднем плане слева направо: Н. Грулович, Б. Андреев, Ф. Фрол, Д. Марушич, В. Крстулович, С. Симиц, Б. Кидрич и Т. Вуясинович

раздора между ними стал состав Бюро ЦК КП Албании, на процесс пополнения которого всячески пытались повлиять югославские представители, особенно Сава Златич. При этом преследовалась цель продвижения в самый важный партийный орган сторонников той или иной из упомянутых группировок, что в конечном счете должно было обеспечить ей гегемонию в рамках партийной иерархии³². В частности, Златич выступал резко против кооптирования в Бюро тех, кто не состоял членом ЦК КП Албании³³.

³² AJ. 836–KMJ. I-3-b / 25. Извештај С. Златића из Тиране од 7. октобра 1946.

³³ Там же. Извештај С. Златића ЦК КПЈ од 12. октобра 1946.

В декабре 1946 г. пленум ЦК АПТ решил, что подписанные с Югославией соглашения обеспечили основу развития албанской экономики и стали логичным результатом базового договора, заключенного в Тиране в июле 1946 г. после встречи двух лидеров государств, хотя и до достижения соглашения об экономическом сотрудничестве Югославия оказывала помощь албанскому правительству в решении хозяйственных проблем и урегулировании внутривластных противоречий.

Югославно-албанское внешнеполитическое сближение началось после визита Энвера Ходжи в Белград летом 1946 г. Двусторонние соглашения широко обсуждались западной прессой и дипломатическими кругами. Говорилось о заключении некоего тайного договора, существование которого не нашло отражения в доступных для изучения источниках. На Западе открыто говорили о скором объединении двух государств, что стало бы концом албанской независимости. Так, дескать, албанское правительство расплачивалось за поддержку Югославии при вступлении в ООН, членство в которой усилило бы позиции восточного блока при голосовании в Генеральной Ассамблее. Имели место спекуляции, будто Югославия предоставит Албании часть вооружений, полученных от Советского Союза. Американские власти особенно внимательно следили за деятельностью в Албании различных югославских советников и специалистов, истинные цели которых вызывали у Белого дома подозрения³⁴. Британское правительство в конце 1946 г. полагало, что югославно-албанское таможенное соглашение — это первый шаг к созданию федерации Болгарии, Югославии и Албании³⁵. Одновременно в Лондоне считали, что стратегическое значение Албании, которое было ничтожным в период итальянского могущества, чрезвычайно возросло, когда Югославия оказалась в сфере интересов СССР, получившего, таким образом выход к Средиземному морю³⁶. Как раз в тот момент,

³⁴ The representative in Tirana Jacobs to the Secretary of State, Tirana, February 17, 1945 // Foreign Relations of the United States. Washington, 1969. Vol. VI. P. 13–15.

³⁵ Petranović B. Balkanska federacija... S. 172.

³⁶ The representative in Tirana Jacobs to the Secretary of State, Tirana, December 21, 1945 // Foreign Relations of the United States. Washington, 1968. Vol. IV. P. 78–80.

когда с британской точки зрения шел процесс создания федерации балканских государств, те отказались от этой идеи. Болгария и Албания склонились к тому, чтобы стать самостоятельными членами ООН как наиболее важной международной организации.

Ил. 4. Э. Ходжа и министр иностранных дел Югославии С. Симич во время подписания 9 июля 1946 г. Договора о дружбе и сотрудничестве между Албанией и Югославией

К спекуляциям на тему будущего Албании на международной арене присоединилась и Италия, отказывавшаяся мириться с утратой руководящей роли в регионе. Итальянский премьер Де Гаспери выступил за полную независимость Албании, которая служила бы гарантией баланса сил на Адриатике³⁷. В итальянской печати

³⁷ АВПРФ. Ф. 144–АЖ. Оп. 6а. Д. 1. П. 9а. Л. 14. Информация о позиции Де Гаспери по вопросу Албании и ее политических перспектив (28 февраля 1946).

все чаще встречались утверждения, что Югославия собирается аннексировать Албанию, которая станет седьмым членом федерации, обладающим широкой политической и административной автономией, а также собственным официальным языком³⁸. Писали, будто Югославия решительно поддерживает албанские территориальные претензии в отношении Греции. Югославская пресса и агентство ТАНЮГ опровергали подобную информацию. С другой стороны, Италия посылала Югославии и Греции примирительные сигналы, стремясь компенсировать утрату собственного влияния в Албании. Надежды на его восстановление появились после подписания итальянско-албанского мирного договора, согласно которому Тирана отказывалась от каких-либо репараций, а Рим брал на себя обязательство уважать территориальную целостность Албании³⁹. В конце 1947 г. в отношениях Югославии и Албании наступил тяжелый кризис, грозивший выйти за рамки временных разногласий и перерасти в серьезный и продолжительный конфликт. Взаимное охлаждение, особенно четко проявлявшееся в сфере военного и экономического сотрудничества, совпало со все более очевидным кризисом в советско-югославских отношениях, а также с эскалацией гражданской войны в Греции⁴⁰, которая стала источником осложнений и для Белграда, и для Тираны, особенно с учетом участвовавших провокаций на албанско-греческой границе. Одновременно югославскую внешнюю политику обременял ряд проблем во взаимоотношениях со странами Запада.

В соответствии с достигнутой ранее договоренностью в Тирану в январе 1948 г. направились специальная группа сотрудников Министерства народной обороны ФНРЮ во главе с генерал-лейтенантом Миланом Купрешанином. Перед ним стояла задача коренной реорганизации албанской армии с целью повышения боеспособности, а также подготовка к приему югославской

³⁸ The Ambassador in Italy Kirk to the Secretary of State, Rome, December 26, 1945 // Foreign Relations of the United States Washington, 1968. Vol. IV. P. 80–81.

³⁹ ДАСМИП. ПА-1946. Албанија. Ф. 1. 5371. Извештај југословенског посланства у Тирану МИП од 6. децембра 1946.

⁴⁰ Аникеев А. С. Албания в политике Югославии и СССР... С. 481–483.

военно-материальной помощи. Албанские вооруженные силы оказались совершенно не готовыми к вероятной греческой агрессии⁴¹. Кроме того, югославские представители в Албании столкнулись с полным непониманием греческой проблемы местным политическим и военным руководством⁴². Удостоверившись, что албанская армия не в состоянии оборонять свою южную границу, югославский генерал от имени Йосипа Броза Тито запросил у Энвера Ходжи разрешение на размещение одной югославской дивизии в районе Корчи. Ходжа ответил отказом, заявив, что принятие такого решения требует много времени⁴³. Вскоре после этого, 19 января 1948 г. Александр Ранкович, ознакомив Энвера Ходжу с возможностью серьезной вооруженной провокации с греческой стороны, потребовал объявить район Корчи югославской военной базой, в которой разместились бы одна дивизия ЮНА, обеспечивающая совместную оборону⁴⁴. Уже на следующий день, 20 января 1948 г. Ходжа дал согласие, сопровождаемое описанием необходимой Албании военной помощи, а также сведениями о вооруженных инцидентах на греческо-албанской границе⁴⁵. Одновременно в обращении к албанскому законодательному собранию Ходжа подчеркнул надежность союза с Югославией, а также решимость дать отпор греческим военным провокациям⁴⁶. О готовности албанской стороны провозгласить Корчу югославской военной базой сообщил и Саво Златич. Предполагалось, что Югославии оставалось только выбрать подходящий момент⁴⁷. Пока велись переговоры о вступлении югославских военнослужащих на албанскую территорию, в Албанию, по требованию нового начальника Генерального шта-

⁴¹ *Dimitrijević B.* JNA od Staljina do NATO pakta. Beograd, 2006. S. 81.

⁴² АЈ. 836–КМЈ. I-3–b/37. Телеграм Ј. Ђерђе МИП од 5. јануара 1948.

⁴³ *Hodža E.* Titoisti. S. 495–499.

⁴⁴ АЈ. 507/IX. Албанија. I-154. Депеша А. Ранковића Е. Хоџи од 19. јануара 1948.

⁴⁵ Там же. Депеша Е. Хоџе А. Ранковићу од 20. јануара 1948.

⁴⁶ ДАСМИП. ПА-1948. Ф. 1. 41118. Телеграм Ј. Ђерђе МИП од 21. јануара 1948.

⁴⁷ АЈ. 507/IX. Албанија. I-155. Депеша С. Златића А. Ранковића од 26. јануара 1948.

ба вооруженных сил Албании генерала Балуку, прибывали необходимые средства связи, обувь и обмундирование⁴⁸. Одновременно из окрестностей г. Осиек в приграничный район поближе к албанскому г. Скадар была переброшена 9-я югославская дивизия, а в районе Охрида сосредоточивались части 27-й дивизии, переведенной из г. Баня-Лука⁴⁹.

Следует отметить, что югославское руководство не имело ясного представления об отношении СССР к имевшим место военным приготовлениям. Политбюро ЦК ВКП(б) настаивало на предоставлении детальной информации о югославском присутствии в Албании. Главный советский военный советник в Югославии генерал Барсков 1 января 1948 г. доложил М.А. Суслову о югославской военной помощи Албании, оцениваемой в два миллиарда динаров, об унификации албанской и югославской армии, а также о том, что Албанию в конце декабря 1947 г. посетил начальник Генштаба ЮНА генерал Коча Попович в сопровождении двух заместителей начальника политуправления Министерства народной обороны ФНРЮ. На совещании в албанском Генштабе Попович заявил, что Югославия принимает на полное содержание албанскую армию и направляет для ее подготовки своих военных инструкторов и советников. В случае войны албанские, югославские и болгарские вооруженные силы, по словам Поповича, сражались бы под единым командованием⁵⁰.

Советское руководство хоть и располагало детальной информацией о планах Белграда, тем не менее, подозревало, что он скрывает свои подлинные намерения. Разногласия между Москвой и Белградом по албанскому вопросу вызвали дополнительные опасения у югославских представителей, выехавших в СССР в начале января. 8 января 1948 г. в Москву отбыли Милован Джилас и представители военного руководства: генералы Коча Попович, Миялко Тодорович и Светозар Вукманович-Темпо. В день приезда Джилас отправился

⁴⁸ ВА. АЈНА. ГШ-10. К. 372, 8. Телеграм генерала Хамовића генералу Купрешанину од 31. јануара 1948.

⁴⁹ *Dimitrijević B.* JNA od Staljina do NATO pakta... S. 82.

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1160. Л. 1–4. Донесение Барскова Суслову от 1 января 1948 г.

на прием к Сталину, который заявил, что Советский Союз не имеет особого интереса к Албании и не возражает против того, чтобы Югославия «проглотила» эту страну⁵¹. Джилас утверждал, что речь идет об объединении двух государств, но Сталин остался при своей точке зрения⁵². По его словам, следовало делать ставку на таких подверженных внешнему влиянию людей, как Энвер Ходжа, а также сохранить видимость независимости Албании, чтобы не дать повод упрекнуть Югославию в том, что она хочет подчинить себе соседнее государство⁵³. Вопреки ожиданиям, переговоры Джиласа и Сталина не только не прояснили позицию Москвы и Белграда по албанской проблеме, а стали провозвестником новых дальнейших разногласий. У Джиласа сформировалось представление, согласно которому Советы полагали, что намерения Югославии в отношении Албании — сугубо экспансионистского характера⁵⁴.

Хотя у Милована Джиласа сложилось впечатление, что советское и югославское руководство одинаково смотрят на албанский вопрос, разногласия не замедлили проявиться. Сталин предъявил претензии югославской стороне по поводу того, что она решила отправить войска в Албанию без предварительной консультации с Советским Союзом⁵⁵. По словам Эдварда Карделя, Белград полагал, что Москву проинформируют албанцы. Энвер Ходжа так и сделал⁵⁶. Молотов упрекал югославов, что об их намерениях приходится узнавать случайно от третьих лиц. Албанцы, в свою очередь, были уверены, что согласие советской стороны получено.

28 января 1948 г. Молотов поручил послу в Белграде А. И. Лаврентьеву передать Тито, что советская сторона, будучи осведомленной о намерении Югославии послать в Албанию одну дивизию, выступает против такого шага, так как западные державы могли бы использовать его для осуществления собственной интервенции без

⁵¹ *Dilas M. Razgovori sa Staljinom. Beograd, 1990. S. 92.*

⁵² *Ibid. S. 93.*

⁵³ А.И. 836–КМ.И. I-3–b/651. Денеша М. Биласа J. Б. Титу од 19. јануара 1948.

⁵⁴ *Dilas M. Razgovori sa Staljinom. S. 93*

⁵⁵ А.И. 836–КМ.И. I-3–b/631. Денеша Е. Карделя, М. Биласа и В. Бакарића J. Б. Титу од 12. фебруара 1948.

⁵⁶ *Hodža E. Titoisti. S. 469–475.*

формального нарушения албанского суверенитета⁵⁷. В ходе беседы с советским послом югославский руководитель настаивал на существовании для Албании внешней угрозы, а советский представитель — на опасности реализации югославского плана⁵⁸. Последовало новое послание Молотова Тито, которому Лаврентьев передал, что неприемлема ситуация, в которой Югославия, будучи связанной с СССР договором о взаимопомощи, не консультируется с ним по такому важному вопросу. Посол заявил, что Москва не готова нести ответственность за последствия запланированного Белградом необдуманного решения⁵⁹. 31 января 1948 г. Йосип Броз Тито в разговоре с Лаврентьевым попытался унять разбушевавшиеся страсти, заявив, что решение об отправке дивизии в Албанию было принято в ответ на настойчивые просьбы албанской стороны, до которой дошла информация о возможных греческих провокациях⁶⁰. Тогда же Й. Броз Тито сказал, что переброска военнослужащих отменена, что он берет на себя всю ответственность за принятое решение и что между советским и югославским руководством нет принципиальных разногласий. Лаврентьев подчеркнул, что не в первый раз югославское правительство избегает консультаций с Кремлем. В частности, в 1947 г. Белград самостоятельно подписал договор с Софией. На это, согласно советским документам, югославский лидер ничего не смог ответить⁶¹.

Со своей стороны Энвер Ходжа постоянно сообщал советскому послу в Тиране Чувахину о югославских идеях, инициативах и указаниях, чем подпитывал подозрения и негодование Кремля⁶². Уже

⁵⁷ Из телеграммы В.М. Молотова А.И. Лаврентьеву для передачи И. Брозу Тито 28.1.1948 // Вестник МИД СССР. 1990. № 6. 31 марта. С. 58.

⁵⁸ Из телеграммы А.И. Лаврентьева В.М. Молотову в МИД СССР 1.2.1948 // Там же. С. 59.

⁵⁹ Из телеграммы В.М. Молотова А.И. Лаврентьеву для передачи И. Брозу Тито 31.1.1948 // Там же. С. 59.

⁶⁰ *Гуренко Ю. С. Сталин — Тито. М., 1991. С. 337–338; Из телеграммы А.И. Лаврентьева В.М. Молотову в МИД СССР 1.2.1948 // Там же. С. 59.*

⁶¹ Из телеграммы А.И. Лаврентьева В.М. Молотову в МИД СССР 1.2.1948 // Там же. С. 59.

⁶² *Borozan D. Albanija u kampanji Kominforma protiv Jugoslavije 1948–1950 // Jugoslovensko-sovjetski sukob 1948. Beograd, 1998. S. 52.*

Ил. 5. Митинг в Тиране по случаю подписания Договора о дружбе и сотрудничестве между ФНРЮ и НРА 9 июля 1946 г.

2 февраля Сталин потребовал вызвать в Москву для консультаций кого-нибудь из высшего югославского руководства. Было решено, что отправятся Эдвард Кардель и Владимир Бакарич, которые прибыли в столицу СССР 8 февраля⁶³. Кардель также попытался исправить положение, признав ошибочность того, что Советский Союз не был уведомлен о намерении Югославии взять под свой контроль южную албанскую границу.

Сталин полагал, что югославское военное присутствие в Албании дало бы повод Великобритании и США для интервенции под предлогом защиты албанской независимости, что вызвало бы

⁶³ *Borožan Đ.* Albanija u kampanji Kominforma protiv Jugoslavije 1948–1950 // *Jugoslovensko-sovjetski sukob 1948*. Beograd, 1998. S. 339.

крупномасштабный вооруженный конфликт. Об этом советский руководитель в острой и не слишком дипломатичной форме заявил 10 февраля во время встречи с Димитровым и Карделем. При этом он подчеркнул, что после Второй мировой войны гарантами независимости Албании выступили три державы-победительницы и что западные государства могли бы истолковать переброску югославских войск как нарушение этой независимости⁶⁴. В то же время Албанию Сталин назвал ахиллесовой пятой советского лагеря, так как ее, по сути, не признали западные союзники, и она до сих пор не вступила в ООН. Карделю было заявлено, что Югославии следует всеми силами помочь Албании, если она подвергнется нападению. Но до этого вводить в нее войска неверно, так как Запад в этом случае однозначно объявит Югославию агрессором⁶⁵. Кроме того Сталин откровенно сказал Карделю в присутствии Димитрова, что не стоит опасаться, что Москва заберет Албанию у Белграда. Албанию «возьмет Югославия, но сделает это правильно»⁶⁶. По мнению кремлевского властителя, федерацию могли бы сформировать не три, а два члена — Болгария и Югославия, составной частью которой стала бы Албания⁶⁷. Димитрову и Карделю был адресован упрек в том, что они, принимая те или иные решения, не учитывали возможность осложнения отношений между СССР и Западом⁶⁸.

Стало ясно, что планам ввода в Албанию югославских войск и создания Балканской федерации в ближайшее время не суждено было сбыться, так как в Москве опасались как реакции западных государств, так и усиления балканского фактора в социалистическом лагере. Сталин также рекомендовал югославам способствовать повышению боеспособности албанской армии⁶⁹. Таким образом, несмотря на то что разногласия по албанскому вопросу были временно заморожены, обозначились контуры будущего

⁶⁴ *Димитров Г.* Дневник (9. март 1933–6 февруари 1949). София, 1997. С. 598.

⁶⁵ Там же. С. 598–599.

⁶⁶ Там же. С. 599.

⁶⁷ Там же. С. 601–602.

⁶⁸ *Borožan Đ.* Albanija u kampanji Kominforma... S. 52.

⁶⁹ *Petranović B.* Balkanska federacija... S. 198–200.

противостояния. Поведение югославского руководства вошло в противоречие с иерархией и системой принятия решений в советском блоке, что грозило серьезным обострением отношений между двумя партиями⁷⁰. Советская сторона в принципе признавала за Югославией свободу действий в Албании, но только до тех пор, пока они не противоречили советским интересам и не нарушали иерархическое устройство соцлагеря. В результате по настоянию Москвы 13 февраля 1948 г. состоялось подписание особого протокола, обязавшего Югославию консультироваться с СССР по всем важным внешнеполитическим вопросам⁷¹. Аналогичное обязательство взяла на себя и Болгария.⁷² Стало ясно, что в будущем Советский Союз собирается контролировать действия Югославии и Болгарии на международной арене. Москва, строго придерживавшаяся собственных обязательств перед союзниками по Второй мировой войне, опасалась непродуманных шагов своих балканских вассалов, которые могли бы поставить под сомнение ее отношения с Западом⁷³.

О противоречиях с СССР по вопросу югославского присутствия в Албании Йосип Броз 1 марта 1948 г. проинформировал Политбюро, подчеркнув, что советско-югославские отношения «в последнее время зашли в тупик». Советы, по словам Тито, не разрешили дислокацию одной югославской дивизии в окрестностях Корчи, что стало бы демонстрацией прочности союза с Албанией, так как они «готовы не к войне, а к провокациям»⁷⁴. Югославский руководи-

⁷⁰ Petranović B. Balkanska federacija... S. 339.

⁷¹ AJ. 836–KMJ. I-3–b/651. Дешеша Едварда Карделя J. Б. Титу од 13. фебруара 1948.

⁷² О том, как встреча оценивалась в Болгарии, см.: Znamierowska-Rakk E. Federacja Słowian południowych w polityce Bułgarii po II wojnie światowej. Korzenie — próby realizacji — upadek. Warszawa, 2005. S. 355–381.

⁷³ О том, как встреча оценивалась в СССР, см.: Губианский Л. Я. К истории советско-югославского конфликта 1948–1953: Секретная советско-югославо-болгарская встреча в Москве 10. февраля 1948. года // Славяноведение. 1991. № 3. С. 12–23; № 4. С. 4–36; 1992. № 1. С. 42–56; № 3. С. 35–51.

⁷⁴ Sednica Politbiroa CK KPJ 1. marta 1948 // Zapisnici sa sednica Politbiroa Centralnog komiteta KPJ... S. 236–247.

тель, сетовавший на военное и экономическое давление со стороны СССР, признал, что совершил ошибку, не проинформировав своевременно его о своих намерениях.

Эдвард Кардель доложил о переговорах в Москве, передав слова Сталина о том, что стоит уменьшить активность партизанского движения в Греции, если нет гарантии его победы⁷⁵. Для югославского руководства такая позиция советского вождя стала неожиданностью. Милован Джилас полагал, что сыграли роль опасения по поводу возможных осложнений международной ситуации, к чему СССР, понесший огромные людские и материальные потери во Второй мировой войне, не был готов. Кроме того, Советский Союз не мог поддержать создание нового коммунистического государства на Балканах, до тех пор пока в советском блоке не закончилась интеграция тех, кто присоединился к нему из идеологических соображений⁷⁶. В дискуссии, которая состоялась в Политбюро, преобладало мнение, что Югославия слишком много вложила в Албанию, чтобы уходить из нее. В то же время нельзя было заходить за определенные обозначенные границы, если это противоречило государственным интересам. В результате оказываемого Кремлем давления в югославском руководстве сформировалась убежденность в необходимости придерживаться старой линии поведения в отношениях с Албанией и СССР, «не забывая о судьбе собственного государства»⁷⁷.

Вопрос создания Балканской федерации снова встал в повестку дня. О возможной активизации процесса Энвер Ходжа узнал от своего посланника в Софии, который имел личную беседу с Димитровым. В связи с болгарской инициативой албанцы сразу заподозрили неладное, так как привыкли получать информацию из другого источника⁷⁸. Югославская сторона отреагировала немедленно. Йосипу Джерже было поручено довести до сведения Ходжи позицию официального Белграда, полагавшего, что говорить

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ Dilas M. Vlast. London, 1983. S. 134–136.

⁷⁷ Ibid.

⁷⁸ AJ. 507/IX. Албанија. I-167. Дешеша J. Берђе J. Б. Титу од 13. марта 1948.

о федерации с Болгарией слишком рано. Дескать, еще не сложились условия, и Югославия в принципе против создания федерации сначала с Болгарией, а затем с Албанией. И то и другое должно произойти одновременно⁷⁹.

Такой же была и позиция советского руководства, подчеркивавшего, что вопрос решится в будущем, когда сложатся необходимые условия и позволит международная обстановка⁸⁰. В Белграде к этому времени осознали, что создание Балканской федерации маловероятно. Судить об этом позволяют итоги заседания Политбюро, состоявшегося 1 марта 1948 г.⁸¹

Участившиеся вооруженные инциденты на албанско-греческой границе, охлаждение отношений между Москвой и Белградом, уменьшение югославского присутствия в Албании — все это побудило Энвера Ходжу обратиться с письмом к Йосипу Броз Тито⁸². В послании речь шла о продолжении югославской военной и экономической помощи Албании, а также о едином командовании вооруженными силами двух стран в случае войны. Албанский руководитель затронул и тему создания Балканской федерации, подчеркнув, что действует по совету генерала Купрешанина и Саво Златича. Те якобы утверждали, что сложились все необходимые условия для объединения Югославии и Албании. Однако Ходжа, по собственному признанию, прежде чем форсировать события, хотел посоветоваться с Й. Брозом Тито⁸³.

Отношения между Югославией и Албанией становились хуже день ото дня. Конфликты с албанским командованием, неуважительное отношение к югославским военным советникам, а также начало конфронтации с СССР побудили югославский Генераль-

⁷⁹ АЈ. 507/IX. Албанија. I-168. Депеша А. Ранковића Ј. Ђерђевића од 14. марта 1948.

⁸⁰ АЈ. 507/IX. Албанија. I-171. Депеша Ј. Ђерђевића Ј. Б. Титу од 11. априла 1948.

⁸¹ Sednica Politbiroa СК КПЈ 1. marta 1948 // Zapisnici sa sednica Politbiroa Centralnog komiteta КПЈ... S. 236–247.

⁸² АЈ. 836. I-3–b/35. Писмо Е. Хоџе маршалу Ј. Б. Титу од 19. марта 1948.

⁸³ Там же.

ный штаб издать 20 апреля приказ о срочном отзыве всех офицеров ЮНА из Албании⁸⁴. Энвер Ходжа срочно отреагировал телеграммой, переданной Тито через посла Й. Джердже. В послании содержалась просьба повременить с отзывом. Письмом Энвер Ходжа стремился снизить накал противоречий, обременявших отношения двух стран. Опровергались слова Купрешанина, утверждавшего, что многие из находившихся в Албании югославских специалистов оказались в тюрьме, а их семьи лишились квартир, что в албанском обществе постоянно принижается размер югославской помощи, что реализация военных соглашений в таких условиях в принципе невозможна⁸⁵. 21 апреля Ходжа обратился с новым письмом к Тито, в котором помимо повторной просьбы отменить отзыв советников развернуто объяснял, почему следует продолжить сотрудничество в военной сфере. Особенно Ходжу беспокоило то, что принятое югославским Генштабом решение совпало с распоряжением об эвакуации из Албании советского военного персонала. А это подрывало позиции самого албанского руководителя.

Москва, впрочем, руководствовалась совсем другими соображениями. Сталин не желал из-за Греции вступать в конфронтацию с Западом, который мог расценить советское военное присутствие в Албании как некую провокацию. Кроме того, как свидетельствует межпартийная переписка, уже тлел конфликт между СССР и Югославией. Накануне открытого столкновения Москва эвакуировала своих советников как из Югославии, так и из находившейся в сфере ее влияния Албании. Сталин отвергал возможность какой-либо помощи Албании, до тех пор пока не подтвердится ее разрыв с Югославией. Удостоверившись в нем, Кремль 13 апреля отменил решение об отзыве из Албании военных советников, которым тогда же было предоставлено право контролировать работу политических органов албанских вооруженных сил⁸⁶.

⁸⁴ ВА. АЈНА. ГШ-10. К. 372, 20. Наређење генералштаба војној мисији у Тирани од 20. априла 1948.

⁸⁵ АЈ. 836. I-3–b/38. Писмо Е. Хоџе маршалу Ј. Б. Титу од 18. априла 1948.

⁸⁶ АЈ. 507/IX. Албанија. I-172. Депеша С. Златића А. Ранковићу од 14. априла 1948.

22 апреля 1948 г. Йосип Броз Тито направил Ходже ответное письмо, написанное в резком тоне⁸⁷. В нем говорилось, что югославское партийное руководство единодушно пришло к выводу, что межгосударственные отношения ухудшились аналогично тому, как это произошло в 1947 г. Причиной стали не замечания генерала Купрешанина относительно единичных инцидентов, а действия албанского правительства, использовавшего единичные инциденты для маскировки главных проблем. Югославский лидер напрямую обвинил албанскую сторону в утрате веры в искренность намерений Белграда, а также в сознательном уменьшении размеров экономической помощи и прочих материальных жертв, на которые пошла Югославия в помощи союзнику. Утверждалось, что руководство ФНРЮ не может более помогать Албании, обделяя собственный народ, тем более что такая помощь не приводит к улучшению двусторонних отношений. В письме также содержалось признание того, что Югославия с самого начала слишком идеализировала собственные отношения с Албанией, которые теперь необходимо поставить на совершенно иные, реалистичные, основания, соответствующие как обоюдным возможностям, так и международной обстановке. В том же письме Броз проинформировал Ходжу об отзыве генерала Купрешанина и персонала военной миссии, а также об отказе в следующем году финансировать албанскую армию за счет бюджета Югославии. Взамен предлагалось договориться о предоставлении кредита⁸⁸.

Отправленный в тот же день ответ на второе письмо Ходжи гласил, что генерал Купрешанин и прибывшие с ним в Албанию офицеры отозваны из-за враждебного отношения к ним албанского правительства. Отрицалось, что решение об отзыве мотивировано тем, что в Албании остались советские военные советники. Их присутствие названо необходимым по политическим и военным соображениям. Тито выразил готовность к продолжению сотрудничества, но подчеркнул, что для этого албанское руковод-

⁸⁷ AJ. 836. I-3-b/38. Письмо Е. Хоџе маршалу Ј. Б. Титу од 21. априла 1948.

⁸⁸ Там же.

ство должно подтвердить, что верит в искренность намерений Югославии в отношении Албании⁸⁹.

Для югославской компартии обострение албанского вопроса с самого начала было неразрывно связано с ухудшением отношений с СССР. Поэтому на состоявшемся 9 мая 1948 г. заседании Политбюро речь зашла и об Албании, и о критике, озвученной советским Политбюро. Итогом обсуждения стало решение негативно ответить на письмо советского ЦК и не посылать делегацию на заседание Информбюро в Бухаресте. Что касается Албании, то отношения с ней планировалось выстраивать на новой основе, которую следовало заложить в результате подписания нового международного соглашения и ряда двусторонних договоров. Это позволило бы, с одной стороны, положить конец прежней порочной практике, а с другой, защитить югославские вложения в Албанию⁹⁰.

Одновременно с этим советское Политбюро приступило к анализу реального масштаба югославского присутствия в Албании. При этом учитывалась возможность изменения ситуации там и ее повторного сближения с Югославией. Детальному изучению подвергся албанский пятилетний план⁹¹ и возможности его реализации⁹², торговля⁹³, промышленность⁹⁴, уровень развития культуры⁹⁵ и образования⁹⁶, транспортная сеть⁹⁷, а также деятельность совместных югославско-албанских и советско-албанских культурных обществ⁹⁸. Итогом всестороннего рассмотрения стал вывод,

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Sednica Politbiroa CK KPJ 9. maja 1948 // Zapisnici sa sednica Politbiroa Centralnog komiteta KPJ... S. 248–250.

⁹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 473. Л. 2–5. Отчет об албанском пятилетнем плане.

⁹² Там же. Л. 10–18. Отчет о перспективах реализации плана на 1948 г.

⁹³ Там же. Л. 19–30. Отчет о развитии торговли в Албании.

⁹⁴ Там же. Л. 6–9. Отчет о развитии промышленности в Албании.

⁹⁵ Там же. Л. 31–39. Отчет о культурных достижениях в Албании.

⁹⁶ Там же. Л. 51–61. Отчет о развитии образовательной системы в Албании.

⁹⁷ Там же. Л. 42–50. Отчет о развитии транспорта в Албании.

⁹⁸ Там же. Л. 40–41. Отчет о работе культурных обществ Югославия — Албания и Албания — СССР.

что, несмотря на то что югославское влияние на соседнюю страну огромно, в руководстве албанской партии верх взяла преданная СССР группа, которая считала это влияние вредоносным.

Ответ на письмо Тито был получен только 23 мая 1948 г. Признавая ответственность за ухудшение двусторонних отношений, албанское Политбюро отвергало обвинение в сомнениях в югославских намерениях. Наоборот, оно полностью доверяло Югославии, ее государственному и партийному руководству. Кроме того, в послании содержались клятвы верности марксизму-ленинизму, братским отношениям с народами ФНРЮ, а также обвинения в адрес генерала Купрешанина и С. Златича в связи с их «враждебной» антиалбанской позицией⁹⁹. При этом авторы письма старались не касаться сути противоречий, настаивая на продолжении сотрудничества на старых основах, как будто не случилось ничего, что могло бы поссорить две страны и две компартии. 31 мая 1948 г. югославское Политбюро отправило ответ, в котором предлагала албанскому правительству прислать в Белград делегацию для переговоров о двусторонних отношениях и продолжении экономического и военного сотрудничества¹⁰⁰.

Положение в самой Албании оставалось тяжелым и запутанным. Для руководства страны сложнее всего было объяснить армии ухудшение отношений с Югославией¹⁰¹. Из-за контактов с албанскими офицерами, в частности с начальником политического управления генералом Кристо Темелько, 24 июня 1948 г. Тирани потребовала отзыва югославского политического инструктора полковника Шпиро Срзентича¹⁰². Александр Ранкович советовал Срзентичу не покидать Албанию до тех пор, пока ему не объяснят подлинных причин высылки, одновременно укоряя его в том, что он слишком далеко зашел в разговорах с албанскими коллега-

⁹⁹ АЈ. 507/IX. Албанија. I-175. Писмо Е. Хоџе Ј. Б. Титу од 23. маја 1948.

¹⁰⁰ АЈ. 507/IX. Албанија. I-175. Писмо Политбироа ЦК КПЈ Политбироу ЦК КПА од 31. маја 1948.

¹⁰¹ АЈ. 836. I-3–b/40. Извештај пуковника Ш. Срзетића генерал-лајтнанту С. Вукмановић-Темпу од 6. јуна 1946.

¹⁰² АЈ. 836. I-3–b/40. Телеграм С. Филиповиућа А. Ранковићу од 25. јуна 1948.

ми¹⁰³. В связи с этим инцидентом югославский МИД 1 июля напечатал ноту протеста¹⁰⁴. Накануне, 30 июня 1948 г. югославский Генштаб приказал всем военнослужащим ФНРЮ срочно эвакуироваться из Албании, военное сотрудничество с которой почти полностью прекратилось¹⁰⁵. Одновременно все 225 албанцев, обучавшихся в югославских военных школах и академиях, как и большинство учеников и студентов штатских учебных заведений, отправились домой¹⁰⁶.

Сразу по обнародовании резолюции Информбюро по Югославии албанское правительство приступило к разрыву с ней политических, военных и культурных связей. При этом Тирани действовала быстрее, энергичнее и грубее, чем остальные страны Информбюро. Албанцы не дождались ни заявления ЦК КПЮ о положении в Коммунистической партии Югославии¹⁰⁷, ни заявления от 20 июня 1948 г., адресованного участникам заседания Информационного бюро¹⁰⁸. 1 июля ЦК АПТ выпустил официальное сообщение, в котором публично и недвусмысленно солидаризировался с резолюцией Информбюро. Письмо, наполненное банальностями, клятвами в верности марксизму-ленинизму и лично великому вождю Сталину, содержало ряд нападок, спорных утверждений и оскорблений в адрес Югославии, которая обвинялась в попытке навязать албанской партии свой предательский курс¹⁰⁹. В том же духе суть конфликта с Югославией албанское

¹⁰³ АЈ. 836. I-3–b/40. Телеграм А. Ранковића Ш. Срзентићу од 26. јуна 1948.

¹⁰⁴ АЈ. 836. I-3–b/40. Нота југословенског МИП албанском МИП од 1. јула 1948.

¹⁰⁵ ВА. АЈНА. ГШ-10. К. 372, 59–34. Телеграм Генералштаба југословенској војној мисији у Тирани од 30. јуна 1948.

¹⁰⁶ *Dimitrijević B.* JNA od Staljina do NATO pakta... S. 90.

¹⁰⁷ Изјава Централног комитета Комунистичке партије Југославије поводом резолуције Информационог бироа комунистичких партија о стању у Комунистичкој партији Југославије // Борба. 30. јун 1948.

¹⁰⁸ Изјава ЦК КПЈ од 20. јуна 1948. упућена заседању Информационог бироа // Борба. 30. јун 1948.

¹⁰⁹ АЈ. 507/IX. Албанија. I-194. Саопштење ЦК КП Албаније од 1. јула 1948.

руководство объясняло и рядовым членам собственной партии¹¹⁰. Исполком Демократического фронта Албании сразу известил советское Политбюро о том, что принято решение осудить КПЮ и поддержать позицию албанского ЦК и Информбюро. В очередной раз прославлялись Сталин и СССР, подчеркивалось участие албанцев в борьбе за освобождение Югославии в ходе Второй мировой войны, выражалась надежда на то, что ее народы сбросят клику Тито, и т.д.¹¹¹ ЦК Компартии Албании отправил в Москву аналогичное послание, в котором, помимо обязательных клятв верности Сталину, содержались обвинения КПЮ в троцкизме, антимарксизме и антиалбанских намерениях¹¹².

Уже в последние дни июня 1948 г. албанское правительство закрыло в Тиране югославский книжный магазин и приказало удалить из помещений и кабинетов совместных албанско-югославских обществ портреты Тито, в связи с чем югославские власти заявили официальный протест¹¹³. Одновременно албанская сторона в одностороннем порядке прекратила строительство железнодорожных путей, соединяющих Скадар и Тропою, а также ведущих из городов Кукс и Скадар до границы с Югославией. Прервались поставки нефти и битума, что также вызвало энергичный протест¹¹⁴. Югославское руководство полагало, что имеет место грубое нарушение заключенных договоренностей, и требовало прибытия в Белград специальной делегации с целью разрешения конфликта и восстановления экономического сотрудничества¹¹⁵. В то время как власти ФНРЮ полагали, что сохраняется возможность нормализации отношений, Хисни Капо 2 июля 1948 г. от имени албанского пра-

¹¹⁰ АЈ. 507/ІХ. Албанија. І-241. Деша посланства у Тирана ЦК КПЈ од 4. јула 1948.

¹¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 474. Л. 1–4. Сообщение Исполкома Демократического фронта Албании советскому Политбюро в связи с резолюцией Информбюро.

¹¹² Там же. Л. 1–4, 5–13. Сообщение ЦК КП Албании советскому Политбюро в связи с резолюцией Информбюро.

¹¹³ АЈ. 836. І-3–b/44. Нота југословенског МИП албанском МИП од 1. јула 1948.

¹¹⁴ Там же. Нота југословенског МИП албанском МИД од 2. јула 1948.

¹¹⁵ Там же.

вительства вручил новому югославскому посланнику в Тиране Диминичу две ноты. Первая содержала требование отозвать в течение 48 часов из Албании всех югославских специалистов, преподавателей и советников, а вторая — односторонний отказ от соблюдения всех экономических соглашений, договоров и протоколов, подписанных с Югославией после 1945 г. При этом подчеркивалось, что албанское правительство не хочет расторгать договор о дружбе и взаимном сотрудничестве. Конвенция о культурном сотрудничестве не упоминалась¹¹⁶. Что касается прекращения экономических контактов, то оно было вызвано якобы империалистическими намерениями югославской стороны, не соблюдавшей взятые на себя обязательства. Всего было разорвано 22 межгосударственных и экономических соглашения.

Югославское правительство оперативно отреагировало на односторонние действия соседнего государства. 2 июля 1948 г. Йосип Броз поручил Эдварду Карделю и Миловану Джиласу подготовить ответ на албанские ноты, в котором подчеркивалось бы, что в результате расторжения экономических соглашений и сам договор о дружбе и сотрудничестве для югославской стороны становится недействительным. Будучи уверенным, что Тирана действует по приказу Москвы, Тито полагал, что бессмысленно требовать восстановления status quo. Последовало распоряжение потребовать от Албании возврата всех материальных средств, переданных в рамках исполнения двусторонних договоренностей, возвращения югославских судов, а также репатриации всех югославских граждан. Кроме того, Александр Ранкович получил приказ закрыть границу с Албанией, как это было раньше сделано с греческой границей¹¹⁷.

Скорректировав свою позицию и отказавшись от решения денонсировать договор о дружбе, продолжавший формально действовать, югославское правительство направило албанскому руководству ноту протеста¹¹⁸. 21 июля 1948 г. прибыл обширный ответ, в котором повторялись обвинения в стремлении подчинить

¹¹⁶ Там же. Телеграм посланика Диминића од 2. јула 1948.

¹¹⁷ Там же. Писмо Ј. Б. Тита М. Ђиласу од 2. јула 1948.

¹¹⁸ Там же. Нота југословенског МИП албанском МИП од 3. јула 1948.

Албанию и попытке ее экономической эксплуатации¹¹⁹. Югославское посольство в Тиране оказалось в полной изоляции. Была ограничена свобода передвижения его сотрудников. Прекратилось информирование о ситуации в стране¹²⁰. Начались систематические кампании по дискредитации югославского партийного руководства, а также против югославского присутствия в Албании¹²¹. Кроме того албанское правительство затягивало решение проблемы репатриации югославских граждан, медленно оформляя документы и препятствуя выезду тех, кто голосовал на выборах 1945 г. и кого местные власти считали гражданами Албании¹²². На них оказывали давление, принуждая откеститься от деятельности КПЮ и осудить ее курс¹²³. Пытаясь вернуть своих граждан, официальный Белград 14 октября 1948 г. направил Тиране ноту протеста, оставшуюся без ответа¹²⁴. Не принесло результата и обращение за помощью к советскому послу в Албании Чувахину, которого посольство ФНРЮ просило поспособствовать прекращению антиюгославской кампании и решению проблемы репатриации. Чувахин пытался объяснить происходящее происками отдельных безответственных лиц, не имеющими ничего общего с официальной политикой албанского правительства¹²⁵. В тот момент отношения СССР и Югославии еще не вошли в фазу глубокого кризиса, и Кремль пытался примирить враждующие стороны.

Югославно-албанский кризис конца 1947 г. — начала 1948 г. совпал с резким ухудшением югославно-советских отношений. Поводом для него послужило югославское военное присутствие

¹¹⁹ Там же. Нота албанского МИП югословенскому МИП от 21. июля 1948.

¹²⁰ А.И. 836. I-3-b/46. Извештај посланства у Тиране МИП од 28. септембра 1948.

¹²¹ А.И. 507/IX. Албанија. I-196. Делеша посланства у Тиране МИП од 2. јула 1948.

¹²² А.И. 836. I-3-b/48. Телеграм Д. Кошмрља МИП од 14. октобра 1948.

¹²³ А.И. 507. Албанија. I-1200. Делеша посланства у Тиране МИП од 12. јула 1948.

¹²⁴ А.И. 836. I-3-b/48. Нота југословенског МИП албанском МИП од 3. јула 1948.

¹²⁵ А.И. 507/IX. Албанија. I-180. Делеша посланства у Тиране ЦК КПЈ од 30. јуна 1948.

в Албании, а именно, намерение отправить в соседнее государство одну дивизию, не проинформировав об этом советское руководство. Подлинные причины разрыва гораздо глубже. Их корни прослеживаются как в противоречивых югославно-албанских отношениях 1944–1948 гг., так и в том, как Москва представляла себе ситуацию на Балканах, какую роль в международных отношениях отводила Югославии, каким видела ее присутствие в Албании, какое место уготовила Тиране внутри социалистического лагеря. Греческий вопрос также имел большое значение для отношений трех государств. Доступные исторические источники со всей очевидностью свидетельствуют, что Советский Союз стремился избежать вовлечения в серьезный конфликт в Греции и поэтому пытался контролировать своих балканских союзников, поддерживавших греческое партизанское движение. По мнению Москвы, слишком укрепившиеся позиции Белграда, вдохновленного собственным опытом автохтонной революции, строившего планы выйти через Албанию в Средиземноморье, могли стать источником проблем для соцлагеря. Поэтому разразился конфликт, в котором Албания послужила ареной эскалации существовавших противоречий СССР и Югославии. В то же время албанский вопрос, имевший для ФНРЮ и второе внутривластное измерение, отвлекал внимание югославского руководства от иных более значительных проблем, вероятное обострение которых могло спровоцировать разрыв межсоюзнических отношений, установленных советским руководством еще в ходе Второй мировой войны. Конфликт с Албанией не только подрывал военные и политические позиции Югославии, но и нанес ей материальный ущерб. Безвозвратно пропали огромные вложения в албанскую экономику, которыегодились бы и в самой разоренной войной Югославии.

Глава 3

Советский Союз, Албания и югославно-греческие отношения (1944–1949 гг.).

Почему Югославия прекратила помогать греческим партизанам

В ходе Второй мировой войны Македония как пространство, на котором пересекались интересы балканских стран — Сербии (Югославии), Греции, Болгарии и отчасти Албании, — приобрела новое геополитическое значение. В новых условиях ее статус, до конца не проясненный ни в результате Балканских войн, ни Первой мировой войны, грозил возобновлением конфликта перечисленных государств. Во время Второй мировой войны Македония — традиционная зона влияния нескольких великих и региональных держав — оказалась в фокусе внимания еще одной великой силы — Советского Союза. Наступление советских войск на Балканах, рост влияния албанских и болгарских коммунистов, революция, которую едва ли не самостоятельно осуществили югославские коммунисты, мощное партизанское движение в Греции — все вышеперечисленное привело к тому, что СССР стал одним из основных участников своеобразного политического соперничества. От его исхода зависела дальнейшая судьба всего полуострова и его центральной области, служившей зоной соприкосновения, столкновения и взаимодействия наций, исповедуемых ими религий и идеологий. Советский Союз, набиравший силу благодаря победам Красной армии, все ясней формулировал свои интересы на Балканах и становился все более значимым фактором решения македонского вопроса. Тот в конце войны и сразу по ее завершении

приобрел остроту в качестве проблемы, которая, в первую очередь, обременяла югославно-болгарские отношения и в значительной мере затрагивала интересы Греции. Одновременно другой член антигитлеровской коалиции, а именно Великобритания — традиционный покровитель Греции, никому не уступивший свое право определять ее послевоенное будущее с помощью средств политического, экономического и военного воздействия, — не желал отдавать на откуп СССР и его союзникам — Югославии и Болгарии — ни судьбу Балкан в целом, ни национальную безопасность и территориальную целостность своего единственного оставшегося союзника в регионе в частности.

Усилия Вукмановича по организации Балканского штаба сталкивались с препятствиями и на территории Македонии, в которой наблюдался рост межнациональной напряженности. Уже осенью 1943 г. Йосип Броз Тито отказался от идеи создания подобной структуры. Причины и обстоятельства принятия этого решения до конца не прояснены. Можно лишь предположить, как уже указывалось выше, что, с одной стороны, роль сыграли опасения возможного «распыления» автохтонного югославского революционного движения и его достижений в новой среде с ее военной, идеологической и политической неопределенностью. С другой стороны, имели значение внешнеполитические соображения. В ситуации гражданской войны и борьбы за власть Броз опасался негативной реакции западных союзников, поддержки которых он добивался.

В тот момент югославское партийное руководство полагало, что все еще рано ставить вопрос об объединении Македонии. Уместно было говорить лишь об освобождении и самоопределении народов после победы в войне. Лозунг создания федерации балканских народов служил лишь агитационным целям¹. Наряду с описанными затруднениями проблемы возникли и во взаимоотношениях с соседними странами и даже с родственными в идеологическом отношении движениями, как, например, в Греции и Болгарии.

¹ ВА. Фонд Народноослободилачки рат. К.731. 4–42/9. Телеграм верховного команданта НОВ и ПОЈ Јосипа Броза Тита делегату Централног комитета КПЈ и Верховного штаба НОВ и ПОЈ Светозару Вукмановићу Темпу о питању уједињења Македоније. Јајце, 9. новембра 1943.

В середине 1943 г. в распоряжение югославского партизанского Верховного штаба прибыл постоянный представитель греческого Национального комитета², а также и делегаты из югославской части Македонии. Эмиссары обоих движений предъявили взаимные претензии, связанные с якобы нерешенным статусом Эгейской Македонии. Желая смягчить остроту противоречий и отложить решение проблемы, югославское партийное руководство заявляло, что до тех пор, пока идет война, следует совместными силами бороться с оккупантами, а не определять границы и принадлежность отдельных территорий. Предполагалось, что вопрос разграничения и самоопределения национальных меньшинств в приграничных районах станет актуальным ближе к концу войны. Поэтому требовалось сделать все возможное, чтобы в ходе предстоящей мирной конференции прийти к наиболее легкому и благоприятному решению запутанных проблем³.

В переписке Сталина и Тито македонский вопрос стал занимать особое место с апреля 1944 г. Советский лидер, не оглашая окончательного решения относительно будущего статуса Македонии, тем не менее подчеркивал, что Болгария — «союзник врагов Советского Союза», а Югославия воюет на стороне СССР, поэтому ее позицию нельзя не учитывать⁴. О Македонии зашла речь и в ходе встречи в Москве Молотова и Сталина с членами югославской военной миссии — Милованом Джиласом и генералом Велимиром Терзичем. В этот раз советская сторона выступила с примиренческой позиции, пытаясь представить болгарские притязания в какой-то степени оправданными. При этом подчеркивалось, что, когда речь идет о практических мерах, следует различать действия болгарского правительства, с одной стороны, и болгарских коммунистов и народных масс, с другой. По словам Молотова, отношение к Болгарии будет зависеть от того, останется ли она и далее

² Калинин А. А., Юнгблуд В. Т. Греция в американско-британских отношениях в 1939–1945 гг. Киров, 2009. С. 178; Калинин А. А. На переднем рубеже холодной войны. США, СССР и гражданская война в Греции (1944–1949 гг.). Киров, 2018. С. 107–108.

³ Tito J. B. O partiji i ulozi komunista. Beograd, 1984. Knj. 2. S. 326–327.

⁴ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 58. Д. 794. Л. 1–9.

на стороне Германии и будет ли по-прежнему оказывать ей помощь со своей территории. Таким образом, советское руководство отказывалось занять четкую позицию по проблеме будущего статуса Македонии. Югославские представители выступали куда более конкретно и открыто. Джилас ясно заявил, что решение примет сам македонский народ, который, по его словам, стоял перед выбором — вступить ли в борьбу против немцев и тем самым определить судьбу Македонии вместе с народами Сербии или сделать это в союзе с другими народами⁵.

Итак, югославская сторона проинформировала Кремль, каким она видит решение македонского вопроса. При этом не исключалась возможность объединения Пиринской и Вардарской Македонии и их последующего совместного вхождения в состав югославской федерации⁶. Статус Эгейской Македонии в ходе описываемых встреч напрямую не обсуждался, однако для советского руководства все еще оставалась актуальной коминтерновская идея создания единого государства македонцев. Это не могло не вызывать опасений у греческих коммунистов, которые всячески пытались воспрепятствовать подобному ходу событий. Согласно доложенной Георгию Димитрову информации Главного разведуправления Генштаба Красной армии, 13 августа 1944 г. один из секретарей ЦК компартии Греции в беседе с югославскими представителями заявил, что не может быть и речи о каком-либо самоопределении македонцев, так как такого народа просто не существует⁷. В том же донесении сказано, что греческие коммунисты якобы запрещали македонцам-славянам налаживать контакты с югославскими партизанами⁸.

Именно в это время в Югославии стали появляться новые предложения относительно решения македонского вопроса в ущерб

⁵ Там же. Л. 7–8.

⁶ Znamierowska-Rakk E. Federacja Słowian południowych w polityce Bułgarii po II wojnie światowej. Korzenie — próby realizacji — upadek. Warszawa, 2005. S. 185–201.

⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 77. Л. 4; Калинин А. А., Юнгблуд В. Т. Греция в американско-британских отношениях... С. 203.

⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 77. Л. 5.

интересам Греции. Об этом свидетельствует содержание переговоров, состоявшихся в Москве в январе 1945 г. между Сталиным и делегацией Национального комитета освобождения Югославии во главе с Андрией Хебрангом. Встреча имела место сразу после того, как Димитров отверг югославский проект Балканской федерации (5 января 1945 г.), согласно которому Болгарии отводилось место седьмой республики в объединенном государстве южных славян. Сталин по этому вопросу выступил на стороне болгар, призвав югославов поэтапно сближаться с Болгарией — от договора о взаимопомощи до создания свободного союза двух государств. Советский руководитель полагал, что не следует создавать у болгар впечатление, будто они неполноценная сторона, которую отдали на откуп югославам⁹.

Такая постановка проблемы не могла соответствовать югославским интересам. По словам Хебранга, югославское партийное руководство в намерении болгар заключить договор о дружбе и взаимопомощи усматривало желание, во-первых, добиться преимущества по проблеме статуса Македонии и, во-вторых, выйти из изоляции, в которой Болгария оказалась, будучи союзницей Германии. Хебранг предположил, что договор нужен болгарам как своеобразная индульгенция за все злодеяния, совершенные в ходе войны. Однако Сталин ни на йоту не смягчил собственную первоначальную позицию. Настаивая на осмотрительности и предупредительности в отношении Болгарии, он стремился «перевести стрелки» на другую тему, касающуюся югославско-греческих отношений¹⁰.

По этому вопросу представитель югославской компартии открыто выступил, решительно заявив, что в Белграде, прежде всего среди югославских коммунистов, всерьез рассматривается возможность потребовать у Греции Эгейскую Македонию и Салоники. То, что подобные требования до сих пор не были озвучены, объяснялось нежеланием ослаблять позиции ЭЛАС на внутригреческой арене¹¹. Хебранг тем не менее отметил, что вопрос может быть по-

⁹ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 53. Д. 872. Л. 18.

¹⁰ Там же.

¹¹ Калинин А.А., Юнгблуд В.Т. Греция в американо-британских отношениях... С. 277.

ставлен в ближайшее время. Изложение проблемы югославским эмиссаром прервал Молотов, подчеркнувший, что подобные требования могут предъявить и сами эгейские македонцы¹². Вышеописанное обсуждение служит дополнительным свидетельством того, насколько югославская коммунистическая верхушка, опьяненная успехом собственной революции, воодушевленная советской помощью и de facto статусом главного союзника Москвы на Балканах, была преисполнена амбиций самостоятельно и радикально решать в свою пользу территориальные споры с соседями. Таким в то время в Белграде виделся путь к лидерству в регионе, а также во всем просоветском блоке государств, контуры которого уже начали обрисовываться.

Не остались в стороне от решения македонского вопроса и британцы, которые для защиты интересов Греции — своего главного форпоста на Балканах — пытались оказывать воздействие на югославского лидера Й. Броза Тито. 8 ноября 1945 г. тот обсуждал статус Македонии с британским послом в Белграде Стивенсоном, который передал югославскому маршалу и премьеру личное послание британского министра иностранных дел Бевина. В письме выражалось удовлетворение в связи с заявлением Тито о том, что Югославия не собирается предъявлять требования Греции относительно Эгейской Македонии. Выразив надежду, что Белград будет и далее придерживаться этой позиции, Стивенсон поинтересовался у Тито, получил ли соответствующие инструкции югославский посол Цанкар, недавно отправившийся в Афины. Маршал заверил собеседника, что югославское правительство не изменит своей позиции по вопросу Эгейской Македонии¹³. Само собой, то, что услышал британский дипломат, полностью противоречило тому, как в Москве югославское руководство излагало собственный подход к проблеме статуса Македонии.

Подобные расхождения, разумеется, не были секретом для британцев, которые с недоверием и подозрением следили за югославской политикой в отношении Македонии и особенно ее эгейской

¹² АВПРФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 53. Д. 872. Л. 20.

¹³ AJ. 836–KMJ, I-2–a/117. Посета британского амбасадора Стивенсона J. Б. Титу 8. 11. 1945.

части. В разговоре с Тито Стивенсон подчеркнул, что первая в списке неурегулированных проблем взаимоотношений балканских государств — будущее греческой Македонии. Маршал ответил на это, что ситуация не изменилась со времени кратковременного отсутствия Стивенсона в Белграде, и повторил, что руководство Югославии не имеет никаких притязаний на греческую Македонию. Послу Цанкару поручено довести эту позицию до сведения греческого правительства¹⁴.

Во время следующей встречи с Й. Брозом Тито Стивенсон подчеркнул, сколь отрадны для него подобные заверения. Особенно на фоне недавних заявлений видных македонских представителей Димитара Влахова и Бане Андреева в стенах Союзной скупщины. Сказанное ими произвело тягостное впечатление на официальный Лондон и кардинально расходилось с тем, что прошлой осенью Тито говорил о Македонии британскому послу. Притязания на греческие территории особенно явственно прозвучали в выступлении Влахова. Югославский лидер ответил на это, что он не может нести ответственность за слова Влахова, который даже не являлся членом правительства. При этом пришлось признать, что Андреев является министром и премьер отчасти ответственен за его высказывание, которое, несомненно, было «ошибочно интерпретировано». И в этот раз посол Великобритании получил заверения, что политика Югославии в отношении Греции остается неизменной со времени их встречи, состоявшейся в сентябре прошлого года. Югославский лидер обратил внимание Стивенсона на одно из своих недавних выступлений, где он говорил об улучшении отношений между Югославией и Грецией. И это действительно так, подчеркнул Тито¹⁵.

Британцы опасались, что югославы, заручившись согласием Москвы, попытаются объединить всю Македонию — либо в качестве отдельной республики в составе югославской или балканской федерации, либо в виде самостоятельного государства¹⁶. В Форин-офис поступила информация от неназванного высокопоставлен-

ного шведского дипломата, сообщившего о донесении от шведских представителей на Балканах, в котором утверждалось, будто Советы направили правительствам Югославии и Болгарии план формирования на основе их территорий трех государств — болгарского, югославского и македонского. План якобы состоял в том, чтобы впоследствии потребовать от Греции уступить часть своей территории с портом Салоники для предоставления новосозданной Македонии выхода к Эгейскому морю. Небезосновательно предполагалось, что Греция отвергла бы подобное предложение. Однако оставался вопрос, какому давлению она бы в этом случае подверглась¹⁷. Неясно, имело ли место заблуждение шведской дипломатии или британцы использовали нейтральных скандинавов, чтобы скомпрометировать возможное сотрудничество югославских и болгарских властей. Если это так, то конечная цель Лондона состояла в том, чтобы упредить возможное развитие событий в направлении создания независимого македонского государства.

Британский МИД допускал возможность того, что Болгария и Югославия при поддержке Москвы используют волнения в Греции с целью продвижения идеи создания македонского государства. В его составе оказалась бы и греческая Македония — как член югославской или югославно-болгарской федерации. Осуществление подобных намерений обернулось бы расширением зоны советского влияния вплоть до Эгейского моря. В одном из донесений посла Великобритании в Париже сообщалось об опасениях его турецкого коллеги в связи с приготовлениями к формированию такого нового государства. Более того, посол обратил внимание на статью, авторство которой приписывалось лидеру греческих коммунистов Захариадису. Из нее следовало, что цель коммунистов заключалась в том, чтобы создать «свободную Грецию», которая, на самом деле, могла бы превратиться в «свободную Македонию». Статья появилась 12 июля 1947 г. в греческой газете *Ризоπλάστης* вскоре после выступления Порфириогениса перед европейскими коммунистическими лидерами в Страсбурге. 2 января 1947 г. американское правительство получило от английского посольства в Вашингтоне специальную памятную записку, в которой

¹⁴ The National Archives, London (далее — TNA). PRO. CAB. 121/679.

¹⁵ TNA. PRO. CAB. 121/679.

¹⁶ Калинин А. А. На переднем рубеже холодной войны. С. 241.

¹⁷ TNA. PRO. FO 371/66895.

излагалась позиция Лондона по указанному вопросу. Аналогичные послания получили советское, югославское и болгарское правительства. Государственный департамент США в ответе от 24 февраля 1947 г. констатировал совпадение британской и американской позиций по обсуждавшемуся вопросу. Ответ советского правительства не отличался ясностью и мог быть расценен как двусмысленный. При том что вопрос не казался злободневным, ничто не могло развеять страх перед возможной попыткой коммунистических лидеров будущей Балканской федерации аннексировать принадлежавшие Греции македонские области. На основании полученной информации британцы прогнозировали, что потенциальное македонское государство окажется под контролем или даже в составе Югославии, с чем пришлось бы смириться Болгарии. Как виделось из Лондона, Белград и София считали приоритетом передел территорий и не были бы удовлетворены альтернативным решением — возможным укреплением экономического благосостояния региона. На это указывала неспособность югославов полностью использовать собственные возможности, которые им предоставлял доступ к свободному порту в Салониках. Ничуть не очевидней была ситуация с озвученными в ходе мирных переговоров территориальными притязаниями Болгарии, которая не желала расставаться с выходом к Эгейскому морю, полученным во время войны. Поэтому британцы полагали, что принципиально важно помешать тому, чтобы македонский вопрос перерос в острую проблему или просто стал предметом обсуждения на международном уровне. Для этого американским и британским властям следовало не теряя времени продемонстрировать собственную готовность воспрепятствовать созданию македонского государства, не дожидаясь, пока балканские коммунисты всерьез заявят о подобных намерениях¹⁸.

По македонскому вопросу югославское правительство старалось выступать в унисон с советской дипломатией. Драматические события, связанные с проблемой Триеста, вынудили Белград отложить выполнение многих амбициозных планов. На самой Парижской мирной конференции югославские представители придерживались позиции Москвы, а будущее югославо-болгарских

¹⁸ TNA. PRO. FO-371/67458.

отношений рассматривали через призму союза обоих государств в рамках Балканской федерации.

22 апреля 1946 г. Тито обсудил отношения с Софией в разговоре с советским послом в Белграде Лаврентьевым. Маршал вполне решительно заявил, что не может поддержать идею федерации с Болгарией по двум причинам: во-первых, Болгария по-прежнему формально остается монархией; во-вторых, влияние коммунистов на народные массы там несравненно ниже, чем в Югославии. Что касается насущных проблем, то две из них обременяли югославо-болгарские отношения, а именно, территориальный вопрос и необходимость возмещения ущерба, который Югославия понесла в результате оккупации части Югославии болгарской армией. Тито напомнил о своей встрече с болгарями, состоявшейся в Крайове в 1944 г. На том совещании обсуждалась возможная уступка Болгарии Югославией Царибродского района только в обмен на Македонию. Тито, признав, что болгары требуют его небезосновательно, подчеркнул, что должен принимать во внимание позицию сербов. Было понятно, что внутривосточные обстоятельства вынуждают его ответить отказом на болгарские требования односторонних уступок. Как полагали советские представители, Тито, будучи хорватом, опасался того, что сербы с полным на то основанием будут упрекать его в произвольном распоряжении их землями. Это грозило необозримыми политическими осложнениями — обострением внутривосточных отношений, нарушением стабильности югославской федерации, которая все еще находилась на стадии правового и политического оформления. Поэтому, как и Советы, Броз исходил из того, что уступки со стороны Югославии оказались бы более приемлемыми для сербов, если бы речь зашла о взаимном удовлетворении территориальных требований.

В этой же беседе Тито поделился и собственными впечатлениями от разговора с болгарским посланником в Белграде Тодоровым, который нанес ему визит с целью зондажа возможности федеративного объединения Румынии, Болгарии и Югославии. В ответ на это провокационное предложение Тито заявил, что подобное никогда не приходило ему в голову. Затем Тодоров заговорил о подписании договора о дружбе между Болгарией

и Югославией. По словам Тито, на это он ответил болгарскому дипломату, что в современной ситуации такой документ оказался бы вредным и для Белграда, и для Софии. Особенно для последней, так как еще не завершено мирное урегулирование. Тито все-таки попросил Лаврентьева разузнать позицию Москвы относительно гипотетического югославно-болгарского договора. Советский представитель был также проинформирован о том, что в Белград вскоре прибудет болгарская делегация во главе с министром финансов, который во время переговоров наряду с экономическими затронет и ряд иных вопросов¹⁹.

Подход советской стороны к вопросу заключения договора между Болгарией и Югославией характеризовался осторожностью прежде всего из-за отношения Москвы к будущему статусу Македонии. Официальные представители обоих балканских государств неоднократно обращались к советскому руководству с просьбой дать согласие на подписание двустороннего договора о союзе. Однако Кремль еще в начале 1945 г. рекомендовал Софии и Белграду временно воздержаться от этого акта. Причиной тому была крайне негативная позиция Великобритании, которая объяснила свое отношение к союзу Югославии и Болгарии тем, что с последней еще не подписан мирный договор и она находится под особым режимом управления. Таким образом, речь шла об уступке Великобритании со стороны СССР.

Однако к сентябрю 1946 г. в Лондоне сложилось мнение, что Советы с полным правом могут разрешить Болгарии и Югославии приступить к подготовке договора о союзе. Тем более что о позитивном отношении к нему Кремль к этому времени неоднократно заявлял британской стороне в процессе переговоров, а также посредством дипломатической переписки, в том числе утверждая, что в результате подписания мирного договора с Болгарией создадутся все необходимые правовые условия не только для юридического оформления фактических дружественных отношений, сложившихся к этому времени между Югославией и Болгарией после антифа-

¹⁹ Советский фактор в Восточной Европе: 1944–1953 гг.: Документы. М., 1999. Т. 1: 1944–1948 гг. С. 280–283.

шистского переворота 9 сентября 1944 г., но и для достижения соглашения по иным актуальным для обоих государств вопросам²⁰.

Не только в Москве, но и в Софии и Белграде считали насущной потребностью подписание договора о болгарско-югославском союзе. Он должен был урегулировать и территориальные споры — македонский вопрос и проблемы так называемых западных областей, принадлежавших Югославии. Возможным решением стала бы их передача Болгарии в обмен на ее часть Македонии, которая объединилась бы с югославской Македонией, в то время республикой в составе ФНРЮ.

Слияние болгарских и югославских земель, осуществленное в виде присоединения болгарской части Македонии к Македонской народной республике в составе югославской федерации само по себе стало бы значительным шагом по пути объединения разделенной исторической области (между Болгарией, Югославией и Грецией) и формирования единой, в смысле охвата всей Македонии в ее географическом смысле, Македонской республики в составе федерации югославянских демократических республик, за что «македонский народ и наиболее передовая часть болгарского и югославского народов борется уже более полувека»²¹. Кроме того, подчеркивалось, что воссоединение вызвало бы активизацию национального движения в греческой части Македонии, что ускорило бы окончательное решение македонского вопроса. Прямым следствием описанного передела территорий стало бы и ослабление Греции, что соответствовало интересам Москвы, видевшей в Афинах наиболее значимого союзника Запада на Балканах²².

Урегулирование территориальных споров стало бы и вехой на пути к созданию болгарско-югославской федерации, приверженцами которой были почти все более-менее авторитетные

²⁰ АВР РФ. Ф. 06. Оп. 8д. П. 80. Д. 166. Л. 10. Письмо С.П. Кирсанова В.М. Молотову об урегулировании территориальных проблем между Болгарией и Югославией, восстановлении болгарской и югославской части Македонии, а также о заключении болгарско-югославского союза от 4.9.1946.

²¹ Там же.

²² Там же. Л. 11.

руководящие работники обеих компартий. Советы со своей стороны полагали, что решение территориальной проблемы не стоит откладывать до формирования федерации. Она, как подчеркивали советские дипломаты, «могла бы стать естественным результатом воистину союзнических отношений между Болгарией и Югославией. А эти отношения не могут считаться ни действительно союзническими, ни искренними, свободными от каких-либо подозрений, если на основе взаимного согласия не решены территориальные вопросы, в первую очередь македонский». Болгаро-югославская дорога к федерации проходила через воссоединение двух частей Македонии. Македонская народная республика, прирастающая болгарской Македонией, стала бы фактором не разделения, а объединения болгарского и югославского народов²³.

Одновременное подписание договоров о союзе и устранении территориальных противоречий считалось приоритетным и по той причине, что оно выбило бы козыри из рук противников болгарско-югославского альянса. Урегулирование полувекового спора, достигнутое в результате взаимного сближения позиций, несомненно, получило бы поддержку всех сторонников мира и мирного решения острых проблем. СССР исходил из того, что должен всемерно поддерживать заключение вышеописанных болгаро-югославских соглашений, так как они не только способствовали бы установлению мира, но и консолидировали и усилили как находящиеся под его влиянием два славянских государства, так и слабые неславянские балканские государства, в первую очередь Грецию. Одновременно такой ход событий означал бы начало и дипломатического наступления на Великобританию, и отпора славянских государств на Балканах «империалистическим претензиям Греции», которая, как представлялось, выступала в роли наиболее агрессивного сателлита Великобритании на Балканах²⁴.

Было принято считать, что подобное дипломатическое наступление встретило бы горячую поддержку со стороны Юго-

²³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8д. П. 80. Д. 166. Л. 12.

²⁴ Подробнее о британской политике в отношении Греции см.: *Смирнова Н.Д.* Греция в политике США и СССР 1945–1947 гг. Новые архивные документы // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 21–34.

славии, которая могла извлечь очевидную пользу как из территориального соглашения, так и из союзного договора с Болгарией. Однако с последней все было не так просто, так как в случае согласия на передачу македонских областей она теряла большую территорию, чем приобретала в результате присоединения «западных областей». Проблема усугублялась и неизжитым характером великобългарского шовинизма. Выход из подобных затруднений виделся в более внимательном подходе к проблеме, что подразумевало такое пограничное размежевание в «западных районах» и болгарской части Македонии, которое свело бы к минимуму разницу в размерах взаимных уступок и, вследствие этого, не дало бы разгореться протестным настроениям в Болгарии. Если бы, например, за восточную границу болгарской Македонии был принят горный массив Пирин-планина, то указанная разница значительно бы уменьшилась²⁵.

Выдвигая подобные предложения, СССР опирался на пользовавшуюся поддержкой большинства населения в Болгарии программу Отечественного фронта (от 17 сентября 1944 г.) — правящей болгарской межпартийной коалиции. Македонский вопрос в этой программе затрагивался в нескольких пунктах, подразумевавших: 1) самые близкие дружеские связи с новой Югославией и другими балканскими народами, смысл которых — окончательное и братское решение спорных вопросов; 2) окончательное решение македонского вопроса путем предоставления македонскому народу права на самоопределение.

В рамки внешнеполитической программы Отечественного фронта полностью укладывалось подписание договора о союзе и соглашения о территориальном разграничении между Югославией и Болгарией. Как уже было сказано, программа предусматривала окончательное урегулирование македонской проблемы. В ситуации существования в новой Югославии Македонской народной республики единственным, с точки зрения Москвы, вариантом оставалось присоединение к ней остальных частей Македонии. Ведь в результате формирования указанной республики уже

²⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8д. П. 80. Д. 166. Л. 13.

были заложены основы государственного и национального самоопределения большей части македонского народа. Десятый расширенный пленум Болгарской рабочей партии, состоявшийся в середине августа 1946 г., принял постановление по македонскому вопросу, суть которого соответствовала вышеизложенному: «Партия считает, что объединение всех частей Македонии должно осуществиться на основе Македонской народной республики в границах Федеративной народной республики Югославия»²⁶.

Пленум ЦК Болгарской рабочей партии проголосовал за присоединение болгарской части Македонии к Македонской народной республике. Основанием для этого должен был послужить договор о союзе между Болгарией и Югославией, также предусматривавший передачу первой так называемых западных областей. Наряду с этим пленум, имея в виду транспарентность границ между республиками ФНРЮ, предложил не устанавливать пограничный и таможенный контроль между Болгарией и увеличившейся за ее счет Македонской народной республикой. Это решение объяснялось интересами населения болгарской части Македонии, а также необходимостью укрепления экономических и культурных связей между Македонией (Югославией) и Болгарией. Вместе с союзным договором эти связи должны были заложить основу будущей болгаро-югославской федерации²⁷.

Возможная негативная реакция болгарских оппозиционных кругов вызывала у СССР беспокойство, которое усиливалось еще и в силу того, что болгарским коммунистам до сих пор не удалось установить в стране собственную идеологическую и политическую монополию. Советы исходили из того, что «болгарские реакционные силы, несомненно, станут сопротивляться территориальному соглашению и созданию союза с Югославией. Предтеча этих сил — так называемая Отечественно-фронтная оппозиция — обслуживающая американско-британские интересы на Балканах, уже выступила с собственным „планом“ решения македонского вопроса». В меморандуме, адресованном Совету министров иностранных

²⁶ Централен държавен архив. Ф. 16. Оп. 5. А.е.7. Л. 16-2. Решение на X разширен ЦК на БРП (по македонския въпрос).

²⁷ Там же.

дел²⁸ (далее — СМВД), эта оппозиция требовала создания автономной Македонии, сознательно не указывая, каким образом и в каком государстве надлежало этой автономии появиться. Подобный призыв, не сопровождаемый объяснением путей его исполнения, и ранее нередко озвучивался в качестве голословного политического лозунга. В условиях, когда большая часть Македонии уже обрела автономию в границах ФНРЮ, он рассматривался Москвой как реакционный и антиюгославский, нацеленный не на объединение, а на разобщение болгарского и югославского народов. Вышеприведенному лозунгу не хватало только этикетки «произведено в Лондоне»²⁹.

Тем не менее, в Москве полагали, что «значительное большинство народа и все прогрессивные элементы из прочих партий, участвовавших в Отечественном фронте, а также все, кто понимает, какой вред Болгарии наносят бесконечные препирательства с Югославией по македонскому вопросу, и кто желает создания южнославянской федерации, выступят за соглашение с Белградом и поддержат план решения македонского вопроса, предложенный Рабочей партией. Сторонники южнославянской федерации имеются даже на крайнем левом фланге Отечественного фронта, который сегодня в Болгарии находится у власти»³⁰.

Анализ внутривластной ситуации в Болгарии и Югославии позволял сделать вывод об отсутствии каких-либо противопоказаний для заключения союзного договора и территориального соглашения. В Москве считали, что негативное отношение англо-американцев к договорам не в состоянии повлиять на изменение советской позиции по данному вопросу. Что касается крупных осложнений с Вашингтоном и Лондоном, то болгаро-югославское сближение не могло стать их причиной, поэтому исключены

²⁸ Международный орган пяти великих держав (СССР, Китая, США, Англии и Франции), учрежденный Потсдамской конференцией (1945 г.) для проведения необходимой подготовительной работы по мирному урегулированию и для обсуждения других вопросов, которые по соглашению между участвующими в Совете правительствами могли время от времени передаваться Совету для согласования.

²⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8д. П. 80. Д. 166. Л. 14.

³⁰ Там же.

какие бы то ни было негативные последствия для СССР и его политики в регионе. Исходя из этого, советская дипломатия считала целесообразным: 1) заявить болгарам и югославам, что у советской стороны более не имеется возражений против заключения ими союзного договора и территориального соглашения. При условии что предварительные переговоры будут вестись в полной тайне, а договоры подписаны и опубликованы после завершения мирной конференции. Данное заявление следовало сделать сразу после выборов в Великое народное собрание в Болгарии; 2) поскольку Греция настаивала на рассмотрении в ходе мирной конференции ее территориальных претензий к Албании³¹, надлежит рекомендовать югославской делегации в выступлениях по данной проблеме поднять и македонский вопрос. Инициирование дискуссии о статусе греческой части Македонии и судьбе ее славянского населения следовало преподнести не в виде выдвижения территориальных контрпретензий в адрес Греции, а как простое напоминание о существовании по-прежнему не решенного македонского вопроса³². В своем выступлении югославы таким образом обратили бы внимание участников конференции и всей мировой общественности на политику террора и насильственной денационализации славянского населения Македонии, систематически осуществлявшуюся греческим правительством³³.

О статусе Македонии речь зашла и в ходе визита югославы в Москву в апреле 1947 г. Во время встречи Сталин задавал главе делегации Эдварду Карделю вопросы, желая составить более ясное представление об истории ее территорий, населении, существу-

³¹ В начале Парижской мирной конференции греческий премьер Цалдарис предложил главе югославской делегации Эдварду Карделю поделить Албанию. За согласие Цалдарис сулил Югославии большую часть Албании, а также поддержку со стороны Греции по многим важным внешнеполитическим вопросам. Кардель отверг предложение, заявив, что Югославия твердо намерена поддерживать суверенитет Албании (*Kardelj E. Sećanja. Beograd, 1980. S. 95–96*).

³² РГАСПИ. 17. Оп. 128. Д. 96. Л. 47–52. Доклад о пограничных проблемах Албании и Греции, а также о направлениях югославской и албанской внешней политики.

³³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8д. П. 80. Д. 166. Л. 15.

ющих проблемах и югославском подходе к ним. Когда речь зашла о будущем Македонии, югославские собеседники сказали Сталину, что в Югославии проживает около полутора миллионов македонцев. Они разговаривают на собственном языке, который до сих пор не стандартизован и на котором нет сколь-нибудь значительных литературных произведений, а имеются только народные песни. Кардель подчеркнул, что на македонском языке выходят газеты и журналы, а литературный язык, который находится в процессе формирования, представляет собой «нечто среднее между сербским и болгарским»³⁴. Сталин сказал, что, по его мнению, македонцы усвоили греческую культуру, на что Кардель ответил, что имеются признаки, подтверждающие данное предположение.

Кардель также сообщил советскому лидеру, что югославы намереваются подписать с болгарам союзнический договор, аналогичный тому, что у Белграда имелся с Тираной, однако только после ратификации мирного соглашения с Болгарией. Высокий гость проинформировал Сталина и о противоречиях с Софией относительно статуса македонского меньшинства в Болгарии. Югославский посол в Москве Владимир Попович подчеркнул, что разногласия вызваны тем, что болгары убрали из собственной конституции статью, описывающую положение македонцев³⁵. Сталин эти слова пропустил мимо ушей, а Молотов удостоил их лишь циничного комментария: «Болгары осторожно действуют». Такая реакция свидетельствовала о том, что Москва поддерживала политику «молчаливого» отрицания существования самостоятельной македонской нации³⁶.

Через несколько дней член югославской делегации на мирной конференции в Париже Моша Пияде в ходе обсуждения болгарско-греческого разграничения высказался о македонском вопросе с позиций, не совпадающих с мнением СССР. Выступление представителя руководства КПЮ и ФНРЮ отличалось эмоциональностью

³⁴ Советско-югославские отношения. Документы и материалы. Новосибирск, 2010. С. 151–158.

³⁵ АЖ. 836–КМЖ. I-3–b/639. Извештај В. Поповића о разговору са Сталином од 19.4.1947; Советско-югославские отношения. С. 151–158.

³⁶ Там же.

и содержанием, которые были мало уместны в обстановке важного международного форума. Участники заседания не ожидали услышать от высокопоставленного югославского государственного деятеля утверждение, что политику Греции с античных времен характеризуют колонизаторские устремления, которым остаются глубоко привержены и современные греческие политики. Пияде, отрицая, таким образом, греческие претензии в отношении Болгарии, пытался застолбить за югославской делегацией право внести в повестку дня вопрос будущего статуса Эгейской Македонии³⁷.

На самой Парижской мирной конференции македонская проблема обсуждалась лишь эпизодически. Советские представители, имея в виду начало гражданской войны в Греции, синхронизировали свои действия с процессом обсуждения греческой проблемы в ООН. При этом они пытались привлечь внимание мировой общественности к террору, который греческое правительство, по их утверждениям, осуществляло в отношении населения собственных македонских областей. В ответ Запад выдвигал обвинения во вмешательстве во внутренние дела Греции со стороны Албании, Болгарии и Югославии³⁸. Тем не менее, результат обсуждения македонского вопроса на Парижской конференции можно считать неоднозначным. В ходе ее работы были определены границы балканских государств, что хотя бы на время приглушило их взаимные территориальные претензии. Однако своеобразная пропагандистская война продолжалась вплоть до 1949 г., когда Югославия после конфликта с СССР и его сателлитами отсеклась от своих прежних союзников, приостановила помощь греческим партизанам и инициировала процесс нормализации отношений с правительством Греции и сближения с Западом³⁹.

Во время войны югославские коммунисты пытались завоевать командные позиции на Балканах. В этой связи Македония как традиционная арена столкновения интересов балканских стран

имела особое значение как для югославской, так и для греческой и болгарской сторон. Вышедший победителем из Второй мировой войны Советский Союз, идеологический покровитель коммунистических движений и государств, имевший особые интересы на Балканах, стремился сыграть ключевую роль в урегулировании македонского вопроса. Под давлением Москвы произошло смягчение югославской позиции, эволюционировавшей от радикального требования присоединения всей Македонии (посредством подписания договора о мире и дружбе с Болгарией) к принятию окончательного разграничения между Югославией, Грецией и Болгарией, в результате которого Македония оказалась разделенной между тремя государствами. Одновременно СССР проводил политику примирения с Болгарией как с членом восточного лагеря, в то время как к Греции — инструменту британской политики на Балканах — его отношение было куда более жестким. Окончательное урегулирование споров, связанных с проведением государственных границ, формально положило конец македонской проблеме по крайней мере в территориальном отношении. Однако участие Югославии в гражданской войне в Греции породило новое долговременное противоречие, приобретшее особое значение в ситуации начавшейся холодной войны. На протяжении второй половины XX в. македонский вопрос оставался яблоком раздора между Грецией и Югославией.

³⁷ *Xydis S. G. Greece and Great Powers 1944–1947. Thessaloniki, 1963. S. 328–331.*

³⁸ *Калинин А. А. На переднем рубеже холодной войны. С. 305–308, 411–412.*

³⁹ Там же. С. 506–509.

II

КОНФЛИКТ (1948–1956 гг.)

Глава 4

Советско-югославский конфликт и укрепление советского влияния в Албании (1948–1953 гг.)

Кризис в югославско-албанских отношениях на рубеже 1947–1948 гг. хронологически совпал с генезисом конфликта между СССР и Югославией. Югославское партийное руководство с самого начала увязывало свои отношения с Албанией с конфликтом с Советским Союзом. Особое значение для окончательного оформления позиции Югославии имело заседание Политбюро КПЮ 9 мая 1948 г. Наряду с решением дать отрицательный ответ на письмо ЦК ВКП(б) и отказаться от поездки делегации КПЮ в Бухарест на заседание Информбюро, рассматривался вопрос об отношениях с Албанией. Двусторонние контакты предстояло строить по-новому — на основе межгосударственного договора и связанных с ним двусторонних договоренностей, что окончательно положило бы конец прежней практике и в то же время защитило югославские вложения в эту страну¹.

В это время Политбюро ЦК ВКП(б) приступило к анализу реальных масштабов югославского экономического и культурного присутствия в Албании, по-видимому, понимая степень активности Югославии в этой стране, но одновременно и возможности изменения ситуации в Албании и ее нового сближения с Югославией. Советскими экспертами тщательно был изучен албанский пятилетний план и перспективы его реализации, состояние торговли

¹ Zapisnici sa sednica Politbiroa Centralnog komiteta KPJ (11. jun 1945 — 7. jul 1948) / Priredivač B. Petranović). Beograd, 1995. S. 248–250.

и промышленности, развитие культуры, образования и транспорта, а также деятельность совместных культурных обществ «Югославия — Албания» и «СССР — Албания»². Был сделан вывод, что югославские позиции в Албании очень сильные и хорошо укорененные, но что обстановка в Политбюро КПА сложная: часть его членов убеждена, что югославское влияние мешает развитию Албании, причем сторонники данной точки зрения составляют большинство в компартии Албании, они преданы Советскому Союзу и ВКП(б).

С начала возникновения советско-югославского конфликта Албания, хотя и не являлась участницей совещаний Коминформа, играла важную роль в отношениях между Югославией и странами восточного блока. Сам факт, что открытая фаза кризиса в отношениях Белграда и Москвы началась именно в связи с албанской политикой Югославии, придавала этой стране особое значение. Агрессивный тон антиюгославских заявлений албанской стороны, слепое подчинение Советскому Союзу, так же как и откровенно сформулированные территориальные претензии к Югославии, обозначили путь, которым пошло албанское руководство, и определили основной вектор его политики в отношении Югославии.

Албанские верхи не упускали случая, чтобы обвинить югославскую партийную элиту в троцкизме, предательстве социализма, согласии с опекой империалистов. В этих нападках особенно отличались Энвер Ходжа и член Политбюро АПТ Гого Нуши³. Наиболее крупным событием, которое албанская сторона использовала для агрессивной кампании против Югославии, стал Второй съезд молодежи, состоявшийся в Тиране в сентябре 1949 г. На съезде присутствовали и представители союзов молодежи других стран социалистического лагеря. Наряду с лидером албанской молодежи Рамизом Алией, который в уже привычных выражениях критиковал Югославию, особенно отличился китайский представитель, обвинивший КПЮ в «продаже интересов Югославии империалистическим колонизаторам». Его поддержали венгерский и болгарский

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 473. Л. 2–61.

³ ДАСМИП. ПА-1949. Ф. 1. 4129.

представители⁴. В дни празднования очередной годовщины Октябрьской революции в 1949 г. Мехмед Шеху сделал резкий выпад против югославского партийного руководства, назвав его «бандой фашистов и террористов и вражеской агентурой, которая действует вопреки интересам стран народной демократии и СССР»⁵.

Большое значение для югославно-албанских отношений имело начало судебного процесса над Кочи Дзодзе, обвиненного в измене родине и работе «на Югославию». Поскольку большая часть процесса проходила в закрытом режиме, югославская дипломатия собирала сведения о нем из вторых рук. Начало процесса знаменовалось полученным в результате применения физического воздействия признанием Дзодзе в том, что он действовал по приказам Светозара Вукмановича-Темпо, Велимира Стойничича, Йосипа Джердже и других югославских представителей в Албании с целью скомпрометировать ЦК КПА, лично Энвера Ходжу и подчинить Албанию Белграду. Устроители процесса пытались доказать вмешательство Югославии во внутренние дела Албании путем осуществления проекта Балканской федерации⁶. Албанские власти помимо намерения учинить суд над Дзодзе считали своей задачей осудить югославскую внешнюю политику, ее экономическое, государственное и общественное устройство, а также ее видных государственных и политических деятелей. Это неоднократно отмечалось в югославской печати⁷. Югославская дипломатия также констатировала, что целью этого судебного процесса являлась компрометация политики Югославии в Албании, разжигание ненависти к югославам у албанского народа. Кочи Дзодзе, как главный обвиняемый на процессе, был приговорен к расстрелу, а остальные подсудимые — Панди Христо, Васко Леци, Нури Хута и Васо Митролёрди — получили от пяти до 20 лет каторжных работ⁸. Им вменялись в вину прямые контакты с «югославскими троцкистами» с целью создания шпионской сети на территории

⁴ Там же. Ф. 1. 4132.

⁵ Там же. Ф. 1. 4139.

⁶ Там же. Ф. 1. 4657.

⁷ Борба. 1949. 6 VI.

⁸ ДАСМИП. ПА-1949. Ф. 1. 4119.

Албании, свержения власти в стране и установления югославских политических и экономических порядков⁹. Процесс по делу Дзодзе нанес серьезный удар по албанской политике Югославии. Вместе с этим албанское руководство действиями против Дзодзе пыталось также отвлечь внимание общества от тяжелых экономических проблем, с которыми Албания столкнулась в то время. Югославское правительство стремилось представить казнь Дзодзе как расправу Ходжи с той частью партии, которая не одобряла конфликт с Югославией и выступила против разрыва политических, экономических и культурных связей с ней¹⁰.

На страницах югославской печати этот судебный процесс приравнивался к расправам с противниками режима в нацистской Германии¹¹. В свою очередь, Ходжа регулярно информировал советского посланника в НРА Д.С. Чувахина о подготовке и ходе процесса и получал от него инструкции по его организации как политического действия для достижения «нужного» результата¹². Помимо Дзодзе летом 1949 г. был арестован и осужден как югославский шпион начальник разведывательного управления Генерального штаба Албании полковник Хамди Кепи. Его арест вызвал в вооруженных силах Албании серьезные волнения, которые в соответствии с советским инструктажем были быстро подавлены самыми жесткими мерами¹³.

В то время как албанское правительство активно занималось антиюгославской пропагандой, югославская сторона стремилась укрепить свои позиции в Албании путем обновления дипломатического аппарата. Хотя нового югославского посла, молодого и перспективного дипломата Якшу Петрича, прибывшего в Тирану 18 апреля 1949 г., ждал холодный прием, он сразу же приступил к исполнению своих обязанностей¹⁴. В соответствии с обще-

принятым дипломатическим протоколом он попросил о встрече с Энвером Ходжей, но, не получив в течение месяца ответа, отозвал свою просьбу¹⁵. Уже 7 мая Петрич имел весьма неприятную беседу в албанском МИД с помощником министра Мифти. Югославский дипломат резко протестовал против постоянной слежки за персоналом его дипмиссии со стороны албанской службы безопасности, а также против затягивания решения вопроса о репатриации югославских граждан. Он получил в ответ лишь общие отговорки и отрицание какой-либо слежки¹⁶. После вручения верительных грамот Петрич посетил с формальным протокольным визитом посланника Чувахина. В ходе краткой беседы он призвал к укреплению отношений между Югославией и СССР¹⁷, что соответствовало югославской политике сдерживания конфликта. 4 мая Чувахин с ответным визитом посетил Петрича, интересовался содержанием беседы югославского посла с албанскими политическими деятелями и пытался выведать истинную причину его миссии в Тиране. У Петрича сложилось впечатление, что советская сторона опасается изменения позиции албанского руководства по отношению к Югославии и возможного нового сближения двух стран¹⁸.

Разрыв отношений с Югославией больно ударил по албанской экономике, которая до этого почти полностью основывалась на кооперации с Югославией. Албанское правительство стремилось преодолеть сложившееся положение развитием экономического сотрудничества с другими странами народной демократии. Поэтому оно выразило желание присоединиться к только что созданному Совету экономической взаимопомощи (СЭВ), направив 8 февраля письмо правительству Советского Союза с заявлением, что Албания «твердо стоит на антиимпериалистических позициях и стремится противостоять иностранному экономическому давлению», прямо намекая на свою предшествующую экономическую

⁹ ДАСМИП. ПА-1949. Ф. 1. 4119.

¹⁰ АЈ. 507/IX, I/1–258.

¹¹ Борба. 1949. 16 V.

¹² Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. Т. 2. 1949–1953. С. 120–123.

¹³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1123. Л. 13–14.

¹⁴ ДАСМИП. ПА-1949. Ф. 2. 42148.

¹⁵ Там же. Ф. 2. 42154.

¹⁶ Там же. Ф. 2. 42356.

¹⁷ Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953 гг.: в 2 т. М., 2002. Т. 2. 1949–1953. С. 91–94.

¹⁸ ДАСМИП. ПА-1949. Ф. 2. 42359.

привязанность к Югославии¹⁹. Чувахин уже 21 февраля 1949 г. официально оповестил албанское правительство о решении учредителей СЭВ принять Албанию в эту организацию на правах ее полноправного члена. Албанская сторона широко освещала это событие²⁰. 10 марта 1949 г. Ходжа обсудил с Чувахиным возможные направления деятельности Албании в СЭВ и получил совет налаживать всестороннее экономическое и политическое сотрудничество со странами-участницами²¹.

В середине 1949 г. Ходжа провозгласил новый курс албанской экономической политики. Обвиняя Югославию в тяжелом экономическом положении Албании, Ходжа выдвинул перспективный план преодоления трудностей на основе развития договорного сотрудничества с Советским Союзом и странами народной демократии, причем СССР должен был взять на себя большую часть помощи НРА, а остальные социалистические страны — поставлять ей продукты сельского хозяйства и товары легкой промышленности²². Албанский руководитель сообщил о начале строительства нефтепроводов и нефтеперерабатывающих предприятий, текстильных фабрик и сахарных заводов. Договоренность об этом была достигнута еще во время его визита в Москву в 1947 г., но реализация проектов запаздывала²³. Албанская сторона постоянно обвиняла власти ФНРЮ в проведении колонизаторской политики, настаивая на увеличении площадей, отводимых под технические культуры, несмотря на то что и сами югославы расширяли посевы технических культур²⁴. Для того чтобы увеличить производство таких культур, на протяжении 1949–1950 гг. в Албании работали несколько групп советских специалистов, однако их усилия по модернизации сельского хозяйства не дали значительного результа-

¹⁹ Советский фактор в Восточной Европе. Т. 2. С. 35–36.

²⁰ ДАСМИП. ПА-1949. Ф. 2. 41229.

²¹ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг.: в 2 т. / отв. ред. Г.П. Мурашко. М.; Новосибирск, 1998. Т. 2. 1949–1953 гг. С. 31–35.

²² ДАСМИП. ПА-1949. Ф. 2. 41103.

²³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1123. Л. 20–45.

²⁴ AJ. 507/IX. II /1–154.

та²⁵. Несмотря на постоянную советскую помощь, сами албанцы не прилагали должных усилий для реализации намеченных планов и рекомендаций. Энвер Ходжа в беседе с представителем ВКП(б) в Тиране В.А. Кареткиным 27 декабря 1951 г. в очередной раз попросил увеличить советскую экономическую помощь Албании. В ответ Кареткин жестко изложил позицию Москвы: СССР готов помочь, но и албанцы, со своей стороны, должны потрудиться и создать условия для собственного экономического роста²⁶. Тем не менее, албанский хозяйственный план на 1953 г. основывался на значительной советской экономической помощи²⁷.

Первое серьезное экономическое соглашение со странами народной демократии после прекращения отношений с Югославией Албания заключила в январе 1949 г. с Польшей. Контракт объемом в 4 млн долларов предусматривал, что НРА будет импортировать оборудование для железных дорог, морские суда, текстиль, продукты металлургической промышленности, электротехнические товары, а отправлять на экспорт медь, пирит, хлопок, бензин и табак²⁸. Однако экономическое сотрудничество с Польшей не дало ожидаемых результатов. Ситуация вызвала необходимость для Тираны в конце года направить в Варшаву новую экономическую делегацию для решения назревших вопросов²⁹. Албанское правительство продолжало политику укрепления экономических связей и с остальными странами народной демократии, рассчитывая с их помощью преодолеть тяжелые последствия разрыва с Югославией. 12 марта 1949 г. в Праге Тук Якова подписал с Чехословакией торговый договор на сумму 3 млн 350 тыс. долларов. Договор предусматривал, что Албания получит часть чехословацких товаров в кредит (транспортные средства, оборудование для горнодобывающей промышленности, товары широкого потребления), а взамен будет поставлять древесину, руду и лекарственные травы³⁰.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1123. Л. 132–150.

²⁶ Там же. Д. 1124. Л. 54–57.

²⁷ РГАНИ Ф. 5. Оп. 17. Д. 14. Л. 1–54.

²⁸ ДАСМИП. ПА-1949. Ф. 2. 41229.

²⁹ Там же. Ф. 2. 41298.

³⁰ Narodni Archiv (далее — NA—Praha). 1537. F. 23. Aj. 23. L. 3.

Для осуществления достигнутой договоренности и укрепления экономических связей в Тирану 20 ноября прибыла специальная делегация из Чехословакии³¹. Аналогичное соглашение на сумму в 1 млн 700 тыс. долларов было подписано с Венгрией в Будапеште 14 марта. Оно предусматривало импорт в Албанию механизмов, запасных частей, предметов потребления и экспорт из НРА битума³². В начале 1950 г. были заключены торговые соглашения с Болгарией³³ и Венгрией³⁴. Болгария, кроме того, направила в Албанию большое число специалистов, а также инструкторов для оказания помощи становлению албанской военной авиации и обучению ее кадров³⁵. С Румынией деловые отношения устанавливались труднее и медленнее. 14 февраля 1950 г. в Тиране был подписан договор о культурном сотрудничестве, который подразумевал укрепление связей и контактов между двумя странами в области культуры, просвещения и науки³⁶. В конце того же месяца в Бухаресте было подписано и экономическое соглашение между двумя странами, в соответствии с которым НРА обязалась поставлять цитрусовые и минеральное сырье, а Румыния — зерно, продукцию нефтехимической и химической промышленности³⁷.

Однако весьма амбициозные программы экономического сотрудничества между Албанией и странами народной демократии не могли дать ожидаемых результатов. Прежде всего, их основную цель — преодоление тяжелой экономической ситуации в Албании, сложившейся после разрыва экономических связей с Югославией, и помощь развитию албанской экономики — было невозможно осуществить из-за изолированности албанской территории от стран народной демократии, слабого экономического развития последних (за исключением Чехословакии) и крайне скромных возможностей Албании в экономическом обмене с этими страна-

³¹ ДАСМИП. ПА-1949. Ф. 2. 41230.

³² Там же. Ф. 2. 45327.

³³ Там же. Ф. 2. 42853.

³⁴ Там же. Ф. 2. 42859.

³⁵ АЖ. 507/IX. II /1–178.

³⁶ ДАСМИП. ПА-1953. Ф. 67. 41539.

³⁷ Там же.

ми. Географическое положение Албании, особенности рельефа ее территории, состояние экономики обуславливали первостепенную важность экономического и транспортного сотрудничества, прежде всего с Югославией, и развитие хозяйственных связей с Советским Союзом и странами социалистического лагеря ни в коей мере не могло полностью компенсировать потерю Албанией экономического партнера в лице Югославии.

Заметим, что укрепление экономического сотрудничества со странами народной демократии сопровождалось укреплением и политических отношений. В марте 1949 г. в Албанию прибыл венгерский посол Ленард Зори³⁸, а 17 июня — чехословацкий посол Урбан³⁹. Важным шагом было и подписание соглашения между Болгарией и Албанией о сотрудничестве между этими странами в области социальной политики и медицинской помощи, которое было подписано в Тиране в октябре 1949 г.⁴⁰ Особое значение для Албании имело проявление солидарности со стороны Китая. Телеграмму Мао Цзэдуна в поддержку Ходжи и албанского народа в борьбе против «империализма и реакционного блока Тито»⁴¹ албанское правительство впоследствии долго эксплуатировало в пропагандистских целях⁴². Одним из результатов следования курсу советской внешней политики по укреплению связей с Китаем было установление дипломатических отношений между Албанией и КНР 19 ноября 1949 г.⁴³ В декабре 1949 г. Албания установила дипломатические отношения и с ГДР⁴⁴.

Ограничение сотрудничества с Югославией Албания стремилась компенсировать дальнейшим развитием отношений с СССР. В рамках мер по усилению советского влияния в странах народной демократии Москва планировала постоянный обмен культурными, образовательными, профсоюзными, кооперативными,

³⁸ Там же. ПА-1949. Ф. 1. 4214.

³⁹ Там же. Ф. 1. 41224.

⁴⁰ Там же. Ф. 1. 41251.

⁴¹ Там же. Ф. 1. 41252.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. Ф. 1. 41258.

⁴⁴ Там же. Ф. 1. 41260.

молодежными делегациями, открытие домов советской культуры⁴⁵. С этой целью осенью 1949 г. в Москву на празднование годовщины Октябрьской революции была направлена специальная делегация, а Неджмие Ходжа, как председатель Союза албанских женщин, участвовала в Москве в заседании комитета МДФЖ⁴⁶. Весной 1950 г. последовал ряд визитов албанских партийных и профсоюзных организаций в Советский Союз⁴⁷, а советская делегация присутствовала на торжествах в честь 1 Мая в Тиране⁴⁸. Стремление укрепить отношения с Советским Союзом выражалось и другим образом. Осенью 1949 г. Энвер Ходжа просил Сталина дать согласие на прием албанских партийных кадров на учебу и разрешить пребывание постоянного албанского партийного представителя в Москве⁴⁹. Москва очень быстро дала положительный ответ, и руководство АПТ направило в советскую столицу своего официального представителя, что способствовало укреплению межпартийных связей. Советское присутствие в Албании упрочилось и в культурном плане. Весной 1949 г. в Албанию приехала группа советских кинематографистов, которая должна была заложить основы албанской национальной кинематографии и помочь созданию сети кинотеатров в этой стране⁵⁰. В течение следующего года в Албанию было направлено несколько групп специалистов с задачей помочь развитию различных видов драматического и изобразительного искусства в Албании⁵¹. Страну посетили и ведущие советские скульпторы, которым было поручено подготовить предложения о развитии монументальной пропаганды, в частности об открытии памятников в Тиране⁵². Стремясь развивать отношения с Советским Союзом, а также консолидировать различные слои общества и укрепить собственную власть, албанское руковод-

⁴⁵ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 2. С. 41–43.

⁴⁶ ДАСМИП. ПА-1949 Ф. 1. 41256.

⁴⁷ РГАСПИ Ф. 82. Оп. 2. Д. 1123. Л. 92–105.

⁴⁸ Там же. Л. 5.

⁴⁹ Там же. Л. 17–19.

⁵⁰ Там же. Л. 10–12.

⁵¹ Там же. Л. 111–125.

⁵² Там же. Л. 60–63.

ство вопреки устоявшимся идеологическим нормам обратилось к Сталину с просьбой разрешить посещение СССР делегацией Исламской религиозной общины Албании. При этом оно опиралось на позитивный опыт, связанный с пребыванием в СССР представителей албанской православной церкви в 1948 г. Сталин дал согласие, и летом 1949 г. делегация Исламской религиозной общины посетила ряд районов Советского Союза, где проживало мусульманское население⁵³.

Отсутствие всесторонней югославской помощи ощущалось и в необходимости привлечения советских инструкторов в тех областях, в которых прежде работали югославские советники и инструкторы. Начиная с 1949 г. албанская сторона неоднократно обращалась в Москву с просьбами прислать специалистов. Особенно нуждались в них строительная отрасль, силовые структуры и система государственного управления. Уже в апреле 1949 г. поступила просьба о направлении двух советских специалистов для организации работы милиции и прокуратуры⁵⁴. С согласия министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова Политбюро ЦК ВКП(б) решило пойти навстречу албанской стороне. В апреле 1951 г. в Албанию были направлены пять советников по линии государственной безопасности (контрразведка, следственная практика, криминалистика, охрана границ, милиция). Такая же помощь была необходима и в области судопроизводства. Энвер Ходжа 7 сентября 1951 г. просил Москву о командировании в Албанию двух советников по юридическим вопросам сроком на два года каждого, а также о принятии на стажировку двух албанских сотрудников. Албанский лидер объяснил необходимость советской помощи низким уровнем подготовки собственных кадров: большинство служащих в правоохранительной системе имели среднее или неполное среднее образование. Эта просьба была удовлетворена⁵⁵.

⁵³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1123. Л. 64–67.

⁵⁴ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории. М., 2008. С. 288.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1123. Л. 148.

Центральный аппарат ВКП(б) стремился как можно шире знакомить советскую общественность с албанской действительностью. Несмотря на интенсивное военное, политическое и экономическое сотрудничество с СССР, советские люди практически ничего не знали об Албании. С целью «знакомства» была опубликована книга побывавшего в Тиране сотрудника внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) П. И. Манчхи⁵⁶, который в откровенно пропагандистском стиле и в соответствии с потребностями и целями советской политики в Албании описал экономическое и политическое положение в этой стране, обвинив Югославию в проведении якобы империалистической политики в ее отношении и попытках ее полного подчинения. При этом автор умалчивал о югославской помощи албанцам во время войны и после ее окончания. Книга, изобиловавшая идеологическими штампами и откровенными измышлениями, оставалась своеобразным советским справочником по Албании вплоть до начала десталинизации, нормализации отношений с Югославией и последующего конфликта между Советским Союзом и Албанией.

Новая волна советско-албанского сотрудничества пришлась на 1953 г. В марте — апреле в Тиране находилась делегация советской молодежи, которая помимо ознакомления с деятельностью албанского комсомола имела важное задание содействовать укреплению его первичных организаций⁵⁷. По итогам этой поездки осенью 1953 г. десять албанских комсомольцев были направлены на учебу в Советский Союз⁵⁸. В этом же году Москву посетила делегация албанских рабочих, которой предстояло ознакомиться с работой профсоюзных организаций и впоследствии применить советский опыт у себя в стране⁵⁹. Одновременно активизировалась работа и в сфере культурного сотрудничества⁶⁰. Советские специалисты участвовали в разработке плана реорганизации системы местного управления в Албании, созданной до этого по югославскому образцу⁶¹.

⁵⁶ Манчха П. Албания на пути к социализму. М., 1951.

⁵⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 14. Л. 141–144.

⁵⁸ Там же. Л. 157–162.

⁵⁹ Там же. Л. 145–146.

⁶⁰ Там же. Л. 163–167.

⁶¹ Там же. Л. 169–172.

Одновременно была предпринята попытка преодолеть изоляцию Албании в ООН. Энвер Ходжа в чрезвычайно учтивых выражениях, что вообще-то было несвойственно его поведению в дипломатии, попросил Генерального секретаря ООН Трюгве Ли разрешить Албании, не являющейся ее членом, иметь своего постоянного наблюдателя⁶².

В рамках укрепления связей с СССР Ходжа в марте — апреле 1949 г. посетил Советский Союз. В правительственную делегацию входили также министры торговли, промышленности и строительства⁶³. В Москве 22 марта Ходжу принял А. Я. Вышинский. Во время беседы Ходжа, рассказав о целях визита, описал тяжелое экономическое положение Албании, представив его как следствие пагубного югославского влияния в предшествующий период. Касаясь внешнеполитической сферы, албанский руководитель жаловался на постоянно ухудшающиеся отношения с Югославией и Грецией. Он обвинил югославскую сторону в пограничных инцидентах, переброске в Албанию диверсантов и шпионов, ведении активной антиалбанской пропаганды. Ходжа просил совета относительно установления дипломатических отношений с Италией, так как, по его словам, между Тираной и Римом якобы существовал ряд нерешенных вопросов. Вышинский ушел от ответа, отложив временно рассмотрение этого вопроса⁶⁴. На следующий день, 23 марта, Ходжу принял в Кремле Сталин. В самом начале переговоров албанский гость поблагодарил Сталина за резолюцию Коминформа, спасшую, по его словам, Албанию от неминуемой катастрофы. На вопрос Сталина, в чем заключалась бы эта катастрофа, Ходжа ответил, что югославская политика была направлена против всего социалистического лагеря и особенно против Советского Союза и Албании. Он обвинил Югославию в подрывной деятельности, проводимой непосредственно в Албании, в инициировании раскола в руководстве АПТ, попытке проводить колонизаторскую политику⁶⁵. Ходжа смиренно признал «ошибки» албанской партии,

⁶² ДАСМИП. ПА-1949. Ф. 2. 4293.

⁶³ Там же. Ф. 1. 42113.

⁶⁴ Советский фактор в Восточной Европе. Т. 2. С. 61–63.

⁶⁵ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 2. С. 44–58.

которая вовремя не заметила опасные тенденции, и взял на себя ответственность за это.

Вновь обсуждался вопрос о югославском военном присутствии в Албании. Собеседники признали, что советская сторона не была информирована о намерении Югославии ввести свой воинский контингент, а албанцы были уверены, что позиция Югославии была согласована с Москвой⁶⁶. Обе стороны выразили убеждение, что Югославия не собиралась защищать границы НРА, а рассчитывала дестабилизировать ситуацию в стране. Затем Ходжа информировал советского вождя о ходе борьбы албанского руководства за устранение югославского политического и экономического влияния в стране, об арестах «югославских приспешников» и о тяжелой экономической ситуации в Албании. Он выразил озабоченность в связи с пограничными инцидентами, утверждая, что югославская сторона засылает в Албанию террористов. Албанский гость всячески старался создать у советской стороны впечатление, что его стране угрожает вооруженная агрессия со стороны Югославии⁶⁷. Сталин, однако, эти опасения не разделял, подчеркнув, что угрозы для национальной безопасности Албании нет, поскольку она гарантирована декларациями великих держав еще со времени Второй мировой войны⁶⁸. Касаясь ситуации в Греции, Ходжа настаивал, что существует угроза и греческой агрессии против Албании. Сталин это отрицал, советуя Ходже сократить помощь греческой демократической армии и свести контакты с ней к минимуму. Кроме этого, Сталин обещал Албании значительную экономическую помощь⁶⁹. Несмотря на совет албанской стороне сократить помощь греческим партизанам, советское руководство считало целесообразным продолжить работу на территории Албании радиостанции Захариадиса. Таким образом, в Москве стремились косвенным образом и дальше поддерживать конфликт, хотя давно уже отказались от широкомасштабных действий⁷⁰.

⁶⁶ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 2. С. 44–58.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ РГАСПИ Ф. 82. Оп. 2. Д. 1123. Л. 58.

25 апреля 1949 г. посланник Д. С. Чувахин передал Ходже советские рекомендации по пограничным вопросам. Был дан совет полностью закрыть границу с Грецией, укрепить наиболее уязвимые участки на границе с Югославией (Поградец, Кукс, Тропоя, Пешкопоя) направить в эти районы дополнительные военные формирования. Уже на следующий день, согласившись с «мнением Москвы», Политбюро АПТ приняло окончательное решение об укреплении границ с Югославией и отправке дополнительных военных частей на границу. Ходжа поспешил проинформировать Чувахина об усилении контроля за положением на границе с Югославией⁷¹. 1 мая 1949 г. албанское правительство закрыло границу с Грецией, перестав оказывать помощь греческим партизанам. Этот факт важен, поскольку подтверждает прекращение поддержки советской стороной греческого партизанского движения.

Сообщая своему окружению об итогах визита в Москву, Ходжа заявил, что добился огромной советской экономической помощи и льготных кредитов⁷². Со своей стороны, Москва старалась точнее оценить потенциал албанской экономики в целях ее более быстрого развития при использовании собственных природных ресурсов. С этой целью был подготовлен и издан специальный справочник, содержавший экономико-географическую характеристику Албании⁷³. Вместе с тем советская сторона постепенно слагала с себя обязательства оказания постоянной помощи своему бедному и слабо развитому союзнику.

Непосредственным результатом переговоров в Москве стал тот факт, что в рамках помощи вооруженным силам НРА Советский Союз взял на себя 50 % всех расходов на их содержание. Кроме того, в Албанию были направлены инструкторы по ведению разведки и организации службы мобилизации, политической работе, организации милиции и шифровальной службы. В мае 1949 г. для специального обучения в Советский Союз было направлено 20 офицеров албанской госбезопасности⁷⁴.

⁷¹ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 2. С. 83–85.

⁷² ДАСМИП. ПА-1949. Ф. 1. 41222.

⁷³ Силаев Е. Д. Албания: экономическо-географическая характеристика. М., 1953.

⁷⁴ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 2. С. 83–85.

Югославское информационное агентство ТАНЮГ в сентябре 1950 г. опубликовало материал о том, что в Албании находятся более 480 советских военных специалистов⁷⁵. По совету советского правительства албанская сторона немедленно опровергла эту информацию. В то время в албанской армии находился 21 советский военный советник⁷⁶.

Для реализации договоренностей с СССР 30 ноября 1949 г. из Тираны в Москву отправилась албанская экономическая делегация, задачей которой было добиться увеличения советской помощи⁷⁷. На прием для иностранных дипломатов в Москве, который был организован по случаю этого визита, не были приглашены только послы ФНРЮ и Франции. Албанская сторона явно не была удовлетворена исходом прошедших переговоров. Впервые после публикации резолюции совещания Коминформа в Бухаресте Ходжа в публичных выступлениях не нападал на Югославию. Это бросилось в глаза советским дипломатам, и они старались получить достоверную информацию о том, не готовятся ли изменения в отношениях Тираны и Белграда⁷⁸.

Однако вскоре, излагая основы двухлетнего хозяйственного плана на 1949–1950 гг., Ходжа с трибуны парламента уже яростно критиковал Югославию. Одновременно он четко определил основные направления экономического развития Албании, реализовывать которые предполагалось, полностью опираясь на Советский Союз и страны народной демократии⁷⁹.

Тяжелая экономическая ситуация, запаздывание обещанной советской экономической помощи, состояние конфликта в отношениях с Белградом, напряженность на границах с ФНРЮ и Грецией заставили Ходжу вновь поставить вопрос о визите в Москву. 17 января 1950 г. посланник Чувахин, горячо поддержав это намерение албанского лидера, просил Политбюро ЦК ВКП(б) принять Ходжу как можно раньше⁸⁰. После долгого размышления Моло-

тов дал согласие на визит Ходжи в июле — августе 1950 г. Приехав в июле 1950 г. в СССР, Ходжа официально обратился к Молотову с просьбой об оказании в срочном порядке экономической помощи Албании со стороны СССР, а также о содействии в развитии сельскохозяйственных кооперативов⁸¹. Он не упустил возможности вновь обвинить Югославию в тяжелой экономической ситуации в своей стране. По его словам, югославские представители в Албании якобы целенаправленно разрушали ее экономику⁸². В ходе беседы Ходжи и Тук Яковы с Молотовым 5 августа 1950 г. албанский лидер старался убедить собеседника, что их стране угрожает опасность вооруженной агрессии со стороны Югославии. Молотов, однако, сразу же выразил несогласие с такой перспективой, заявив, что Югославия переживает серьезные внутренние трудности и не имеет сил для вооруженной агрессии⁸³. Очередная попытка албанского лидера получить под предлогом югославской угрозы дополнительную экономическую и военную помощь не удалась.

Вопрос о военной помощи Албании Энвер Ходжа вновь поднял во время посещения Советского Союза весной 1951 г. Второго апреля он говорил об этом со Сталиным в Кремле, снова мотивируя свою просьбу угрозой со стороны Югославии, Греции и Италии⁸⁴. Выслушав пространную речь Ходжи, Сталин заметил, что не верит в такое развитие событий, но все же пообещал жаловавшемуся на нехватку танков и самолетов албанскому лидеру серьезную советскую военную помощь, в том числе и прислать советских военных советников и инструкторов для улучшения организации системы безопасности, общего обучения и преподавания в вооруженных силах Албании⁸⁵. В связи с этим правительству НРА был одобрен специальный кредит на закупку вооружения и военной техники в СССР в размере 142 млн руб., которые Албания обязалась погасить в течение десяти лет — две трети в виде платежей

⁷⁵ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 2. С. 424.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ ДАСМИП. ПА-1949. Ф. 2. 41239.

⁷⁸ Там же. Ф. 1. 4195.

⁷⁹ ДАСМИП. ПА-1949. Ф. 1. 4078.

⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1124. Л. 17–18.

⁸¹ Там же. Д. 1123. Л. 91.

⁸² Там же. Л. 29–30.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Калинин А. А. На переднем рубеже холодной войны. С. 464–466.

⁸⁵ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 2. С. 525–527.

по кредиту, а треть в форме товарообмена с Советским Союзом⁸⁶. Москву, по всей видимости, раздражали постоянные жалобы албанцев, их требования казались чрезмерными, поэтому советское правительство направило в Албанию значительно меньше советников, чем просило албанское правительство⁸⁷.

В ходе тотальной советизации албанского государственного аппарата были проведены проверки органами госбезопасности многих видных албанских деятелей, которые заняли посты по совету югославских представителей в НРА или по характеру своей работы были с ними связаны. В поле зрения силовых структур попали и те албанские граждане, которые находились на учебе или повышении квалификации в ФНРЮ до «югославской резолюции» совещания Коминформа в Бухаресте в июне 1948 г. Особенно строгую проверку органами советской и албанской госбезопасности прошел начальник Генерального штаба вооруженных сил НРА генерал Бекир Балуку⁸⁸. В советской справке в связи с этим особо подчеркивалось, что югославы поддержали его назначение на пост начальника Генштаба в декабре 1947 г. и якобы хотели использовать для достижения своих целей, но Балуку «вовремя поддержал советскую линию и работал в тесном контакте с советскими инструкторами в Албании»⁸⁹. Несмотря на то что подозрение с генерала не было снято, он остался на посту и в публичных выступлениях выдвигал обвинения в адрес Югославии, осуждал ее политику в Албании до 1948 г. и накануне конфликта с Советским Союзом и странами народной демократии.

Столкнувшись с враждебными проявлениями албанской стороны, югославское правительство в ноябре 1949 г. решило разорвать Договор о дружбе и сотрудничестве 1946 г., который последнее полтора года оставался в силе, хотя и формально, в качестве главного международного соглашения. Официальный Белград, денонсировав договор, заявил, что Албания ведет себя крайне

провокационно в отношении Югославии, нарушает основные положения договора, подчиняет свои национальные интересы интересам СССР и других стран советского лагеря в борьбе против Югославии и тем самым ставит себя в тяжелое экономическое и международное положение. Правительство НРА было обвинено в том, что оно использует в своих интересах отдельные статьи договора и при этом плетет интриги против ФНРЮ, в то время как югославская сторона, даже прекращая действие договора, не останется равнодушной, если Албании будут угрожать извне⁹⁰. Нота о денонсации Договора о дружбе и сотрудничестве была передана албанской стороне 12 ноября 1949 г.⁹¹, а 22 ноября в ответной ноте правительство НРА опровергло претензии Белграда и обрушило на Югославию и ее государственное и партийное руководство лавину обвинений в привычных уже пропагандистских выражениях⁹².

Одновременно албанские партийные лидеры стремились оправдать проводимую антиюгославскую политику своей ролью оплота народной демократии в тылу Югославии и Греции. 19 октября 1949 г., на третьем пленуме АПТ Мехмед Шеху обвинил югославов в попытке свержения власти в Албании, в помощи реакции, вооруженных провокациях, заброске групп диверсантов и шпионов, в дипломатическом шантаже и сотрудничестве с западными странами⁹³.

Кампанию против Югославии, которую вели СССР и его сателлиты, включая Албанию, правительство ФНРЮ воспринимало как прямую угрозу независимости и суверенитету страны. Поэтому оно решило пойти на интернационализацию конфликта, представив его на обсуждение в ООН в сентябре 1949 г.⁹⁴ Албанская сторона использовала это югославское намерение для разветывания нового пропагандистского наступления, заявляя, что,

⁹⁰ ДАСМИП. ПА-1949. Ф. 1. 41115.

⁹¹ Там же. Ф. 1. 41116.

⁹² Там же. Ф. 1. 41174.

⁹³ AJ. 507/IX. I/1–252.

⁹⁴ Коматина М. Енвер Хоца и югословенско-албански односи. Београд, 1995. С. 94.

⁸⁶ Быстрова И. В. Военно-промышленный комплекс СССР на международной арене // Отечественная история. 2006. № 2. С. 58.

⁸⁷ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 2. С. 525–527.

⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1123. Л. 126–132.

⁸⁹ Там же.

апеллируя к ООН, Югославия якобы публично признала свое «вхождение в империалистический блок»⁹⁵.

Начало 1950 г. ознаменовало новую фазу в конфликте между Югославией и Албанией. В Тиране усилилась слежка за югославскими дипломатами, были введены дальнейшие ограничения на их передвижение. Одновременно возникли большие проблемы с албанскими дипломатами в Белграде. Они своими действиями провоцировали югославские органы безопасности и распространяли пропагандистские материалы среди албанцев в Югославии. По этой причине югославская сторона была вынуждена ограничить передвижение дипломатов посольства НРА в Белграде только югославской столицей и ее окрестностями. Считая условия для работы югославской дипломатической миссии в Тиране невозможными из-за постоянной слежки за персоналом посольства, вручения оскорбительных дипломатических нот и возвращения югославских дипломатических нот без всякого объяснения, югославское руководство приняло решение временно закрыть свое диппредставительство в Тиране⁹⁶. В дальнейшем контакты с властями Албании велись через посольство ФНРЮ в Венгрии⁹⁷. Албанский представитель в Белграде М. Шеху просил совета в посольстве СССР по вопросу дальнейшей работы дипломатической миссии НРА в ФНРЮ. Он сообщил, что в МИД Югославии ему посоветовали, чтобы члены возглавляемой им миссии покинули Белград. При этом было заявлено, что временное закрытие миссии югославская сторона не считает разрывом дипломатических отношений между НРА и ФНРЮ⁹⁸. Шеху просил советское посольство в случае отъезда албанских дипломатов взять к себе секретный архив миссии НРА в Белграде. Собеседник Шеху — советник советского посольства В.С. Семенов — не мог дать определенного ответа без консультаций в МИД СССР. 22 ноября албанская миссия в Белграде была закрыта⁹⁹.

⁹⁵ AJ. 507/IX. I/1–251.

⁹⁶ Коматина М. Енвер Хоџа и југословенско-албански односи... С. 94.

⁹⁷ ДАСМИП. ПА. 1950. Ф. 1. 421344.

⁹⁸ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 2. С. 360.

⁹⁹ Коматина М. Енвер Хоџа... С. 94.

Во вступительном слове Энвера Ходжи на Втором съезде АПТ (с 31 марта по 7 апреля 1952 г.) докладчик не удержался от резких выпадов в адрес Югославии и лидеров КПЮ, назвав их палачами, агентами империализма, бандитами и фашистами¹⁰⁰. Советская сторона пристально следила за ходом съезда АПТ и в отчете констатировала, что албанское партийное руководство отличает агрессивный тон по отношению к Югославии и что обвинения в адрес Югославии часто характеризует предвзятость и представление ситуации хуже, чем она есть на самом деле. По этим причинам албанскому руководству было сделано внушение впредь быть осторожнее в выступлениях, затрагивающих Югославию и ее лидеров¹⁰¹. Со временем и постепенно, в связи со смягчением советского курса в отношении Югославии агрессивная риторика албанских лидеров теряла остроту, но без каких-либо признаков того, что в ближайшее время можно будет прийти к нормализации отношений между двумя недавними близкими союзниками.

Особую проблему в отношениях между Тираной и Белградом представляла албанская политическая эмиграция в Югославии. В начале 1951 г. там насчитывалось 2195 эмигрантов (428 в Черногории, 1240 в Сербии и 527 в Македонии). Югославские власти надеялись использовать их для развертывания широкой пропагандистской кампании против Албании. Была создана эмигрантская организация, которая с середины 1951 г. выпускала свою газету «Застава слободе» для распространения в Албании в целях содействия сопротивлению режиму Энвера Ходжи. Кроме того Душан Мугоша предлагал сформировать из албанских эмигрантов вооруженные отряды, которые, пройдя специальную подготовку, в нужный момент могли быть использованы в Албании. По его мнению, это имело бы значение не только с политической и военной точек зрения, но и как мобилизующий фактор для недовольных режимом албанцев¹⁰². Предложение Мугоши не приняли. Было решено, что такой шаг даст повод албанской пропаганде обвинять югославскую сторону в агрессивных намерениях.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1123. Л. 57–72.

¹⁰² AJ. 507/IX. I/1–258.

Под влиянием албанской пропаганды и слухов, что Югославия, принимая албанских эмигрантов, стала сборным пунктом криминальных элементов и военных преступников, югославские власти перешли к жестким и жестоким ответным мерам, расстреляв значительное число албанских эмигрантов. Позднее было доказано, что многие из них были весьма уважаемыми людьми и пострадали безвинно. Югославская сторона делала попытки возвратить перебежчиков в Албанию, но ее власти отказались их принять¹⁰³. Из-за отсутствия необходимых источников для изучения невозможно с уверенностью утверждать, что югославские власти использовали албанских эмигрантов для переброски на албанскую территорию с задачами подрывной деятельности. Албанские документы свидетельствуют, что в последние месяцы 1951 г. силами безопасности НРА было выявлено, задержано или ликвидировано 30 диверсантов, которые были заброшены с югославской территории. Согласно утверждениям Албанского телеграфного агентства, речь шла об эмигрантах, которые нашли убежище в ФНРЮ¹⁰⁴. Албанские власти также заявили, что в начале января 1953 г. были ликвидированы еще 12 диверсантов, переброшенных из Югославии¹⁰⁵. Утверждение, что речь в данном случае шла об албанских эмигрантах, невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть доступными архивными источниками. В сложившихся условиях югославское правительство постепенно отказалось от планов политического использования албанских эмигрантов. Среди общественности восточноевропейских стран систематически распространялись слухи о том, что будто бы Югославия использовала их для переброски диверсионных групп на территорию Албании. Такие слухи активно использовали для антиюгославской пропаганды¹⁰⁶.

¹⁰³ AJ. 507/IX. III/1–138.

¹⁰⁴ AJ. 112-TANJUG. Kutija 72. Bilten vesti inostranih agencija od 27. oktobra 1951. 19 časova.

¹⁰⁵ AJ. 112-TANJUG. Kutija 72. Bilten vesti inostranih agencija od 15. januara 1951. 19 časova.

¹⁰⁶ Arhiv Ministerstva Zahraničnih Veci, Teritorialny obor (далее — AMZV, TO T). Albanie. K. 1. 625/52.

Вместе с тем албанское правительство стремилось привлечь на свою сторону достаточно многочисленную югославскую эмиграцию из сторонников антиюгославских резолюций совещаний Коминформа. В беседе с представителем ВКП(б) в Тиране В. А. Кареткиным Ходжа сообщил о решении Политбюро АПТ объединить всех таких эмигрантов в одну организацию, приняв их в ряды КПА, дав возможность получить гражданство НРА, право работать и учиться¹⁰⁷. Он рассказал, что в Албании насчитывается около 300 югославских эмигрантов — сторонников Коминформа, из которых около 100 человек находятся в албанских тюрьмах по подозрению, что они прибыли в Албанию как югославские агенты. Примерно 30 человек из них вернулись назад в Югославию¹⁰⁸. Ходжа заявил, что считает югославских эмигрантов в Албании передовым отрядом будущей революции в Югославии, которая сбросит режим Тито¹⁰⁹, проведя серьезные акции в Югославии. Нет надежных источников, подтверждающих это, однако, учитывая характер албанской деятельности среди югославских эмигрантов, их идеологический настрой и интенсивность пограничных инцидентов, можно предположить, что часть югославских эмигрантов перебрасывалась на территорию Югославии для выполнения разведывательных и диверсионных заданий.

Югославно-албанский конфликт хотя и был частью конфликта между Югославией, СССР и странами, сплотившимися вокруг Советского Союза, представлял собой не просто идеологическое противостояние, влиявшее и на остальные сферы жизни. Он был гораздо более глубоким и сложным явлением, что обуславливалось как характером отношений между двумя странами во время войны и непосредственно после ее окончания, так и масштабами югославского «присутствия» в Албании в различных сферах. ФНРЮ помогла в основании КП Албании, формировала и вооружала албанскую армию, оказывала огромную экономическую помощь, превышавшую собственные возможности, в частности предоставляла инвестиции для строительства албанской промышленности

¹⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1123. Л. 106–110.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же.

и создания инфраструктуры, обучала албанских школьников и студентов в своих учебных заведениях самого различного профиля (от школ, фабрично-заводских училищ до университетов). Степень югославского присутствия в Албании делала будущий конфликт, который, если добавить к этому еще и особенности албанского менталитета, неизбежным. При этом, в отличие от конфликта Югославии с другими восточно-европейскими странами, он имел другие измерения. Конфликт между Югославией и Албанией сопровождался эмоциональными взрывами, резкостью обвинений, нередко бездоказательных, грубостью формулировок и их выражения, постоянным ростом напряженности и проявлениями враждебности и агрессивности вплоть до частых вооруженных провокаций.

Влияние советского фактора в югославно-албанском конфликте выражалось по-разному. С одной стороны, Советский Союз ускорил начало конфликта между Белградом и Тираной, позволив Энверу Ходже приступить к ликвидации югославского влияния в Албании. На протяжении всего конфликта СССР укреплял свои позиции в Албании, оказывая ей значительную экономическую и военную помощь, направляя в том числе военных и экономических советников. Но, несмотря на помощь как со стороны Советского Союза, так и других социалистических стран, потери Албании из-за разрыва с Югославией компенсировать не удалось. С другой стороны, албанские партийные лидеры, воодушевленные советской поддержкой, развязали политический и экономический конфликт с Югославией, выходя за установленные Москвой рамки. Поэтому советская сторона нередко была вынуждена одергивать албанских руководителей, предлагая избрать иной тон критики и снизить ее накал. Конечно, конфликт между Югославией и Албанией являлся важной составляющей конфронтации между Югославией и странами социалистического лагеря, но имел и существенные особенности, придававшие ему свой специфический облик.

Глава 5

Национальная карта в политической игре: албанское население Югославии и советско-югославский конфликт (1948–1956 гг.)

Возникший весной — летом 1948 г. советско-югославский конфликт, в орбиту которого были вовлечены и другие страны социалистического лагеря, явился стимулом для реанимации спорного вопроса о статусе албанцев в Югославии как одного из ключевых в отношениях между Белградом и Тираной. В кардинально изменившейся обстановке Албания рассчитывала решить его в свою пользу, с расчетом на получение от Москвы полномасштабной поддержки. К тому времени проблема статуса югославских территорий, населенных по большей части этническими албанцами, имела уже свою историю. Она неоднократно поднималась на протяжении 1944–1946 гг. при двусторонних контактах. В этот период интенсивного югославно-албанского сотрудничества, обусловленного идеологической близостью и политической монополией коммунистических партий двух стран, в югославском руководстве оформились две точки зрения. Согласно одной из них, территории с преобладающим албанским населением следовало уступить Тиране, а позже, после включения Албании в состав Югославии, интегрировать их в единое государство. По второму варианту эти районы должны были оставаться югославскими. В дальнейшем же, после объединения двух стран и ликвидации границы, разделяющей албанцев по обе ее стороны, межнациональная напряженность и радикальный албанский национализм постепенно сошли бы на нет.

До начала советско-югославского конфликта вопрос о югославских албанцах наиболее интенсивно обсуждался во время визита в Югославию в 1946 г. албанского лидера Энвера Ходжи. Но поскольку его позиция не встретила поддержки Й. Броза Тито, а на помощь СССР в тот момент рассчитывать не приходилось, албанская сторона вплоть до 1948 г. больше его не поднимала. Из-за обострившихся противоречий на международной арене ни Великобритания, ни США не предлагали албанцам поддержку их территориальных претензий к Югославии в качестве компенсации за возможную передачу Греции Северного Эпира. Начавшийся советско-югославский конфликт авторитарный и амбициозный Энвер Ходжа решил использовать для реализации с помощью Советского Союза своего личного и общеполитического идеала — создания «Великой Албании». С этой целью предполагалось присоединить к НРА югославские территории, населенные албанцами, прежде всего Косово и Метохию¹.

Наученные горьким опытом прошлого югославские власти опасались вооруженных провокаций со стороны подстрекаемых Тираной «своих» албанцев. Эти опасения имели под собой реальную основу: албанское население в Югославии в основном было настроено враждебно к коммунистическому правительству в Белграде. Кроме того, свежи были и воспоминания о поддержанных соседними странами и великими державами вооруженных мятежах албанцев против сербских и югославских властей в период Балканских и Первой мировой войн. Белград не исключал, что в условиях эскалации конфликта с СССР и его союзниками может произойти нечто подобное. Готовясь к возможному неблагоприятному для себя развитию событий, центральные власти ФНРЮ обязали руководство республик предоставить подробную информацию о положении албанского населения на их территории.

Большая часть албанского населения Югославии проживала в Косове и Метохии (по официальным данным на 1948 г. — около 520 тыс. чел., или 71 % всего населения этого автономного края)².

¹ *Borozan D.* Albanija u kampanji Kominforma protiv Jugoslavije 1948–1950 // *Jugoslovensko-sovjetski sukob 1948*. Beograd, 1998. S. 52.

² ДАСМИП. ПА-1948. Ф. 6. 4893. Допис Претседништва Владе НР Србије МИП-у од 8. новембра 1948.

В Черногории албанцы осели в трех округах — Барском, Титоградском и Андриевацком. Всего, по данным республиканских властей, их насчитывалось 22 447 чел.³ Значительным было число албанцев на территории Македонии — 201 749 чел., или 17,5 % населения республики⁴. Они компактно населяли западную часть республики, главным образом вдоль югославско-албанской границы, что вызывало, особенно в начале конфликта, сильное беспокойство центрального правительства: вооруженные провокации в пограничье начались уже летом 1948 г.⁵ На заявление ЦК АПТ о поддержке антиюгославской резолюции Информбюро (июнь 1948 г.) сразу же отреагировало руководство КП Македонии, подчеркнув в заявлении, что такая позиция провоцирует шовинистические и националистические албанские группировки в Косове и Метохии, а также в Македонии на открытое выступление против югославских властей. 4 сентября 1948 г. ЦК АПТ в ответном заявлении отверг критику македонского руководства. Тито и руководство КПЮ были обвинены в намерении превратить Албанию в седьмую югославскую республику, а также в антисоветской деятельности в Албании и репрессиях против народа Косова и Метохии. В подтверждение этого приводились заявления представителя КПЮ в Албании С. Златича и посла ФНРЮ в Тиране Й. Джерджи о том, что пришло время окончательно решить косовский вопрос⁶. Предлагали ли Златич и Джерджа передать при этом Албании Косово или нет, остается неясным (в доступных источниках сведения на этот счет отсутствуют), однако некоторые отдельные документы дают основания предположить, что в контактах с албанскими партийными и государственными чиновниками такая возможность отмечалась. За этим заявлением последовала серия выступлений Ходжи,

³ Там же. Допис Претседништва Владе НР Црне Горе МИПу од 4. септембра 1948.

⁴ Там же. 4650. Допис Председательства на Владата на НР Македонија МИП-у од 30. септембра 1948.

⁵ Подробнее о вооруженных инцидентах на югославско-албанской границе см.: *Животић А.* Немирна граница. Пограничне тензије између Југославије и Албаније (1948–1954) // *Историјски записи*. 2009. № 1–2. С. 108–127.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 474. Л. 93–105.

в которых он открыто призывал албанское население Югославии вместе с остальными «здоровыми силами» этой страны бороться против существующего там режима, подталкивая их тем самым к восстанию, выходу из состава ФНРЮ и присоединению к Албании как к центру объединения албанского народа⁷. Заметим, что эту политическую карту Ходжа с небольшими перерывами (когда это было в его интересах, особенно в 1968–1974 гг.) разыгрывал до конца жизни и пребывания на посту руководителя страны.

Схожей с заявлением ЦК КП Македонии была реакция Албанского комитета Косова и Метохии, входившего в Народный фронт Югославии. Он отверг утверждения правительства НРА как необоснованные и крайне тенденциозные⁸. Подобным образом отреагировали и 35 албанских учителей, работавших в школах в Косове⁹. Эти выступления совпадали с позицией руководства КПЮ и явно поощрялись партийными органами.

На протяжении всего 1948 г. руководители АПТ в публичных заявлениях систематически затрагивали вопрос о статусе югославских территорий, населенных албанцами. Результатом агрессивной идеологической кампании стала небольшая пропагандистская дуэль. Тирана непрерывно обвиняла Югославию и лично Тито в проведении ревизионистской политики и последовательного курса на ассимиляцию албанского населения в Косове и Метохии, в западной Македонии и восточной Черногории¹⁰. Следующим шагом стали пропагандистские усилия с целью предать огласке факты пыток, которым, как утверждала Тирана, подвергались албанцы в Югославии, а также постоянных репрессий со стороны органов госбезопасности ФНРЮ. Подчеркивалось, что югославское правительство превратило Косово в рассадник шпионов и что албанское меньшинство используется для противодействия Албании, АПТ и ее лидеру Энверу Ходже¹¹.

⁷ Коматина М. Энвер Хоџа... С. 94.

⁸ Borožan Đ. Albanija u kampanji Kominforma protiv Jugoslavije. S. 52.

⁹ Борба. 1948. 22 VII.

¹⁰ Стамова М. Албанският въпрос на Балканите (1945–1981). София, 2005. С. 74–75.

¹¹ Коматина М. Энвер Хоџа... С. 94.

Очевидно, что, ощутив опасность систематического педалирования проблемы положения албанского меньшинства на территории ФНРЮ, ее МИД отреагировал на нападки, втянувшись в продолжительную и острую полемику по этому вопросу. Стремясь привлечь внимание мировой общественности, югославская сторона подчеркивала, что речь идет о классическом албанском ирредентизме, преследующем цель насильственного отделения значительной части территории ФНРЮ. Поначалу скрытые, замаскированные в обращении Тираны к югославским народам о необходимости свергнуть режим Тито, призывы к вооруженному восстанию югославских албанцев расценивались в Белграде как прямое вмешательство во внутренние дела ФНРЮ. Вплоть до середины 1953 г. позиция Тираны в вопросе о положении албанского меньшинства в Югославии фактически оставалась неизменной, за исключением незначительных отклонений и коррекции курса¹².

Главными рычагами, с помощью которых албанская сторона муссировала албанский вопрос в Югославии, были центральный орган АПТ газета *Zëri i Popullit* («Голос народа») и газета Демократического фронта Албании *Bashkimi* («Единство»). На страницах этих изданий регулярно появлялась информация об албанцах, страдающих от рук «палачей Ранковича и Тито». Практически ежедневно газеты призывали югославских албанцев, особенно косоваров, восстать против режима Тито и воплотить в жизнь исторический идеал объединения всего албанского народа под крылом Матери-Албании¹³. В албанской печати часто публиковались статьи Э. Ходжи и других партийных лидеров, в которых открыто выдвигались претензии на территории Сербии, Черногории и Македонии, а югославское руководство обвинялось в насилии и физическом истреблении представителей албанского меньшинства¹⁴. Логическим следствием подобных обвинений стал исходивший непосредственно от албанского лидера призывы к албанскому народу

¹² Стамова М. Албанският въпрос на Балканите. С. 75.

¹³ О контрреволюционной и клеветнической кампании против социалистичке Југославије. I. Београд, 1949. С. 116–119.

¹⁴ Prifti P. Socialist Albania since 1944: Domestic and Foreign Developments. Cambridge, 1978. P. 106.

вместе со «здоровыми силами в Югославии» с оружием в руках свергнуть «клику Тито»¹⁵. В свою очередь, югославская сторона отвечала выражением братских чувств к албанскому народу, перечислением всех тех преимуществ, которыми пользуется албанское меньшинство в ФНРЮ, и заявлениями о его полной интегрированности в югославское общество¹⁶.

Албанское руководство не упускало возможность поднять указанный вопрос и в обращениях к общественности, используя для этого, казалось бы, не имеющие отношение к нему поводы. Так, выступая в Народном собрании по случаю обнародования двухлетнего хозяйственного плана на 1949–1950 гг., Ходжа обвинил Югославию в систематическом угнетении албанского народа и в методичном распространении шовинистической ненависти к албанцам. В категоричном тоне Ходжа подчеркнул, что Югославия готовит албанцам «то же, что и правительство Цалдариса чамам»¹⁷, намекая на исход албанского населения из северной Греции в южную Албанию после окончания Второй мировой войны¹⁸. В связи с подобным утверждением югославское руководство пришло к выводу, что Ходжа начал использовать «методы империалистов» (имелись в виду попытки англичан и американцев привлечь внимание к этому вопросу по окончании войны, чтобы посеять раздор между Югославией и Албанией)¹⁹.

В 1949 г. албанское правительство намеревалось создать в стране новую организацию — комитет по освобождению Косова и Метохии, хотя уже существовала ассоциация югославских политических эмигрантов. 5 июля 1949 г. советский посол в Тиране Д. С. Чувахин поинтересовался в беседе с видным албанским политическим и партийным функционером Мехметом Шеху, как

¹⁵ *Стамова М.* Албанският въпрос на Балканите. С. 78.

¹⁶ Борба. 1949. 11 IV.

¹⁷ Чамы — этническая группа в составе албанцев, населяющая районы Эпира вдоль побережья Ионического моря. Топоним «Чамерия» (греч. Цамурия) широко используется в современной албанской литературе.

¹⁸ ДАСМИП. ПА-1949. Строго поверливо. Ф. 1. Извештај Посланства у Тиране МИП-у од 3. јуна 1949.

¹⁹ Там же.

далеко албанцы продвинулись в осуществлении этого замысла²⁰. Шеху рассказал о стоящей перед албанцами дилемме: организовать борьбу с режимом Тито в каждой из республик в отдельности или координировать ее из одного центра, причем сам он выступал за второй вариант. Шеху подчеркнул, что поставленная задача может быть решена только путем вооруженной борьбы, которую проще всего вести в Косове и Метохии, учитывая компактное проживание и многочисленность албанского населения на этой территории, а также предполагаемое недовольство местных албанцев режимом и репрессивной политикой югославских властей. Албанский политик поинтересовался мнением посла: следует ли, начав восстание, сразу объявить об объединении югославских территорий, населенных албанцами, с Албанией, или сделать это после свержения Тито. Чувахин посоветовал проявлять осторожность, указав, что любой поспешный шаг может навредить общему делу. Он рекомендовал более глубоко изучить проблему и решать ее в ходе борьбы всех югославских народов против режима Тито, потому что только так могут быть созданы предпосылки для возможного присоединения Косова, Метохии, территорий Черногории и Македонии к Албании. По мнению советского дипломата, албанский национальный вопрос в Югославии мог быть разрешен предлагаемым Тираной образом только после свержения Тито. Чувахин также недвусмысленно указал Шеху на то, что лозунг об объединении Косова и Метохии с Албанией в ходе борьбы албанцев совместно с другими югославскими народами не встретил бы поддержки со стороны последних; особенно негативной, по его мнению, была бы реакция сербов²¹.

2 сентября 1949 г. Ходжа, воодушевленный позицией Чувахина в разговоре с Шеху, обратился с письмом в ЦК ВКП(б)²². Излагая историю албанского вопроса в Югославии, он искал число албанцев, проживающих в ФНРЮ: вместо 700 тыс. назвал цифру более 1 млн человек. Ходжа предлагал поднять в Югославии вооруженное

²⁰ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 2. С. 161–165.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 206–214.

восстание, в котором важную роль играли бы албанцы, выступая совместно с другими югославскими народами, но под албанским флагом. Он подчеркнул, что албанский народ в Югославии веками подвергался издевательствам со стороны сербов и потому находится на очень низкой ступени развития политической культуры и культуры вообще. Ходжа доказывал, что новая демаркация албанской границы с ФНРЮ усилит положение Албании как самого верного советского союзника на Балканах. Албанский руководитель предложил создать в Косове самостоятельное руководство и национально-освободительный комитет, которые в соответствии с резолюцией Коминформа боролись бы с «троцкистской кликой Тито», а также сформировать в крае особые партизанские группы под руководством косовских албанцев. После совместной победы над режимом Тито Албании, по замыслу Ходжи, должны быть переданы области с численным преобладанием албанского населения. Он заявил, что для этого сложились все условия, так как местные албанцы полностью потеряли доверие к югославскому правительству и готовы направить свое недовольство на свержение режима Тито и присоединение к Албании. В то же время Ходжа обещал, что албанское правительство будет придерживаться максимально сдержанной позиции по этому вопросу и не допустит дальнейших шагов без необходимых консультаций с Москвой, чтобы избежать обвинений в шовинизме и подрывной антиюгославской деятельности. Сознательно подменяя термин «народно-освободительная борьба» термином «национально-освободительная борьба», Ходжа раскрыл свою истинную цель — реализацию программы объединения всех албанцев на Балканах. Прикрытием же служил лозунг идеологической борьбы против «югославских троцкистов».

С текстом письма были ознакомлены все члены Политбюро ЦК ВКП(б). Советское руководство, безусловно, понимало важную роль Албании в противостоянии КПЮ, «диссидентство» которой нарушало единство стран советского блока. В Москве понимали также и стремление албанцев использовать ситуацию к своей выгоде при решении национального вопроса. Судя по имеющимся источникам, СССР не собирался «исправлять» границы на Балканах и решать албанскую национальную проблему, провоцируя тем

самым волну недовольства других народов, прежде всего сербов, и дестабилизировать таким образом обстановку в регионе. В результате Москва не отреагировала на план Ходжи.

Албанский руководитель попытался использовать визит в СССР в марте — апреле 1949 г., чтобы получить советскую поддержку по вопросу о статусе албанского меньшинства в Югославии. В беседе со Сталиным он, рассуждая об отношениях с ФНРЮ, затронул и эту проблему, делая особый упор на массовых репрессиях «клики Тито» в Косове, Черногории и Македонии. Желая дополнительно подкрепить свою позицию, он вновь значительно завысил численность югославских албанцев, чем не только вызвал нескрываемое удивление Сталина, но и, по всей вероятности, возбудил его знаменитую подозрительность в истинности намерений собеседника. Стремясь убедить Сталина в оправданности албанских претензий, Ходжа в очередной раз использовал тезис о многовековом сопротивлении албанцев «великосербским шовинистам» и о постоянном терроре в отношении албанского населения — арестах, принуждению к насильственному труду, принудительной вербовке и иным формам преследования, что, по мнению Ходжи, являлось реакцией югославского режима на «патриотические чувства албанского народа». Сталин внимательно выслушал Ходжу, но вместо ожидаемой поддержки лаконично заключил, что албанское правительство должно проводить мудрую политику²³.

Не добившись желаемого результата, Ходжа предпринял еще одну попытку во время второй встречи со Сталиным в ноябре 1949 г. Он повторил свои аргументы о политике угнетения и необходимости единства албанского народа, а также выразил убеждение, что народ Косова должен сам принять решение о своем будущем, недвусмысленно намекнув на планируемое объединение края с Албанией. Однако, несмотря на выраженное Сталиным понимание, непосредственной поддержки Москва снова не оказала²⁴.

Тирана продолжила нападки на югославскую политику в отношении албанского национального меньшинства и открыто заявляла о территориальных претензиях на Косово, Метохию и ряд

²³ Ходжа Э. Хрущев убил Сталина дважды. М., 2013. С. 47–48.

²⁴ Там же. С. 55–59.

других областей. 26 сентября 1949 г. на митинге в Валоне (Влёре) видный партийный и государственный деятель НРА, министр промышленности Тук Якова заявил, что албанское руководство не забыло о Косове и требует его объединения с Албанией. Процитировав «предателя Тито», заявившего, что этот вопрос будет решен «позже», Якова призвал югославских албанцев совместно с другими народами ФНРЮ «подняться на борьбу против клики Тито, победить и завоевать свободу». Оратор подчеркнул, что в этом случае проблема Косова легко разрешится, и край на основании принципа самоопределения войдет в состав Албании²⁵. Открытое выражение территориальных претензий, призыв к вооруженному восстанию и отделению части югославской территории (а подобные высказывания все чаще встречались в речах албанских руководителей, в газетных статьях и радиопередачах) не могли не вызвать ответной реакции Белграда. 31 октября 1949 г. югославское Министерство иностранных дел направило в Тирану ноту протеста²⁶. Однако албанская сторона не только проигнорировала этот протест, но и использовала его для новых обвинений югославского правительства в «неприкрытом шовинизме и национализме», в политике террора, проводимой в отношении всех югославов, но особенно косовских албанцев²⁷. Было указано, в частности, что югославские власти угнетают и эксплуатируют албанский народ «хуже, чем все сербские короли в прошлом». В соответствии с тактикой, основанной на сознательном искажении статистических данных, звучали утверждения о том, что в ФНРЮ проживают более 900 тыс. албанцев, что жертвами карательных действий властей стали тысячи расстрелянных албанцев, что югославское правительство топчет в крови вековое стремление албанского народа объединиться и создать единое государство²⁸. Поскольку этот документ не только имел хождение

²⁵ ДАСМИП. ПА-1949. Ф. 1. 4169. Телеграм Посланства у Тираны МИП–у од 27. септембра 1949.

²⁶ Там же. 420085. Нота југословенског МИП–а албанском МИП–у од 31. октобра 1949.

²⁷ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 2. С. 161–165.

²⁸ ДАСМИП. ПА-1949. Ф. 1. 420085. Нота албанског МИП–а југословенском МИП–у од 22. новембра 1949.

в узких дипломатических кругах, но и был прочитан по «Радио Тираны», то он породил большой отклик среди югославских албанцев, явился дополнительным стимулом протестных настроений²⁹.

В 1949 г., в условиях ужесточавшегося советско-югославского конфликта, албанцы дали отмашку к усилению антиюгославской кампании в печати. Ее стержнем явились заявления о репрессивной политике югославского режима в областях, населенных албанцами³⁰. В редакционных статьях, несомненно, инициированных «верхами» партийного руководства, обращалось внимание на антиалбанские и шовинистические действия югославских властей в Косове, звучали обвинения югославов в попытках ассимиляции албанского населения и в систематических расправах над ним³¹. Помимо «подогревания» протестных настроений, публикации были призваны убедить читателя, что забота о югославских албанцах — вопрос общенационального значения. По всей видимости, и участвовавшие пограничные инциденты, и заброска на территорию ФНРЮ все большего числа диверсионных групп преследовали цель, помимо прочего, поддержать сопротивление албанцев югославским властям.

Дополнительным поводом для новых обвинений в адрес Белграда со стороны Тираны стали высылка из ФНРЮ секретаря посольства НРА в Белграде Ризы Ходжи по обвинению в разведывательной и подрывной деятельности, а также проведение судебного процесса в Скопье в январе 1950 г. по делу местных албанцев, завербованных спецслужбами НРА. Эти события использовали в качестве примера антиалбанской политики правительства ФНРЮ, террора и запугивания «жаждавших свободы» косовских албанцев. Вновь был поднят вопрос о статусе областей с преобладающим албанским населением. МИД НРА, добавив к прежним обвинениям

²⁹ Имеется в виду дипломатическая нота Албании от 22 ноября 1949 г. См.: Животић А. Југославија, Албанија и велике силе 1945–1961. Београд, 2011. С. 366–367.

³⁰ Bela knjiga o neprijateljskoj politici Vlade Narodne Republike Albanije prema Federativnoj Narodnoj Republici Jugoslaviji. Beograd, 1961. S. 24.

³¹ Стамова М. Албанският въпрос на Балканите. С. 82; Bela knjiga o neprijateljskoj politici Vlade Narodne Republike Albanije. S. 24–26.

югославов в терроре против албанцев два этих новых примера, направила ноту протеста правительству ФНРЮ³². Однако помощник главы внешнеполитического ведомства ФНРЮ Владимир Попович, указав на оскорбительный характер ноты и содержащиеся в ней откровенные фальсификации, поручил миссии ФНРЮ в Тиране вернуть ее албанцам³³. Отметим, что современная албанская историография в значительной степени опровергла былые пропагандистские утверждения о тяжелом положении албанского национального меньшинства в Югославии во время ее конфликта со странами Информбюро³⁴.

Несмотря на то что советской стороне резкие обвинения албанцев были политически выгодны, она стремилась сдерживать напор Тираны. Советские источники того времени свидетельствуют об обеспокоенности Москвы албанскими территориальными претензиями. Иллюстрацией тому служит запись беседы Э. Ходжи с послом СССР К. Д. Лёвычкиным 19 февраля 1953 г.³⁵ Ходжа подробно рассказал о подготовленной албанскими спецслужбами брошюре по косовской проблеме, предназначенной для распространения на территории Югославии. Лёвычкин привел в дневнике характеристики, данные его собеседником «сербской колонизаторской политике» в Косове и освободительной борьбе албанского народа, отметил, в частности, прозвучавшее обвинение югославов в убийстве 70 тыс. албанских патриотов во время Второй мировой войны, а также в изъятии у албанцев земель для последующей передачи их сербам и черногорцам. Ходжа подчеркнул, что, раскрывая в пропагандистских материалах «подрывную деятельность клики Тито» и последствия репрессивной политики Тито в регионе, албанцы преследовали цель подтолкнуть своих соотечественни-

³² ДАСМИП. ПА-1950 Ф. 1. 42068. Нота албанского МИП-а югословенскому МИП-у от 16. февраля 1950.

³³ Там же. 43051. Телеграм Владимира Поповића Посланству у Тиране от 17. февраля 1950.

³⁴ Об оценках современной албанской историографией положения албанцев в Югославии подробнее см.: *Lalaj A. Kosova. Rruga e gjate drejt vetevendosjes 1948–1981. Tirana, 2000.*

³⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 14. Л. 136–140.

ков в Югославии к совместной с другими народами ФНРЮ борьбе против режима Тито. Как следует из записи в дневнике посла, Ходжа с жаром и экзальтацией говорил о праве албанского народа на самоопределение и отделение. Лёвычкин посоветовал проявить осторожность при публикации брошюры, тем самым сдержанно дав понять, что советской стороне не нужен чрезмерный шум по этому вопросу.

Обвинения албанской стороны не соответствовали истине. На деле в Косове и Метохии происходило ровно обратное. После запрета сербским и черногорским колонистам вернуться в Косово, которое они покинули во время войны, их земли поделили между собой албанцы. Советская сторона ограничивалась вербальной поддержкой позиции Тираны и по мере нормализации отношений с ФНРЮ все активнее стремились исключить этот вопрос из перечня обсуждаемых во время контактов с албанскими государственными и партийными деятелями. В связи с этим в середине 1954 г. советские дипломаты отмечали, что такая тактика принесла плоды и что албанская сторона практически перестала упоминать о проблеме албанского населения Югославии как о поводе для критики и обвинений в адрес югославского партийного и государственного руководства³⁶.

Несмотря на то что Тирана прилагала большие усилия, пытаясь повлиять на югославских албанцев, результаты были более чем скромными. Непосредственно после публикации резолюции бухарестского совещания Коминформа среди югославских албанцев, которые в большинстве были настроены против властей, возобладало мнение, что это — югославский политический маневр в сторону западных государств. Крайне незначительное число албанцев — членов КПЮ поддержало резолюцию. На югославских партийных форумах этот факт объяснялся ожиданием исхода конфликта, а также тем, что за резолюцией стояли «русские», ненавистные югославским албанцам³⁷. Полицейские органы Албании использовали эмигрантов-информбюровцев, по большей части албанцев и в меньшей

³⁶ Там же. Л. 45–46.

³⁷ АЈ. 507. XVIII. КНМ ЦК СКЈ. К. 4/1. Реферат о шиптарској националној мањини.

степени черногорцев, для пропагандистской и диверсионной работы на территории Югославии. Однако главной их целью было укрепление влияния на албанское национальное меньшинство и распространение идеи «Великой Албании». М. Шеху в обширном докладе, направленном в Москву, выразил мнение, что албанские эмигранты не выступают против югославского режима не столько по идеологическим, сколько по национальным причинам и что единственный вопрос, который их интересует, — это вопрос объединения Косова с Албанией. В 1949 г. албанские спецслужбы привлекли к сотрудничеству 55 политических эмигрантов из Югославии (32 албанца и 23 черногорца) для ведения пропаганды и организации диверсионных акций в ФНРЮ. Из них были сформированы 14 групп со следующими местами дислокации: 1) две группы располагались в окрестностях Шкодера («окно» для перехода границы находилось в районе Ульциня); 2) группа Йоле Марковича базировалась в Букшиде под Шкодером («окно» — в районе Подгорицы); 3) группа Димитрия Йойича находилась в Врмоши («окно» — в окрестностях Плава и Андриевицы; 4) группа, располагавшаяся в деревне Тет, отвечала за район между Плавом и Гусинье; 5) группа Шабана Зене-лии базировалась в Тропое, а действовала в секторе Печ — Дяковица; 6) группа Шабана Брах размещалась в Круме («окно» — в Дренице); 7) группа Шевчета Мечу действовала в секторе Драгаш — Призрен, а базировалась в окрестностях Кукеса; 8) неподалеку от Пешкопии находилась группа, действовавшая в окрестностях Тетово, Ресно, Гостивара и Дебара. Все группы действовали конспиративно. Их члены представлялись военнослужащими вооруженных сил НРА и носили албанское обмундирование. В зависимости от обстановки на сопредельной территории и поставленных задач группы формировались как мононациональные, реже — многонациональные³⁸. Албанцы действовали успешнее, нежели слабо мотивированные и разделенные между собой черногорцы. Для эмигрантов, отобранных представителями албанских властей, зимой 1949–1950 гг. были организованы специальные курсы³⁹. В Дурресе проходили подготовку

³⁸ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 131. Л. 248–254.

³⁹ Там же. Л. 16–22.

семь человек, во Влёре — 27, в Берате — шесть. Во Влёре и Дурресе преподавалось политическое просвещение, изучались приемы пересечения границы и основы нелегальной работы. В Берате четыре человека из Македонии, два из Косова и четыре черногорца осваивали радиотелеграфию⁴⁰.

Албанской разведке удалось создать свои центры в Приштине, Дяковице и Призрене, но югославские службы безопасности быстро вычислили и ликвидировали их. Албанское дипломатическое представительство распространяло среди косовских албанцев большое количество пропагандистских изданий⁴¹. В 1949 г. по официальным данным из Албании на территорию ФНРЮ, в пограничные районы, удаленные примерно на 20 км от югославо-албанской границы, было переброшено около 270 тыс. экз. различных материалов пропагандистского характера: листовок, выступлений албанских государственных и партийных лидеров, газет, брошюр и карикатур⁴². Более успешной оказалась деятельность албанских разведслужб по вербовке албанцев-офицеров югославской народной милиции. Но благодаря оперативным мероприятиям УДБ большая их часть была арестована, некоторым удалось бежать в Албанию. Поначалу албанские пропагандистские структуры, работавшие со «спецконтингентом», действовали под лозунгом борьбы против режима Тито, в поддержку Сталина и Ходжи. Однако это не приносило практически никаких результатов. Более эффективным оказался упор на национальные чувства, на идею объединения албанцев⁴³. Но в целом указанные акции не особенно оправдывали себя: им успешно противостояли югославские службы безопасности, а кроме того, правительству ФНРЮ удалось притушить недовольство албанцев дополнительными материальными вложениями, открытием новых школ и больниц и постепенным повышением уровня жизни албанского

⁴⁰ Там же. Л. 248–254.

⁴¹ АЈ. 507. XVIII. КНМ ЦК СКЈ. К. 4/1. Реферат о шиптарској националној мањини.

⁴² РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 131. Л. 23–26.

⁴³ АЈ. 507. XVIII. КНМ ЦК СКЈ. К. 4/1. Реферат о шиптарској националној мањини.

населения, который, хотя и оставался довольно низким, был все же значительно выше, чем в самой Албании⁴⁴.

Одним из серьезных шагов, направленных на ослабление албанской пропаганды, стало расширение конституционных полномочий автономной области Косово и Метохия: ее статус (с 1953 г.) приравнивался к статусу Воеводины. Тем же конституционным законом от 13 января 1953 г. была ликвидирована иерархия в отношениях между республиканскими органами власти и автономными областями⁴⁵. На практике это означало, что республиканские органы обладали на территории автономной области только теми полномочиями, которые были утверждены Конституцией и законами и сводились в основном к надзорным функциям, в то время как органы власти Косова и Метохии были обязаны обеспечивать соблюдение законов и положений республики в той мере, в какой они не противоречили принципам автономии⁴⁶. В дальнейшем изменения, внесенные в 1953 г. в Конституцию ФНРЮ, усилили автономию Косова, полномочия органов управления которым были так велики, что область неформально имела статус еще одной югославской республики⁴⁷.

В противовес албанскому правительству, стремившемуся с помощью идеологической риторики добиться присоединения Косова и Метохии, в Белграде раздумывали над тем, чтобы поднять вопрос о статусе югославского меньшинства в Албании. По имевшейся в Белграде информации, югославы жили в двух албанских областях — Шкодер (деревни Врака, Ворич и Штоя и до 50 семей в самом городе) и Корча — вдоль границы с ФНРЮ⁴⁸. Они были там совершенно бесправны: не могли пользоваться своим языком

⁴⁴ АЈ. 507. XVIII. КНМ ЦК СКЈ. К. 4/1. Реферат о шиптарској националној мањини.

⁴⁵ Богдановић Д. Књига о Косову. Београд, 2004. С. 281.

⁴⁶ Там же. С. 282.

⁴⁷ О развитии автономии Косово и Метохии подробнее см.: Димић Љ. Историја српске државности. III. Срби у Југославији. Нови Сад, 2002. С. 338–457; Богдановић Д. Књига о Косову. Београд, 1990. С. 231–285; Гаталовић М. Косово и Метохија у државној политици Југославије 1958–1965. Београд, 2016.

⁴⁸ Подробнее о македонском национальном меньшинстве в Албании см.: Будимовски Д. Македонците во Албанија. Скопје, 1983.

в государственных органах власти, а небольшая группа учителей, направленных из Югославии в Албанию еще накануне Второй мировой войны, вскоре после публикации антиюгославской резолюции Информбюро (28 июня 1948 г.) была выслана из страны⁴⁹. Еще более тяжелым было положение македонцев, проживавших в деревнях Врбник, Церье, Зрновска, Леска, Пустец, Сулин, Туминец, Горица и Глобоцани вокруг озера Преспа, в зоне, отстоявшей от границы примерно на 28 км. Пребывавшее в беспросветной нищете население занималось сельским хозяйством, животноводством, рыбной ловлей и производством древесного угля. Накануне Второй мировой войны часть его переселилась в Македонию⁵⁰. До начала конфликта 1948 г. в этих селах имелись учителя, которых направляло туда правительство Македонии, однако они жили и работали в очень тяжелых условиях, так как албанские власти отказывались платить им жалование⁵¹. В целом славянское население Албании было объектом целенаправленной агрессивной албанизации, что привело к массовой ассимиляции славянских меньшинств и радикальному сокращению их численности.

Несмотря на указанные выше обстоятельства, после всестороннего анализа существующего положения, в Белграде было принято решение отказаться от постановки вопроса о статусе югославского меньшинства из-за его малочисленности и незначительных шансов на успех⁵². Тем самым Белград лишился возможности оказывать влияние на его политическую, экономическую и культурно-просветительную эмансипацию. Действия югославского правительства косвенным образом способствовали дальнейшей албанизации и ассимиляции малочисленного югославского меньшинства. Попытки же привлечь внимание к данной проблеме через органы печати не принесли ожидаемых результатов⁵³.

⁴⁹ АЈ. 507/IX. Албанија. I-254. Белешка о поступцима албанских власти према југословенској мањини.

⁵⁰ Петрановић Б. Југославија на размеђу (1945–1950). Подгорица, 1998. С. 479.

⁵¹ Там же.

⁵² АЈ. 507/IX. Албанија. I-254. Белешка о поступцима албанских власти према југословенској мањини.

⁵³ Борба. 1949. 21–22 II.

К началу 1950-х годов проблема югославских албанцев оказалась тесно связанной с судьбой другой этнической группы — турецкой, проживавшей на территории Косова и Метохии и в западной Македонии. На основании югославно-турецкого договора 1953 г. турки получили право покинуть ФНРЮ. По данным переписи 1948 г. в Югославии проживали 97 945 турок; в 1953 г. их число возросло до 259 935 человек. (Для сравнения: число албанцев за это время увеличилось незначительно — с 750 431 до 754 245 чел.⁵⁴) При характеристике демографической картины, особенно в тех областях, где турецкая национальность как таковая практически не признавалась, следует иметь в виду, что многие турки определяли себя как албанцы, а те, кто не хотел этого делать, подвергались давлению. Когда же турки получили возможность выезда на историческую родину, уже албанцы начали называть себя турками, для того чтобы выехать из Югославии. Так, в 1948 г. в Косове и Метохии были зарегистрированы 1315 человек турецкой национальности, а в 1953 г. — более 50 тыс. Схожая ситуация наблюдалась и в Македонии, где число турок за пять лет, в период между двумя переписями населения (1948 и 1953 г.) увеличилось с 95 940 до 203 938 человек⁵⁵. Больше всего турок, а также албанцев эмигрировали из районов Неродим, Бишевац, Гнилане, Каменица и Буяновац. Такое положение сохранялось до конца 1956 г. Очередная эскалация албанского вопроса в ФНРЮ и призывы со стороны властей НРА отказаться от эмиграции остановили этот процесс⁵⁶. Югославские власти, со своей стороны, также ограничивали выезд албанцев, например на территории Македонии была разрешена эмиграция только из тех мест, где этнические турки составляли численное большинство⁵⁷. Албанцы из Косова и Метохии, на которых оказывалось давление, направленное на то, чтобы они не уезжали в Турцию, переселялись в Македонию и получали там соответству-

⁵⁴ Радич Р. Исељвање становништва са југословенског простора средином педесетих година // Историјски записи. LXXII. 1999. № 1–2. С. 155–156.

⁵⁵ Там же. С. 157.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. С. 158–160.

ющие документы на выезд из ФНРЮ, самоопределяясь как турки. Между самими албанцами по этому вопросу отсутствовало единство. Одни поддерживали политику переселения, другие требовали положить ей конец, усматривая в переселении попытку ассимиляции албанцев и полагая, что им следовало остаться жить на тех территориях, которые, согласно национальной программе «Великой Албании», должны были войти в ее состав⁵⁸.

Одним из важных последствий конфликта между Югославией и Албанией стало наличие большого количества оружия в Косове. В 1955 г. югославские органы безопасности провели на этой территории операцию по его сбору. Акция началась в районе города Печ, где за две недели было собрано около 12 тыс. единиц разного оружия (винтовки, пистолеты, автоматы, пулеметы). Далее последовали изъятия и в других районах: Сува-Река, Дренице, Качаник, Вучитрн. Действия властей сопровождалась арестами большого числа албанцев⁵⁹. В интересах нормализации отношений албанское правительство не поднимало этот вопрос в контактах с югославской стороной⁶⁰. Улучшение отношений с Албанией ФНРЮ использовала также для ликвидации одного из ирредентистских течений в албанской партийной элите коммунистов Косова. 12–19 июля 1956 г. в Призрене прошел судебный процесс, в ходе которого за сотрудничество с албанской разведкой была осуждена группа партийных функционеров из Дьяково, Призрена и Ораховаца. Во время процесса упоминались и высшие албанские партийные руководители Косова и Метохии, но их дело было передано для разбирательства в вышестоящие партийные органы. Несмотря на наличие неопровержимых доказательств, в Тиране постарались свести эту проблему к минимуму, отрицая какое-либо свое участие в инкриминируемой косовским албанцам деятельности и связи с фигурантами процесса. 9 июля 1956 г. Ходжа подтвердил это и в беседе с советским послом в Тиране Л. И. Крыловым⁶¹. В контактах с представителями ФНРЮ албанская сторона не начинала

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Стамова М. Албанският въпрос на Балканите. С. 101–103.

⁶⁰ Marmulaku R. Albania and the Albanians. London, 1975. P. 148–149.

⁶¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 128. Д. 391. Л. 45–47.

дискуссии по этому вопросу, очевидно, опасаясь югославской реакции. Позднее, после Брионского пленума (1966 г.), осужденные по этому процессу были реабилитированы, а их «дело» было объявлено результатом деятельности УДБ⁶².

Стремясь уменьшить недовольство местных албанцев и решить проблему сепаратизма, югославские власти пошли по пути повышения жизненного уровня в проблемных районах Югославии, рассчитывая сделать его несопоставимым с соседней Албанией. В 1953–1956 гг. в Косове и Метохии получили развитие горнодобывающая промышленность, энергетика, были открыты национальные школы с преподаванием на албанском языке, вырос уровень жизни населения в целом⁶³.

Начало нормализации отношений СССР и Югославии лишило декларативной советской поддержки попытки албанского руководства интернационализировать вопрос статуса албанского меньшинства в ФНРЮ, спровоцировать сепаратистский мятеж и дестабилизировать югославский режим. Изменение политического климата в советско-югославских отношениях сказалось во временном ослаблении амбиций албанского руководства и стало причиной приостановки пропагандистской войны между Тираной и Белградом, основное внимание в ходе которой было сфокусировано на проблеме статуса албанского национального меньшинства в Югославии.

⁶² Подробнее о призренском процессе см.: *Bulatović Lj.* Prizrenski proces. Novi Sad, 1988; *Стамова М.* Албанский выпрос на Балканите. С. 103–105; *Štěpánek V.* Jugoslávie — Srbsko — Kosovo: Kosovská otázka ve 20. Století. Praha, 2011. S. 137–139.

⁶³ AJ. 507/IX.1/II-32. Космет у послератном развоју.

Глава 6

Сближение Югославии с Западом и международное положение Албании (1951–1955 гг.)

После конфликта с СССР и странами Коминформа Югославия оказалась в трудном положении. Так как ранее ее экономика была ориентирована на торговлю со странами восточного блока, одностороннее расторжение торговых соглашений или отказ от продления срока их действия странами народной демократии нанесли весомый урон югославской экономике, которая с трудом восстанавливалась после войны. К тому же сельское хозяйство пострадало от засухи, что грозило стране голодом. В это же время вдоль югославских границ концентрировались вооруженные подразделения Советского Союза и его восточноевропейских сателлитов. Экономически ослабленная страна столкнулась с угрозой вооруженной агрессии.

При таких обстоятельствах югославское правительство стремилось найти решение, которое позволило бы стране предотвратить экономический коллапс и успешно защититься от любого вторжения. После длительных дипломатических переговоров в 1950 и 1951 г. Югославии удалось подписать ряд экономических и военных соглашений с США, Великобританией и Францией, которые помогли ей преодолеть экономический кризис, повысить уровень жизни населения страны, оснастить армию современным вооружением и позволили надеяться на помощь со стороны НАТО и США.

Конфликт Югославии с Коминформом и вынужденное расширение связей с западным миром оказали значительное влияние на отношения между западными государствами и Албанией.

Убедившись в серьезности конфликта между ФНРЮ и странами советского лагеря, а также в свертывании югославского присутствия в Албании, Соединенные Штаты и Великобритания, которые с 1946 г. не имели регулярных дипломатических отношений с этой страной, начали пересматривать отношение к региону. Италия, имевшая традиционные интересы в Албании, окрепнув в экономическом и военном отношении и освободившись от статуса проигравшей во Второй мировой войне, вновь активизировала свою политику. Франция, единственная из западных стран имевшая дипломатические отношения с Албанией, стремилась в новой ситуации не только защитить свои интересы в этой стране, но и выступить в качестве своего рода западного форпоста. Греция после окончания гражданской войны и поражения Демократической армии теперь уже как часть западного блока начала строить отношения с Албанией с совершенно новых позиций.

После начала югославо-албанского конфликта первой извлечь выгоду из него попыталась Италия. После нескольких лет отсутствия в Албании итальянцы посчитали этот конфликт удачной возможностью для восстановления прежних позиций. Экономическое сотрудничество Албании со странами восточного блока вследствие территориальной удаленности, отсутствия прямых транспортных путей и слабых экономических интересов восточноевропейских стран не принесло ожидаемого результата. Сложная экономическая ситуация вынудила Энвера Ходжу весной 1949 г. пойти на восстановление дипломатических отношений с Римом как основы для складывания более тесного экономического сотрудничества. Вновь установив отношения с Албанией, итальянская сторона сохраняла осторожность, продолжая изучать глубину конфликта между Югославией и Албанией и влияние СССР в НРА.

Посол ФНРЮ в Риме Младен Ивекович¹, стремясь разобраться в сложившейся ситуации, вскоре выяснил, что главная цель

¹ Младен Ивекович (1903–1970). До Второй мировой войны доктор права. Во время Второй мировой войны был советником Исполнительного вече АВНОЮ, после войны — министр промышленности и горного дела в правительстве Народной Республики Хорватия. С 1945 по 1947 г. был югославским представителем в Межсоюзническом консультативном ко-

восстановления отношений — албанский экономический интерес, особенно использование итальянского нефтеперегонного завода в Бари, который и раньше перерабатывал албанскую нефть, имевшую специфический химический состав, из-за которого другие заводы не брали такую нефть на переработку². Албанскую заинтересованность в использовании этого завода в разговоре с югославским посланником в Тиране Якшом Петричем подтвердил и посол Франции в НРА Жак Шартье³.

Складывалось впечатление, что итальянцы пытаются вернуть утраченные позиции в Албании, но подходят к этому с осторожностью и сдержанностью. Они не спешили открывать дипломатические представительства и не требовали репатриации своих граждан, которые во время Второй мировой войны оказались в Албании⁴. В то же время Тирана спешила подписать торговые соглашения с Римом⁵. Однако итальянцы наоборот затягивали заключение торговых соглашений. Они были подписаны без афиширования лишь в июне 1950 г.⁶ Ни одна из сторон не объявляла о достигнутых договоренностях до их вступления в силу, видимо, опасаясь реакции своих союзников. Узнав об этом, посол Ивекович немедленно

митете в Италии, а затем до 1951 г. посланником в Риме. Начиная с 1951 г. был первым послом Югославии в ФРГ, откуда он вернулся после разрыва дипломатических отношений вследствие принятия доктрины Халштейна из-за югославского признания ГДР. Затем долгое время служил заместителем государственного секретаря по иностранным делам. Является автором многочисленных статей по различным вопросам международных отношений, опубликованных в специализированных изданиях.

² ДАСМИП. ПА-1949. Ф. 1. 41223. Телеграм Амбасаде у Риму МИП-у од 28. маја 1949.

³ ДАСМИП. ПА-1949. Ф. 2. 410257. Белешка о разговору Јакше Петрића са француским амбасадором у Тиране Жаком Шартјеом 14. маја 1949.

⁴ ДАСМИП. ПА-1949. Ф. 2. 42370. Белешка о разговору Јакше Петрића са француским амбасадором у Тиране Жаком Шартјеом 12. маја 1949.

⁵ ДАСМИП. ПА-1949. Ф. 1. 41223. Телеграм Амбасаде у Риму МИП-у од 28. маја 1949.

⁶ ДАСМИП. ПА-1950. Строго поверљиво. Ф. 1. 6120. Телеграм Амбасаде у Риму МИП-у од 8. јуна 1950.

оповестил Белград. Во время разногласий с Италией из-за Триеста руководство Югославии опасалось возможного повторного итальянского проникновения на Балканы, которое препятствовало укреплению югославских позиций на Адриатике, ослабляло возможность восстановления влияния в Албании и затрудняло усилия по решению вопроса о Триесте в пользу Югославии.

На территории Италии жили представители многочисленной албанской антикоммунистической эмиграции. Осознав остроту конфликта между Югославией и Албанией, британская разведка собрала убедительные доказательства того, что Белград не будет вмешиваться в албанские дела в случае возникновения беспорядков. Такое вмешательство могло осложнить внешнеполитические позиции Югославии и привести к столкновению с западными странами, с которыми югославы стремились развивать отношения для получения экономической и военной помощи. Сделав такие выводы, англичане приступили к подготовке албанских эмигрантов в Италии, которые в удобное время должны были поднять восстание в Албании и свергнуть режим Ходжи⁷. Под руководством британского полковника Ф. Маклина, часть войны прошедшего в Албании, в августе 1949 г. был сформирован Комитет свободной Албании, в котором видное место заняли Абас Купи, Саит Круезию, Зеф Пали, Нуца Хоти и Хасан Дости⁸. Югославская дипломатия быстро узнала о создании этого комитета и его задачах через свое посольство в Вашингтоне⁹ и сообщила об этом посланнику в Тиране Петричу, надеясь, что эта информация укрепит югославские позиции в Албании¹⁰. Между тем хотя комитет собрал самых радикальных представителей албанской антикоммунистической эмиграции, он так и не смог активно и эффективно противодействовать режиму Ходжи.

⁷ ДАСМИП. ПА-1950. Ф. 1. 41269. Елаборат «Комитет слободне Албаније» од 3. марта 1950.

⁸ Ibid.

⁹ ДАСМИП. ПА-1949. Строго поверљиво. Ф. 1. 1306. Телеграм Амбасаде у Вашингтону МИП–у од 15. августа 1949.

¹⁰ ДАСМИП. ПА-1949. Строго поверљиво. Ф. 1. 1547. Телеграм МИП-а Посланству у Тирану од 16. августа 1949.

Конкретную информацию о подготовке албанской эмиграции к свержению Энвера Ходжи югославская дипломатия получила от своего посланника в Ливане Лазаря Лилича. На территории Сирии сразу после окончания Второй мировой войны оказались 125 албанских политических эмигрантов, среди которых многие по происхождению были из Македонии и Косова и Метохии. Среди албанцев, эмигрировавших из Югославии, особенно выделялся бывший народный депутат от Югославского радикального союза и председатель злокучанской общины Адем Души (Мармулаку) из села Душевице в Источком уезде. С середины 1949 г. он установил контакт с югославским посланником в Бейруте Лазарем Лиличем¹¹, пытаясь через него получить разрешение на переправку группы албанских иммигрантов с Ближнего Востока через югославскую территорию в Албанию для свержения режима Ходжи. Более того, Души предложил за деньги свои услуги по добыче разведанных.

Лилич, действуя в соответствии с инструкциями из Белграда, предостерегавшими от возможных международных последствий в связи с конфликтом со странами Коминформа, посчитал подобные комбинации невозможными, но использовал контакт с Души для получения подробной информации о ситуации, принципах организации и численности албанских эмигрантов на Ближнем Востоке, которые в основной массе являлись бывшими членами 21-й дивизии СС «Скандербег»¹². Лилич узнал, что отряды албанских эмигрантов готовятся в лагере Фермо в Италии и что туда еще должны прибыть добровольцы из Аргентины¹³. Летом 1950 г. он

¹¹ Лазар Лилич родился в 1910 г. в Крагуеваце. Окончил юридический факультет. В 1931 г. стал членом Коммунистической партии. С 1928 г. работал в газете «Политика», сначала как корреспондент в Шумадии, а затем в штате редакции. Один из организаторов Четвертой партийной конференции КПЮ в Сербии в 1934 г. Несколько раз был арестован за политическую деятельность, а в 1936 г. приговорен к одному году тюремного заключения. Во время германской оккупации 1944–1944 гг. работал в белградском подполье. После войны — на дипломатической службе.

¹² ДАСМИП. ПА-1949. Строго поверљиво. Ф. XII. 10. Извештај МИП-у Посланства у Бејруту од 25. јула 1949. године.

¹³ ДАСМИП. ПА-1949. Строго поверљиво. Ф. 1. 2169. Телеграм Посланству у Бејруту МИП–у од 7. новембра 1949.

получил информацию об отказе от идеи переправки больших вооруженных отрядов в Албанию¹⁴.

Наряду с этим югославское правительство располагало достоверной информацией о десантировании с американских военных баз в Греции небольших групп парашютистов, которые были взяты в плен албанскими вооруженными силами¹⁵. Кроме того, весной 1952 г. югославское посольство в Софии получило сведения (их достоверность так и не удалось подтвердить) о возможности восстания в Албании, которое готовилось при поддержке англичан¹⁶.

Французское правительство после установления дипломатических отношений между Римом и Тираной также попыталось выяснить степень серьезности югославно-албанского конфликта. В разговоре с югославским послом Якшом Петричем французский посол в Тиране Шартье пытался получить как можно больше сведений о том, насколько сложны отношения между Белградом и Тираной, существуют ли проблемы в функционировании югославской миссии в НРА, находятся ли югославские дипломаты под наблюдением албанских органов безопасности и создают ли албанцы проблемы для снабжения югославской миссии всем необходимым¹⁷. Понимая намерения Шартье, Петрич дал ответы, не позволявшие собеседнику выяснить югославское видение характера отношений между Белградом и Тираной. Тем не менее, Шартье, ссылаясь на то, что Петрич приехал в Албанию в то время, когда официальная Тирана еще не имела посланника в Югославии, настойчиво пытался выяснить, произошло ли после его приезда сближение между Тираной и Белградом и урегулирование их взаимного конфликта¹⁸. Очевидно, что французская дипломатия не имела

¹⁴ ДАСМИП. ПА-1950. Строго поверливо. Ф. 1. 8521. Телеграм Посланству у Бејруту МИП-у од 7. јула 1950.

¹⁵ АЈ. 507/IX. 1/ I-252а. Извештај Првог одељења УДБ-е за Србију о Албанији од 5. децембра 1951.

¹⁶ ДАСМИП. ПА-1952. Строго поверливо. Ф. 1. 4197. Телеграм Амбасаде у Софији МИП-у од 7. маја 1952.

¹⁷ ДАСМИП. ПА-1949. Ф. 2. 42370. Белешка о разговору Јакше Петрића са француским амбасадором у Тирани Жаком Шартјејем 12. маја 1949.

¹⁸ Там же.

достаточных данных для определения глубины конфликта между Югославией и Албанией и степени возможности нормализации их отношений, а также позиций других западных держав в регионе.

Невозможность рассчитывать на югославскую военную помощь на случай греческих провокаций, равно как и советское дистанцирование от участия в греческих делах вынудили Албанию совершить дипломатический демарш путем попытки интернационализации своей пограничной проблемы с Грецией. Совершенно неожиданно 12 мая 1950 г. заместитель министра иностранных дел НРА Кочи Ташко обратился к генеральному секретарю ООН Тригве Ли с жалобой на греческие вооруженные провокации, попросив защитить албанские территории. Албанская сторона утверждала, что только в период с 27 марта по 24 апреля того же года было зафиксировано девять нарушений албанского воздушного пространства со стороны Греции и два пограничных инцидента¹⁹.

Одновременно с этим в выступлениях руководства АПТ и в албанской печати началась широкая кампания против Греции и Югославии. Утверждалось, что существует американский план создания оси Белград — Афины для формирования нового центра силы на Балканах. Сообщалось и о прямом американском вмешательстве во внутренние дела Греции, имели место намеки о замене правительства Венизелоса кабинетом Пластираса, для того чтобы постепенно подготовить почву для строительства железной дороги, которая соединит Грецию и Югославию, укрепит связи между Белградом и Афинами, увеличив влияние США в Югославии, и иницирует вооруженные провокации в отношении Албании и Болгарии с целью спровоцировать новую войну на Балканах²⁰. Такова была специфическая форма реакции в Албании на югославское сближение с западным миром.

Вместе с тем албанское руководство стремилось сформировать у населения страны ощущение внешней угрозы со стороны Югославии и Запада, для того чтобы, создав напряженную атмосферу

¹⁹ ДАСМИП. ПА-1950. Ф. 1. 41245. Телеграм Посланства у Тиране МИП-у од 12. маја 1950.

²⁰ ДАСМИП. ПА-1950. Ф. 1. 411082. Телеграм Посланства у Тиране МИП-у од 8. маја 1950.

и в стране, и у советских представителей, на переговорах с ними получить от Москвы дополнительную экономическую и военную помощь. Кроме того, систематическое запугивание и формирование у населения страха перед постоянной внешней угрозой было одним из способов поддержания внутренней сплоченности и выживания режима Энвера Ходжи вплоть до его смерти в 1985 г.

Помощник югославского министра иностранных дел Алеш Беблер²¹ в разговоре с британским послом в Югославии Чарльзом Пиком 18 августа 1949 г., за несколько месяцев до появления албанского обращения в ООН, высказал югославскую позицию, принципиально отличавшуюся от албанских обвинений²². Пик сообщил Беблеру, что правительства Великобритании и США не одобрили бы вторжения греческих войск в Албанию и они уже оповестили об этом греческое правительство, получив от него удовлетворительный ответ. Однако при этом было сказано, что греческие войска при выполнении задачи зачистки местности от партизан не смогут избежать случайного столкновения с албанскими войсками в пограничной зоне, поскольку те оказывают помощь партизанскому движению в Греции и часто пересекают границу. Пик пояснил, что по этим причинам в Греции много пленных албанских солдат. На прямой вопрос англичанина о югославских намерениях в отношении Албании Беблер ответил, что в Белграде хотят в Тиране дружественного правительства, но не помышляют о военном вмешательстве в НРА. Он сказал, что Югославия уважает суверенитет Албании не только потому, что придерживается Устава ООН, но и потому, что считает

²¹ Алеш Беблер (1907–1981) защитил в Париже докторскую диссертацию по праву. С 1931 по 1939 г. находился в эмиграции во Франции и Советском Союзе. Участвовал в гражданской войне в Испании как замполит 15-й Международной бригады. Во Второй мировой войне с 1941 г. — на различных партийных, политических и военных должностях. В конце войны — командир Главного штаба Национально-освободительной армии в Словении. После войны служил заместителем министра иностранных дел, входил в состав делегации Югославии на мирной конференции в Париже в 1946 г. Занимал посты главы югославской миссии при ООН и посла Югославии во Франции.

²² ДАСМИП. ПА-1949. Строго поверливо. Ф. 1. 1553. Телеграм МИП-а Посланству у Тираны од 18. августа 1949.

вмешательство в дела Албании неразумным, как и вторжение Греции в Албанию, так как это может усугубить ситуацию в регионе²³.

По вопросу югославского отношения к Албании англичане занимали двойственную позицию. С одной стороны, они пытались предотвратить любую возможную югославскую акцию в НРА, но с другой — стремились создать у югославских дипломатов впечатление, что не будут возражать, если ФНРЮ воспрепятствует вооруженной опасности, исходящей от Албании. Посол Великобритании в Бухаресте Ф. Робертс²⁴ в разговоре с югославским коллегой Йовановичем 14 декабря 1949 г. отметил, что Советы построили в Албании большие морские и авиационные базы, которые могут быть использованы против ФНРЮ²⁵. Йованович не выразил удивления, но ответил, что Белград не располагает такой информацией, зная при этом, что враждебность албанской политики в отношении Югославии является результатом советских установок и что строительство военных объектов, если это на самом деле имеет место, направлено также против Англии и западных союзников²⁶.

В результате разгоревшегося конфликта Югославии с СССР, Албанией и другими странами советского лагеря Великобритания стала относиться к Югославии как союзнице западного мира. Английский посол в Белграде Пик считал переломным для Югославии 1949 г., когда она стала постепенно сближаться с западным лагерем, испытывая сильное политическое, экономическое и военное давление с Востока²⁷. Он полагал, что в кампании против Югославии, осуществлении пограничных инцидентов и выпадов против

²³ Там же.

²⁴ Фрэнк Робертс (1907–1998) был британским дипломатическим представителем при эмигрантском правительстве Чехословакии до 1943 г., затем полномочным посланником в Москве. После войны — специальный посланник в Индии, посол в Румынии (1950–1954), Югославии (1954–1957), английский представитель в Совете НАТО (1957–1960), посол в Советском Союзе (1960–1962) и Федеративной Республике Германия (1963–1968).

²⁵ ДАСМИП. ПА-1949. Строго поверливо. Ф. 1. 2169, Телеграм МИП-а Посланству у Тираны од 24. децембра 1949.

²⁶ Там же.

²⁷ TNA. FO-371. Confidential (17884). RY 1011/1. Yugoslavia: Annual Review for 1949.

югославских дипломатов особенно отличились албанские власти. По его мнению, расторжение Белградом югославно-албанского Договора о дружбе и сотрудничестве свидетельствовало о серьезности конфликта²⁸. Кроме того, Пик был твердо уверен, что югославское правительство не намерено свергать режим Ходжи, а он падет сам из-за серьезных экономических и политических затруднений²⁹. Уверенность в этом сложилась у Пика в результате контактов с Й. Брозом Тито и другими югославскими государственными деятелями³⁰. Британская убежденность, что Югославия не имеет агрессивных намерений по отношению к Албании, оказала большое влияние на развитие отношений между Белградом и западным миром, что в то время имело для Югославии жизненно важное значение, учитывая ее крайне сложное экономическое положение и военную угрозу границам.

В ежегодном обзоре событий в стране Пик отметил, что в течение 1950 г. Югославия оказалась в состоянии острого конфликта со странами, правящие партии которых входят в Коминформ, а отношения с Албанией серьезно осложнились. По его мнению, это подтверждалось тем, что обе стороны временно закрыли свои дипломатические представительства, словно находились на грани столкновения. К тому же Югославия подвергалась сильному давлению с Востока, следовательно нужно пойти ей навстречу и помочь выдержать блокаду³¹. Пик указал на крайне напряженную ситуацию на югославно-албанской границе, отмечая, что албанцы лидируют в устройстве вооруженных провокаций против Югославии, а тон их антиюгославской кампании гораздо агрессивнее, чем у остальных советских сателлитов. Он снова подчеркнул мирный характер политики Югославии по отношению к Албании и сильное давление на Белград с Востока. По этим причинам, считал Пик,

²⁸ TNA. FO-371. Confidential (17884). RY 1011/1. Yugoslavia: Annual Review for 1949.

²⁹ Ibid.

³⁰ TNA. FO-371/78714. Yugoslavia. 10338. Outward saving telegram from Commonwealth Relations Office. January 11, 1950.

³¹ TNA. FO-371. Confidential (18157). RY 1011/1. Yugoslavia: Annual Review for 1950.

следует предоставить ей необходимую экономическую и военную помощь для преодоления глубокого кризиса, вызванного конфликтом с СССР и его сателлитами³².

Американская сторона довольно осторожно, с позиций стороннего наблюдателя, следила за положением Албании в системе международных связей того времени. В течение 1949 г. дипломатия США сосредоточилась на сборе сведений о стране и ее отношениях с Югославией, а также на выявлении возможности свержения режима Ходжи³³. В Париже были проведены неофициальные переговоры об установлении официальных отношений Вашингтона и Тираны, но они довольно быстро были прерваны из-за крайней неуступчивости албанской стороны³⁴. Американцы были уверены, что Югославия имеет особые интересы в Албании, отличающиеся от греческих и итальянских, и поэтому будет проводить на своей территории подготовку албанской эмиграции для борьбы с правительством Ходжи. При этом, по оценкам американских дипломатов, югославы не имели намерений использовать свои вооруженные силы для вторжения в Албанию³⁵. В Вашингтоне считали, что США должны действовать в отношении Албании в координации с Парижем и Лондоном, помогать оппозиционным силам в Албании, предотвратить военное вмешательство Югославии и Греции и использование албанской территории в качестве базы для совершения агрессивных действий против Югославии и Греции, настаивать на сохранении албанской независимости, а также добиваться нормализации отношений между Грецией и Албанией³⁶.

³² TNA. FO-371. Confidential (102154). RY 1011/1. Yugoslavia: Annual Review for 1951.

³³ The Ambassador in France (Caffery) to the Secretary of State. Paris. April 29, 1949 // Foreign Relations of the United States. 1949. Washington, 1976. Vol. V. P. 298–299.

³⁴ Memorandum of Conversation by the Assistant Chief. Division of Southern European Affairs. New York, May 14, 1949 // Foreign Relations of the United States. 1949. Vol. V. P. 299–299.

³⁵ Policy Paper Prepared by the Assistant Chief. Division of Southern European Affairs. New York, September 12, 1949 // Foreign Relations of the United States. 1949. Vol. V. P. 312–315.

³⁶ Ibid.

В течение следующего года главной целью Вашингтона стало свержение режима Ходжи без военного участия соседей Албании. США не без оснований считали, что в противном случае нарушение достигнутого в годы войны межсоюзнического соглашения о сохранении Албанского государства негативно повлияет на стабильность во всем Балканском регионе, равно как и на отношения между двумя противостоящими военно-политическими блоками. Й. Броз Тито был озабочен возможностью греческого вторжения в Албанию. В одной из бесед с послом США в ФНРЮ К. Кэнноном, еще раз подчеркнув необходимость сохранения албанского государства, Броз призвал Америку повлиять на правительство Греции, чтобы оно не поднимало вопрос о разделе албанских территорий между Югославией и Грецией, поскольку это взорвет все Балканы, а в самой Албании ослабит оппозицию, окрепшую из-за недовольства населения сложной экономической ситуацией³⁷. Это означало, что Броз Тито не обращался к США за посредничеством, а хотел довести до сведения Вашингтона, что ни один важный вопрос на Балканах не может быть решен без консультации с Югославией.

Хотя американцы были заинтересованы в свержении режима Ходжи, они в конечном счете не хотели греческого вмешательства, которое безусловно привело бы к серьезным последствиям. Именно поэтому через греческого посла в Вашингтоне Афинам были озвучены все возможные последствия таких действий и дан совет и в дальнейшем воздерживаться от военного вторжения³⁸. На тот момент США считали невозможным вторжение Греции в Албанию, потому что это угрожало созданию союза между Белградом и Афинами как опоры американской политики на Балканах для противостояния СССР. Такая акция потенциально могла подтолкнуть Москву к совершению агрессии против Югославии и вооруженному вмешательству для защиты правительства Ходжи, что давало Советскому Союзу выход к Адриатике³⁹.

³⁷ *Bekić D.* Jugoslavija u Hladnom ratu. Odnosi sa velikim silama. 1949–1955. Zagreb, 1988. S. 102.

³⁸ *Ibid.* S. 103.

³⁹ *Ibid.* S. 264.

Гипотетически достижение югославо-греческого соглашения о разделе сфер интересов в Албании вызвало бы серьезную негативную реакцию в Риме. В таких условиях американцам выгоднее было сохранить без изменений ситуацию в НРА, что полностью соответствовало югославской политике по албанскому вопросу. Вашингтон оказался в парадоксальной ситуации: он способствовал сохранению коммунистического режима Ходжи, с которым находился в конфликте, и одновременно желал его свержения. Такая позиция США временно дала югославскому руководству возможность восстановить силы и сфокусировать внимание на действиях в отношении Албании. Югославы все больше убеждались в том, что эти действия не пользовались достаточной поддержкой США, с другой стороны, они по-прежнему опасались изменения подходов Вашингтона, о чем к ним поступали единичные и непроверенные сигналы.

В начале 1950 г. среди американской общественности стала распространяться информация о возможности политического переворота в Албании и о том, что будто бы албанские оппозиционеры Гани бег Круезию и Баряктари, перейдя из Югославии на север НРА, готовят местное население к восстанию⁴⁰. Комментарии американских СМИ и дипломатов сводились к тому, что изоляция Албании и сложная экономическая ситуация в ней убедили советское руководство в нереальности планов по ее советизации, поэтому советские военные эксперты постепенно покидают страну, за исключением острова Сазан. При этом звучали утверждения и о том, что в Москве не доверяют Ходже и Шеху⁴¹, тем не менее, могли бы использовать территорию Албании в будущем конфликте в качестве плацдарма и последующей опоры как самой западной точки советского присутствия в Европе, особенно в бассейне Средиземного моря. Следовательно, небольшой по территории Албании, стране со слабо развитой экономикой, отводилась существенная роль в планах СССР и стран советского лагеря. Американские СМИ утверждали, что единственным препятствием на пути восстания против режима Ходжи остается соперничество между

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1123. Л. 49–57.

⁴¹ А. 507/IX. 1/ II-153. Преглед писања америчке штампе о Албанији.

Грецией, Италией и Югославией⁴². ЦРУ в октябре 1952 г., по-видимому, на основе оперативных разведанных, собранных в течение последних двух лет, считало, что в Албании пересекаются противоречащие друг другу интересы Греции, Италии и Югославии, что режим Ходжи слаб, в стране растет сопротивление, а Югославия пытается использовать албанских иммигрантов с целью смены власти в Тиране. Очевидно, что американская разведка строила предположения, не располагая точными сведениями. В Югославии не было никакой организованной группы албанских иммигрантов, способных свергнуть режим Ходжи, и не предпринималось никаких серьезных действий в самой Албании, направленных на свержение ее правительства и смену режима⁴³.

О стратегическом значении Албании и ее роли в возможном общем конфликте с Советским Союзом и его сателлитами, а также о югославской политике в отношении этой страны с представителями американского высшего военного командования беседовал начальник Генштаба ЮНА генерал-лейтенант Коча Попович в ходе заседаний (всего их было 12), имевших место в мае и июне 1951 г. в столице США Вашингтоне. На первом заседании, 17 мая, Попович представил данные об укреплении вооруженных сил Советского Союза и его сателлитов — соседей Югославии. Он сообщил, что Белград ожидает их совместной атаки. В связи с этим Попович упомянул и об укреплении вооруженных сил НРА, с чем американские генералы согласились⁴⁴.

На втором заседании, 18 мая, при обсуждении возможной модели обороны ФНРЮ от нападения советских сателлитов собеседники Поповича предположили, что ЮНА «в случае нападения Советов и их сателлитов» на Югославию нанесет сконцентрированный

⁴² ДАСМИП. ПА-1953. Ф. 1. 45919. Телеграм Амбасаде у Вашингтону МИП—у од 28. априла 1953.

⁴³ Yugoslav Intentions Towards Albania // From «national communism» to national collapse. US Intelligence Community Estimative Products on Yugoslavia, 1948–1990. National Intelligence Council / ed. by J. Allen, R. Kauzlarich. Washington, 2006. P. 164–169.

⁴⁴ ВА. АЈНА. ГШ-1. К.14. Ф. 7. р.б. 1/1. Записник Прве конференције одржане 17. маја 1951. у Вашингтону.

удар по Албании, уничтожив большую часть ее вооруженных сил, а оставшихся вытеснит в территориальный карман на юге Албании⁴⁵. Предполагалось, что это послужит выполнению нескольких целей: югославские войска смогут укрепить свои передовые позиции на границе с Болгарией, откроют еще один канал снабжения западных союзников в Македонии, а Советы лишатся возможности использовать албанские порты для снабжения войск НРА. Попович согласился с американской оценкой важности албанского побережья Адриатического моря и указал на две возможности использования советскими вооруженными силами албанской территории: использование порта Влёра как военно-морской базы для подводных лодок и создание большой авиабазы в одном из подходящих для этого районов Албании. Он подчеркнул, что Генеральный штаб вооруженных сил Югославии не располагает информацией о строительстве таких баз, но рассказал, что в Белграде предполагают наличие в албанских территориальных водах подводных лодок ВМФ СССР. По словам Поповича, незадолго до его отъезда в Вашингтон кораблями югославского флота была замечена неизвестная подводная лодка в районе о. Вис. Запрос о ее принадлежности, сделанный по американскому сигнальному коду, не подтвердил сразу же появившихся предположений о ее принадлежности к силам стран НАТО. Именно на этом было основано подозрение, что она советская. Когда собеседники Поповича поинтересовались его мнением относительно целесообразности строительства Советами и их союзниками воздушных баз в Албании, югослав ответил, что Советы создают эти базы по политическим и военным причинам, чтобы более эффективно использовать их в регионе при необходимости. Американскую сторону интересовала также и югославская оценка албанской способности заминировать Адриатическое море, что оказалось для югославской стороны полной неожиданностью. В ответ Попович заметил, что Албания, по югославским сведениям, не имеет на вооружении морских мин, но югославский Генеральный штаб будет отслеживать действия албанцев в Средиземном

⁴⁵ Там же. Записник Друге конференције одржане 18. маја 1951. у Вашингтону.

море, а особенно на Адриатике в связи с возможностью минирования ими водных просторов вблизи Югославии⁴⁶.

Во время третьего заседания, 19 мая, снова рассматривался албанский вопрос. В центре внимания оказался международный аспект проблемы — возможное поведение Греции и Италии. Американские представители подчеркнули, что между странами, имеющими союзнические отношения, недопустим конфликт из-за Албании⁴⁷. Попович ушел от прямого ответа, сказав, что эта проблема не обсуждалась ни перед его отъездом из Белграда, ни с греческими представителями. Американских представителей интересовала оценка Поповичем прочности режима Ходжи. Он ответил, что и заброска групп диверсантов, и формирование партизанских сил из противников режима не дадут результатов, потому что все эти силы в случае войны будут сражаться на одной стороне — защищая независимость Албании. Глава американской делегации генерал Эдельман поинтересовался, как бы Югославия отнеслась к нейтральной позиции Албании в случае военных действий армий государств советского блока против ФНРЮ, на что Попович ответил, что это будет только тактический нейтралитет, чтобы обеспечить время, необходимое для мобилизации, концентрации и стратегического развертывания албанских вооруженных сил или для оказания давления на Югославию в рамках агрессии других стран. В любом случае, югославский генерал выразил убежденность своего руководства в необходимости сохранить независимость Албании и при удобном случае убедить ее население проявить политическую волю и сменить режим в стране, что обеспечит и изменение ее внешнеполитической позиции⁴⁸.

В ходе продолжавшихся почти месяц югославо-американских военных переговоров в Вашингтоне были рассмотрены чрезвычайно важные вопросы, связанные с военной помощью США Югославии, и разрабатывались стратегические варианты защиты

⁴⁶ ВА. АЈНА. ГШ-1. К.14. Ф. 7. р.б. 1/1. Записник Друге конференције одржане 18. маја 1951. у Вашингтону.

⁴⁷ Там же. Записник Треће конференције одржане 19. маја 1951. у Вашингтону.

⁴⁸ Там же.

Югославии в случае объединенного нападения на нее Советского Союза и его восточноевропейских сателлитов. Участники переговоров сошлись во мнении по поводу исключительной важности Албании как страны, которая географически изолирована от других советских союзников, слаба в военном отношении, но представляет огромный интерес для советских военно-морских и воздушных сил, способных создать угрозу для снабжения Югославии западными странами. Сама Албания не представляла особой угрозы. Признание этого факта высвобождало значительные югославские вооруженные силы, которые были крайне необходимы на границе с Болгарией. В связи с этим югославские представители снова подтвердили необходимость сохранения независимости Албании, чтобы в будущем исключить потенциальный источник новых конфликтов на Балканах.

Албания была главной темой и седьмого совещания 24 мая. Американские генералы выразили уверенность, что СССР действует с намерением укрепить Албанию в военном отношении⁴⁹. Генерал Попович согласился с этим, подчеркнув, что отношения между Советским Союзом и Албанией отличаются от отношений, которые Москва имеет с остальными участниками советского лагеря. По его словам, в случае военного конфликта необходимо убедить Албанию сохранить нейтралитет. Из двух других вариантов — нападение Югославии на Албанию или участие НРА в военных действиях против Югославии на стороне Москвы и ее сателлитов — американцы считали последний более опасным, чем военные действия одной Албании против ФНРЮ. Обе делегации были также едины в признании опасности использования Советами албанских портов для базирования там флота, который в возможном военном конфликте будет стремиться сорвать поставки вооружений и товаров в Югославию по морю, и согласились, что СССР будет защищать эти порты весьма активно⁵⁰.

Югославской дипломатии удалось, используя свои разведывательные возможности на Западе, добыть информацию о том, что

⁴⁹ ВА. АЈНА. ГШ-1. К. 14. Ф. 7. р.б. 1/1. Записник Седме конференције одржане 24. маја 1951. у Вашингтону.

⁵⁰ Там же.

на саммите стран НАТО (в начале 1952 г. в Лиссабоне) обсуждалось геостратегическое положение Албании, а также рассматривалась югославская политика в отношении НРА и возможности албанских эмигрантских групп в ближайшем будущем свергнуть режим Ходжи. В Белграде стало известно и о состоявшихся после саммита НАТО переговорах между греческим и итальянским премьер-министрами Венизелосом и Де Гаспери в Риме⁵¹. В частности, им удалось узнать, что итальянское правительство потребовало от своих союзников по НАТО признать интересы Италии в Албании на том основании, что итальянские претензии не создают угрозу независимости этой страны, равно как и югославским и греческим интересам. По информации из того же источника, политика США учитывала слабости режима Ходжи, возможность координации действий всех албанских эмигрантских групп против режима в НРА, совместных действий западных держав. В то же время американцы считали, что Югославия не сможет ни принять участие, ни создать проблемы при реализации этой идеи западными союзниками⁵².

Взгляды Рима на перспективы развития ситуации в Албании и вокруг нее имели свои особенности. Итальянцы публично заявили, что единственным препятствием для свержения режима Ходжи является Югославия, и в случае возникновения беспорядков в Албании Югославия пойдет на все, чтобы получить максимальную выгоду⁵³. Согласно их утверждениям, югославы на своей территории организовали мощные силы из албанских эмигрантов, которые в случае возникновения в Албании беспорядков будут готовы к военному вмешательству наряду с частями ЮНА, поэтому итальянцы требовали от американцев предупредить югославов о возможных последствиях такой политики в Албании, нацеленной на присоединение Албании к Югославии. Рим постоянно повторял, что ФНРЮ не покушается на албанский суверенитет, но хочет

⁵¹ AJ. 836. I-3-b/54. Извод из информације о разговору Италијана и западних сила о решењу албанског питања.

⁵² Там же.

⁵³ Dobson A.P., Marsh S. US Foreign Policy Since 1945. London, 2000. S. 89–91.

превратить Албанию как страну с самой слабо развитой экономикой в регионе в рынок для своих товаров и капиталов⁵⁴.

В то же время переговоры Де Гаспери и Венизелоса не привели к серьезным результатам. Итальянцы предупреждали об угрозе Греции в случае превращения Албании в часть ФНРЮ. Однако греки были с этим несогласны. Тем не менее, обе стороны пришли к единому мнению, что режим Ходжи держится только на безосновательных утверждениях о греческой и югославской вооруженной угрозе албанской независимости. Греки выразили готовность отказаться от требований присоединить Северный Эпир, если итальянцы и югославы откажутся от любых попыток установить в Албании свою политическую монополию⁵⁵.

Таким образом, сближение Югославии с западным миром неожиданно актуализировало вопрос об Албании. Началась своего рода политическая игра: чье влияние в Албании будет доминировать после свержения режима Ходжи как первого шага в прекращении влияния Москвы в этой стране. Тем не менее, западные державы не могли с уверенностью предугадать советское поведение в случае подобного развития событий.

Подготовив почву для раздела сфер интересов в Албании в будущем, Греция и Италия после долгих переговоров и торга под давлением американцев все-таки заключили неформальное соглашение, которое было направлено против возможного восстановления югославского влияния в этой стране. Об этом в МИД ФНРЮ узнали от своего посольства в Афинах⁵⁶. Греция стремилась скрыть это от Югославии. Греческий посол в Белграде в разговоре с Лео Матесом⁵⁷ 30 апреля 1952 г. настаивал на том, что общий интерес Греции

⁵⁴ AJ. 836. I-3-b/54. Извод из информације о разговору Италијана и западних сила о решењу албанског питања.

⁵⁵ Клог Р. Историја Грчке новог доба. Београд, 2000. С. 94.

⁵⁶ ДАСМИП. ПА-1953. Ф. 1. 43772. Шифровано писмо МИП-а Амбасади у Вашингтону од 31. марта 1953.

⁵⁷ Лео Матес (1911–1991). До Второй мировой войны был на руководящих постах в Союзе коммунистической молодежи Югославии. Эмигрировал в Австрию и Чехословакию. В начале войны был членом одной из организаций КПЮ в Загребе. После 1945 г. — главный редактор ТАНЮГ,

и Югославии в Албании заключается в недопущении иностранного вмешательства, поскольку это пойдет на пользу Советскому Союзу и поставит Югославию и Грецию в незавидное положение. Но так как Албания не может быть экономически независимой, то необходимо взять ее под опеку ООН⁵⁸. Матес вновь озвучил югославскую позицию о необходимости сохранения независимости Албании, но посол Греции остался при своем мнении⁵⁹.

Тем не менее, следуя американскому совету, греческие представители, находившиеся в контакте с югославскими коллегами, вскоре изменили свою позицию и также заявили о необходимости сохранения албанского суверенитета. Посол ФНРЮ в Афинах Йованович во время беседы с греческим послом Варвутисом 2 мая 1952 г. подчеркнул, что понимает национальные чувства греков в отношении Северного Эпира, но в интересах обеих стран — сохранить независимую и стабильную Албанию. Однако в случае конфликта со странами Коминформа Югославия и Греция должны выработать общую позицию и договориться о способах привлечения Албании на свою сторону⁶⁰.

Югославская дипломатия через посольство в Афинах регулярно получала информацию об интригах Рима вокруг югославской политики в Греции. Итальянцы распространяли ложную информацию о том, что вражда между Югославией и Советским Союзом всего лишь ухищрение и что Югославия в удобный момент захватит Эгейскую Македонию и Салоники, аннексирует Албанию и будет угрожать существованию Греции⁶¹. Эта дезинформация серьезно не воспринималась, хотя посол в Афинах Йованович

советник посольства Югославии в Великобритании, заместитель министра иностранных дел, в составе югославской делегации участвовал в заседаниях ГА ООН, работал руководителем секретариата президента республики. Последняя должность — директор Института международной политики и экономики (в Белграде).

⁵⁸ ДАСМИП. ПА-1952. Строго поверливо. Ф. 1. 852. Телеграм МИП-а амбасада у Вашингтону, Паризу, Лондону, Риму и Атини од 30. априла 1952.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ ДАСМИП. ПА-1952. Строго поверливо. Ф. 1. 4621. Телеграм Амбасаде у Атини МИП-у од 3. маја 1952.

⁶¹ Там же. Телеграм Амбасаде у Атини МИП-у од 4. маја 1952.

не исключал возможности компромисса с Грецией в отношении Албании. Он считал, что статус опекаемой ООН Албании устроит и Грецию, и Италию, и США⁶².

В связи с этим активизировалось сотрудничество между комитетами албанских эмигрантов в Греции и Италии. Согласно югославской информации, в первые дни после смерти Сталина Греция начала концентрировать вооруженные силы на границе с Албанией. У югославских дипломатов сложилось впечатление, что греческое и итальянское правительства считали свое влияние в Албании недостаточным и поэтому опасались укрепления проюгославских сил в этой стране после ожидаемого падения режима Ходжи⁶³. Точно так же в Югославии считали, что если Греция опасается укрепления итальянского влияния в Албании, которое традиционно было сильнее греческого, то это должно породить у Афин понимание того, что они не смогут присоединить Северный Эпир в случае падения режима Ходжи и что их влияние в независимой Албании будет незначительным, поэтому они вовсе не стремятся к падению режима Ходжи. Но исходя из того, что традиционное итальянское влияние в Албании значительно сильнее греческого, в Югославии, на основании донесений посольства в Афинах, считали, что если все-таки режим Ходжи падет, греки попытаются с американской помощью присоединить Северный Эпир⁶⁴.

С другой стороны, и британские дипломаты интересовались югославской политикой в Албании. В беседе с югославским представителем в Вене Вучиничем английские дипломаты Качча и Томпсон пытались выяснить югославское отношение к Ходже и источник информации югославских дипломатов об итальянской политике в НРА. У Вучинича возникло впечатление, что албанский вопрос привлек почти такое же внимание британских служб, как и триестский⁶⁵. Неожиданно для всех присутствующих

⁶² Там же.

⁶³ Там же. Телеграм Амбасаде у Атини МИП-у од 3. маја 1952.

⁶⁴ ДАСМИП. ПА-1953. Ф. 1. 43772. Телеграм Амбасаде у Атини МИП-у од 20. марта 1953.

⁶⁵ ДАСМИП. ПА-1953. Ф. 1. 43951. Телеграм Амбасаде у Бечу МИП-у од 25. марта 1953.

итальянский посол в Вене, не пытаясь скрыть свой интерес, напрямую начал расспрашивать о югославской позиции в отношении Албании.

Английская и югославская позиции совпадали. И в Лондоне, и в Белграде считали, что Албания имеет большое военное значение для СССР, поэтому не следует вмешиваться в ее внутренние дела, а в случае общего конфликта Албанию будет легко нейтрализовать с помощью греческих и югославских войск. Англичане полагали, что в случае внутренних перемен в Албании необходимо согласование действий с правительствами Греции, Югославии и Италии, к заинтересованности которых в этой стране они относились с пониманием как к важному фактору сохранения союзнических отношений⁶⁶. Об английской политике в Албании югославский посол в Великобритании Владимир Велебит⁶⁷ 26 мая в Лондоне говорил с влиятельным консервативным политиком Джулианом Эмери, хорошо знающим Балканы и являющимся одним из разработчиков балканской политики Англии⁶⁸. Эмери пояснил, что Великобритания признает интересы Италии в Албании, так как они обоснованы. Эмери считал необходимым заранее подготовить будущее албанское правительство из представителей албанской эмиграции в Италии и умеренных албанских эмигрантов в Югославии. Британский политик отметил также, что Лондон

⁶⁶ ДАСМИП. ПА-1953. Ф. 1. 46475. Телеграм Амбасаде у Лондону МИП–у од 15. маја 1953.

⁶⁷ Владимир Велебит (1907–2001). Родился в известной офицерской семье. До Второй мировой войны получил степень доктора юриспруденции и работал судебным служащим. В 1943 г. — глава военной миссии югославских партизан в Каире, затем — ее глава в звании генерал-майора НОАЮ. Сыграл важную роль в привлечении западных союзников к поддержке народно-освободительной борьбы в Югославии. После 1945 г. — заместитель министра иностранных дел, впоследствии — посол в Риме и Лондоне, заместитель государственного секретаря по иностранным делам ФНРЮ, председатель Комитета по туризму и гостиничному сервису СИВ. Дипломатическую карьеру завершил в должности секретаря Европейской экономической комиссии ООН в Женеве.

⁶⁸ ДАСМИП. ПА-1953. Ф. 1. 46935. Телеграм Амбасаде у Лондону МИП–у од 26. маја 1953.

рассчитывает, что новое албанское правительство выстроит дружеские отношения с Югославией и Грецией, и, в меньшей степени, с Италией. Эмери подчеркнул, что это убеждение разделяют в Вашингтоне и Париже⁶⁹.

Но британское правительство опасалось усиления итальянского влияния как в Албании, так и во всем Средиземноморском регионе, так как оно могло дестабилизировать достигнутое равновесие на Балканах и нарушить межсоюзнические договоренности периода Второй мировой войны, которые гарантировали независимость Албанского государства. С другой стороны, Лондон считал, что Албания, как страна слабая в военном отношении и расположенная между Югославией и Грецией, в случае некоего общего конфликта не сможет сыграть значительную военную роль на Балканах и в Средиземноморском бассейне.

Проблема усиления итальянского влияния в Албании была поднята и Й. Брозом Тито в разговоре с Уинстоном Черчиллем, состоявшемся 17 марта 1953 г. в Лондоне. Броз подтвердил югославскую приверженность сохранению албанской независимости, что было поддержано Черчиллем. Оба государственных лидера сошлись во мнении, что Албания не имеет большого военного значения для СССР и его блока, за исключением вопроса о военно-морской базе на острове Сассен⁷⁰.

Французское правительство также стремилось выяснить югославскую реакцию в случае внутренних беспорядков в Албании. В 1949 г. французы располагали недостоверной информацией, согласно которой югославское правительство на своей территории организует албанских эмигрантов для совершения военной акции с целью свержения правительства Ходжи⁷¹. Французский сенатор Хамон пытался получить от советника югославского посольства в Париже Славолюба Петровича Джере информацию о том, возможен ли раздел Албании между Югославией и Италией. Петрович прямо ответил, что малопонятные маневры некоторых западных

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ АЈ. 837. КПР, I-2/1. Стенографске забелешке са званичних разговора приликом посете друга Председника Лондону, 16–21. марта 1953.

⁷¹ *Bekić D.* Jugoslavija u Hladnom ratu. S. 51.

держав не только не приносят пользы, а, наоборот, содействуют агрессивной политике Советского Союза на Балканах, поэтому Югославия не желает участвовать в этой игре⁷². Бросающийся в глаза интерес французов к албанской политике ФНРЮ несомненно носил разведывательный характер. Он был обусловлен тем, что югославское отношение к возможным беспорядкам в Албании было неизвестно Парижу. В Бонне немецкие политики и члены иностранного дипломатического корпуса открыто спрашивали у работников посольства ФНРЮ о ситуации в Албании, о том, находятся ли там советские войска или только военные советники, строятся ли военно-морские базы, присутствует ли советский флот, а также о деятельности в Албании эмигрантов, вернувшихся туда из Италии⁷³.

В итоге, в связи с повышенным интересом западных дипломатов к югославской позиции по Албании заместитель министра иностранных дел ФНРЮ Лео Матес 31 мая 1952 г. отправил инструкции для всех югославских дипломатических миссий. Югославским дипломатам предписывалось собирать информацию по данному вопросу, ничем не выдавая особого интереса к нему, озвучивать югославскую позицию о необходимости уважения и поддержания независимости Албании⁷⁴. Югославская дипломатия имела в своем распоряжении информацию, что Италия предложила НАТО в случае войны взять на себя защиту албанской территории, но к предложению Рима, согласно югославским источникам, никто в НАТО серьезно не отнесся⁷⁵.

Летом 1953 г. во французских дипломатических кругах и общественности распространились слухи о возможной югославской военной операции в Албании⁷⁶. Посол ФНРЮ в Париже Срджа

⁷² ДАСМИП. ПА-1951. Строго поверливо. Ф. 1. 1244. Телеграм Амбаскаде у Паризу МИП–у од 8. јуна 1951.

⁷³ ДАСМИП. ПА-1952. Строго поверливо. Ф. 1. 640. Телеграм Амбаскаде у Бону МИП–у од 30. маја 1952.

⁷⁴ Там же. Ф. 1. 848. Телеграм Леа Матеса свим дипломатским представништвима ФНРЈ од 31. маја 1952.

⁷⁵ Там же. Ф. 1. 358. Телеграм Амбаскаде у Анкари МИП–у од 30. јуна 1952.

⁷⁶ ДАСМИП. ПА-1953. Ф. 1. 43034. Телеграм Амбаскаде у Паризу МИП–у од 6. марта 1953.

Прица⁷⁷, пытаясь определить источник этих слухов, пришел к выводу, что за ними стоит Италия. Ее дипломаты запустили эту газетную утку французским журналистам, обвиняя Югославию в разжигании беспорядков в Албании для создания повода к скорому военному вмешательству⁷⁸. Это была одна из интриг итальянской дипломатии, направленная на компрометацию югославской политики в Албании и устранение влияния Югославии в случае актуализации албанского вопроса. Белград быстро отреагировал, опровергнув слухи о предполагаемой концентрации югославских войск на югославо-албанской границе⁷⁹. Параллельно с этим югославским СМИ было предписано проявлять осторожность при публикации информации об Албании. Югославская дипломатия считала, что эти сенсационные новости о югославских захватнических намерениях благодаря хронически трудной внутренней ситуации в Албании и смерти Сталина распространялись итальянцами чаще, чем вести о скором падении режима Ходжи. Эти шаги Рима вызывали недоверие западных держав к Югославии; итальянцы стремились создать образ страны, желающей укрепления своих внешнеполитических позиций для завоевания территорий и дестабилизации балканского региона⁸⁰.

Итальянская дипломатия использовала ряд различных дипломатических методов и процедур, направленных на устранение влияния Югославии и создание максимально благоприятных условий для их собственных действий на территории Албании в случае

⁷⁷ Срджа Прица (1905–1984) до Второй мировой войны окончил юридический факультет, с 1935 г. как член нелегальной Коммунистической партии Югославии находился в эмиграции в Австрии, Чехословакии, Франции, а также США, где был редактором газеты «Свободная речь». После войны вернулся в Белград и работал редактором профсоюзной газеты «Работа». В 1947 г. поступил на работу в МИД ФНРЮ. Был послом в Великобритании, Франции и Италии. Способствовал возвращению из изгнания писателя Милоша Црнянского.

⁷⁸ ДАСМИП. ПА-1953. Ф. 1. 43034. Телеграм Амбаскаде у Паризу МИП–у од 6. марта 1953.

⁷⁹ ДАСМИП. ПА-1953. Ф. 1. 430406. Телеграм МИП–а амбасадама ФНРЈ у Вашингтону, Паризу, Бону и Риму од 17. марта 1953.

⁸⁰ Там же.

внутренних беспорядков и падения режима Ходжи. В самой Италии выражали обеспокоенность тем, что развитие ситуации в Албании будет на руку Югославии, что обесценит все итальянские комбинации по отношению к этой стране. Итальянцы считали, что их позиции в Албании слабы из-за сближения Греции и Югославии и проюгославской ориентации албанской оппозиции. Поэтому итальянское правительство было согласно получить американские гарантии сохранения существующего состояния в Албании, чтобы не нарушить сложившееся в бассейне Средиземного моря равновесие сил⁸¹. В связи с этим Рим стремился заручиться поддержкой правительства Греции. Генерал Марас во время визита в Афины пытался сформировать у принимавших его греков убеждение, что Югославия не станет вторгаться в Албанию, потому что боится реакции Советов, равно как и реакции западных стран, и потому готовит на своей территории новое албанское правительство и ждет удобного момента, чтобы вмешаться во внутренние события в этой стране⁸². Рим хотел заручиться поддержкой Афин, но ему это не удалось, так как греческое правительство устраивал только что созданный альянс с Югославией.

В афинской прессе также появились спекуляции о якобы югославских агрессивных намерениях в отношении Албании. Будто бы Афины и Белград договорились, что Северный Эпир отойдет Греции, а северная часть Албании присоединится к Югославии в качестве седьмой югославской республики, на что Й. Броз Тито во время визита в Великобританию пытался заручиться британским согласием⁸³. Доступные архивные источники не подтверждают таких намерений югославского лидера.

Весной 1953 г. в западной прессе появилась серия статей о якобы начавшемся в Албании вооруженном восстании против режима Ходжи, что у общественности вызвало противоречивую реак-

⁸¹ ДАСМИП. ПА-1953. Ф. 1. 43406. Телеграм Амбасаде у Риму МИП—у од 15. марта 1953.

⁸² ДАСМИП. ПА-1953. Ф. 1. 49506. Телеграм Амбасаде у Паризу МИП—у од 10. марта 1953.

⁸³ ДАСМИП. ПА-1953. Ф. 1. 46248. Телеграм Амбасаде у Хелсинкију МИП—у од 9. маја 1953.

цию. Новости о предполагаемых действиях партизан в Албании тщательно изучались дипломатами посольств социалистических стран. Одни считали, что в этой ситуации Москва могла бы послать войска в Албанию, чтобы очистить ее территорию от вооруженной оппозиции и тем самым получить возможность укрепить свои позиции в этой стране и, что особенно важно, на Адриатике. Другие предполагали, что вместе с тем и сами советские представители могли распространять слухи о вооруженном восстании в Албании, чтобы воспользоваться ситуацией для расширения там своего военного присутствия⁸⁴.

Югославский конфликт со странами Коминформа, особенно с Албанией, и, можно с уверенностью говорить, вынужденный поворот Югославии в сторону западных держав оказали сильное влияние на геостратегическое положение Албании. Западные державы, которые после 1946 г. почти полностью утратили позиции в Албании, стремились восстановить свое влияние на этой территории. Более того, в Албании сталкивались интересы Югославии, Греции и Италии, которые каждая по-своему стремились их защитить. На пути к достижению всеми заинтересованными сторонами своих целей находился режим Ходжи, несмотря на сложную экономическую ситуацию в стране сохранявший власть благодаря умело разыгрываемой теме внешней угрозы. Хотя Албания была географически отрезана от СССР и его восточноевропейских союзников, для западных держав существовал ряд проблем, связанных с опасением, что какие-либо действия против Албании могут вызвать жесткую советскую реакцию. Тщательно изучив все международные обстоятельства, расстановку сил, влияние, политический и военный потенциалы каждой из заинтересованных сторон, американская дипломатия пришла к выводу, что любое внешнее вмешательство в Албанию вызовет сильную реакцию со стороны других государств и что на практике невозможно найти компромисс между интересами всех сторон. Американская поддержка любой из стран привела бы к потере одного, а возможно и двух союзников в регионе и в конечном итоге к дестабилизации на Балканах

⁸⁴ ДАСМИП. ПА-1953. Ф. 1. 43659. Телеграм Амбасаде у Варшави МИП—у од 18. марта 1953.

и отчасти в Средиземноморье. Поэтому в интересах США в регионе, не нарушая глобальное соотношение сил, следовало сохранить текущее положение в Албании и в конечном итоге оставить дело свержения режима Ходжи внутренней оппозиции, недовольной сложной экономической ситуацией в стране.

Как и американская дипломатия, югославская сторона пришла к выводу, что любая попытка извне уничтожить существующую власть в Албании вызовет серьезный конфликт в регионе, а этнически гомогенное албанское общество окажет сопротивление внешнему вмешательству, которое албанцы в любом случае, независимо от их идеологической приверженности, будут считать агрессией. Югославская настойчивость предоставить Албанию самой себе и дать албанцам право самим решать, каким будет режим в их стране, была нацелена на поддержание независимости албанского государства как гаранта предотвращения конфликтов Греции, Югославии и Италии. Схожесть югославской позиции по албанскому вопросу с подходами американской и британской дипломатии во многом способствовала сближению Югославии с западными державами и заключению важных и необходимых военных и экономических соглашений с ними в последующий период. Свое отношение к вопросу о положении Албании Белград отстаивал в контактах с западными державами и во время новой актуализации вопроса о месте и роли Албании в международных отношениях в новых условиях, сложившихся после смерти И. В. Сталина.

III

НОРМАЛИЗАЦИЯ, РАЗНОГЛАСИЯ И ПОПЫТКИ ПРИМИРЕНИЯ (1956–1968 гг.)

Глава 7

Советский Союз и югославско-албанские отношения (1956–1961 гг.)

Для социалистического лагеря вторая половина 1956 г. была ознаменована рядом потрясений. В некоторых восточноевропейских странах стремление к радикальной десталинизации государства и общества, политической, экономической и социальной либерализации стало реакцией на решения XX съезда КПСС. Движения, выступавшие за проведение реформ, были наиболее мощными в Венгрии и Польше. Югославия, все еще не завершившая нормализацию отношений с восточноевропейскими странами и имевшая репутацию первой страны, воспротивившейся гегемонии СССР, заняла предельно независимую позицию в отношении всех этих событий и особенно венгерского кризиса¹. Ввиду того что

¹ Об отношении Югославии к венгерскому кризису см. подробнее: *Granville J.* The First Domino: International Decision Making during the Hungarian Crisis of 1956. Texas, 2004; *Bekes C.* The 1956 Hungarian Revolution and World Politics // Cold War International History Project. Working Papers. Washington, 1996. № 16. P. 1–35; *Campbell J. C.* The Soviet Union, the United States and Twin Crisis of Hungary and Suez // *Louis W. M., Owen R.* Suez 1956. The Crisis and its Consequences. Oxford, 1989. P. 233–253; *Dimić Lj.* Josip Broz, Nikita Sergejevič Hruščov i mađarsko pitanje // Tokovi istorije. 1998. № 1–4. S. 23–59; *Gibiński L.* Sovjetsko-jugoslovenski odnosi i Mađarska revolucija 1956. godine // Jugoslovenski istorijski časopis. 1996. № 1–2. S. 151–170; *Idem.* Soviet – Yugoslav relations and the Hungarian Revolution of 1956 // Cold War International History Project Bulletin. 1998. № 10. P. 139–148; *Granville J.* The Soviet-Yugoslav detente, Belgrade-Budapest Relations and Hungarian Revolution (1955–1956) // Hungarian Studies Review. 1997. № 1–2. P. 15–63; *Idem.* Josip Broz Tito's role in the

отношение Югославии к кризису в Венгрии отражалось и на ее связях с другими социалистическими странами, оно не могло не сказаться на отношениях с Албанией — самым бескомпромиссным, с идеологической точки зрения, членом восточного лагеря. Кризисные явления, имевшие место в социалистическом блоке, совпали по времени с Ближневосточным кризисом, вызванным национализацией Египтом Суэцкого канала. Югославия играла активную роль в урегулировании данной ситуации, что также в значительной мере сказывалось на ее отношениях с восточноевропейскими странами, которые старались по ближневосточному вопросу выступать единым фронтом². Позиция югославского правительства по поводу происходившего внутри соцлагеря и на Ближнем Востоке косвенным образом отражалась и на состоянии отношений

1956 «Nagy affair» // *Slavonic and East European Review*. 1998. № 4. P. 672–702; Idem. Hungary, 1956: the Yugoslav connection // *Europe — Asia Studies*. 1998. № 3. P. 493–517; *Keckes G.* The Suez Crisis and 1956 Hungarian Revolution // *East European Quarterly*. 2001. № 1. P. 17–31; *Kovačević K.* Yugoslav-Hungarian Relations 1953–1956 // *Velike sile i male države u Hladnom ratu — slučaj Jugoslavije*. Beograd, 2005. P. 140–158; *Marković P.* Jugoslavija i Mađarska kriza 1956. godine u svetlu britanskih izvora i pisanja beogradске štampe // *Balkan posle Drugog svetskog rata*. Beograd, 1996. S. 143–154; *Rajak S.* Jugoslovensko-sovjetski odnosi u 1956. godini i Mađarska kriza u izveštajima britanskih diplomata u Beogradu // *Istorija XX veka*. 2000. № 2. S. 83–97; *Ripp Z.* Hungary's part in Soviet — Yugoslav Conflict, 1956–58 // *Contemporary European History*. 1998. № 2. P. 197–225; *Vamos P.* Evolution and Revolution: Sino-Hungarian Relations and the 1956 Revolution // *Cold War International History Project. Working Papers*. Washington, 1996. № 54. P. 1–44; *Мусатов В.Л.* СССР и венгерские события 1956 г.: Новые архивные материалы // *Новая и новейшая история*. 1993. № 1. С. 3–22; *Исламов Т.М.* Венгерское восстание 1956 г. в отечественной историографии // *Вопросы истории*. 1997. № 11. С. 42–55; *Губианский Л.Я.* Н.С. Хрущев, И. Броз Тито и венгерский кризис 1956 г. // *Новая и новейшая история*. 1999. № 1. С. 10–29.

² Об отношении Югославии к Суэцкому кризису см. подробнее: *Животућ А.* Југославија и Суецка криза 1956–1957. Београд, 2008; *Rajak S.* Jugoslovensko-sovjetski odnosi u 1956. godini i Mađarska kriza... S. 83–97; *Bogetić D.* Nova strategija spoljne politike Jugoslavije 1956–1961. Beograd, 2006, С. 126–138; *Богетућ Д.* Југославија и Запад у сенци Суецке кризе // *Архив, година IV*. 2004. № 1–2. С. 110–123.

между Белградом и Тираной³. Наряду с этим, внимание албанской дипломатии, стремившейся к нормализации отношений с Афинами, было направлено на кипрскую проблему и все более острое противостояние между Грецией и Турцией. Этот вопрос волновал и Югославию, которую объединяли узы союзничества и с Грецией, и с Турцией. Конфликт ее союзников по Балканскому пакту серьезным образом сказывался и на ее отношениях с НРА.

Судя по имеющимся в нашем распоряжении источникам, во время визита в Югославию (22–29 октября 1956 г.) официальной румынской делегации во главе с Георге Георгиу-Дежем значительное внимание было уделено обсуждению ситуации в Венгрии. Совершенно неожиданно для румынских гостей Йосип Броз и Эдвард Кардель подвергли критике советскую экономическую доктрину и внешнеполитический курс Кремля, особенно его венгерское направление⁴. Тогда же Броз Тито открыто заявил, что не понимает политику албанского руководства, настаивавшего на сохранении существовавшего положения вещей и отрицавшего необходимость проведения постсталинских преобразований⁵. Тем не менее, переговоры произвели глубокое впечатление на членов румынской делегации. Спустя месяц в Бухаресте Деж в разговоре с советским послом Епишевым подчеркнул, что, по его мнению, югославы занимают неправильную позицию по отношению к Албании. Кроме того, Деж заявил, что намеревается обратиться к Тито — предложить свое посредничество⁶.

Понимая, что советская политика ставит целью полное уничтожение в Венгрии движения, представлявшего угрозу для внутреннего устройства социалистического блока, албанское руководство приняло решение неукоснительно следовать советской политике в отношении Будапешта. Восьмого ноября 1956 г. на заседании по поводу 15-й годовщины основания КП Албании Ходжа в выступлении (9 ноября оно было напечатано в газете *Zëri*

³ *Lalaj A.* 1956 — Tronditje në «kampin» komunist // *Studime historike*. 2007. № 1–2. P. 171–188.

⁴ *AJ*. 837. I-3-a/27–8. Белешка о разговорима југословенске и румунске државне делегације 22–29. октобра 1956.

⁵ Там же.

⁶ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. М., 1998. С. 694–696.

i Popullit), посвященном важным вопросам внутренней политики Албании и международной обстановки, остановился и на кризисе в Венгрии. Ответственность за происходившее в ней он возложил на международную реакцию и американский империализм, стремившихся, по его словам, упразднить в Венгрии социализм и реставрировать хортиевскую фашистскую диктатуру⁷. Ходжа подчеркнул, что албанский народ ненавидит «внешних врагов-империалистов, подготовивших заговор, обманувших честных трудящихся Венгрии» и развязавших контрреволюцию, направленную на восстановление «ненавистного режима графов, Ватикана, капиталистов, империалистов и лжедемократов»⁸. Хотя Югославия не упоминалась напрямую, в речи Ходжи можно было отчетливо различить аллегорические обвинения в ее адрес в связи с позицией по венгерским событиям, отношениями с Западом, а также ролью Белграда внутри социалистического лагеря.

13 ноября 1956 г., обращаясь к албанскому народному собранию, премьер Мехмед Шеху подчеркнул, что албанское правительство осуждает «империалистических агентов, антимарксистских антисоциалистических демагогов», использовавших недовольство части венгерских трудящихся, организовавших контрреволюционные банды, которым открыл дорогу «бандит и враг социализма Имре Надь, желавший восстановления капитализма»⁹. По словам оратора, произошедшее стало горьким уроком для всех, кто стремится к построению социализма, для всех марксистско-ленинских партий. Шеху не упустил момент, чтобы снова указать на то, что ход событий продемонстрировал правильность политического курса КПА, и партия, наученная венгерским опытом, повысит бдительность, чтобы в Албании «агенты империализма и капитализма» не проникли в ряды коммунистов¹⁰. На практике это означало, что

⁷ АЈ. 837. КПР. I-5-с/1259. Извод из говора Е. Хоџе на заседању поводом 15-годишњице оснивања Комунистичке партије Албаније, Тирана 8. новембра 1956.

⁸ Там же.

⁹ АЈ. 837. КПР. I-5-с/1268. Резиме говора М. Шеху на заседању албанске народне скупштине 13. новембра 1956.

¹⁰ Там же.

АПТ и дальше будет придерживаться сталинистских принципов, исключавших возможность самореформирования и подразумевавших ужесточение системы внутренних репрессий с целью сохранения общественного строя в абсолютно неизменном виде. Во время того же выступления Шеху отметил, что основой албанской внешней политики является крепкий союз с СССР.

Позиция Югославии по венгерскому вопросу и реакция на нее Албании вызывали острые разногласия югославских представителей с советскими дипломатами в Белграде. 13 ноября 1956 г. Добрич Видич в разговоре с послом Фирюбиным¹¹ упомянул статью Ходжи в «Правде»¹², содержащую ряд обвинений в адрес политики Белграда в отношении стран — членов соцлагеря¹³. Видич, отражая югославскую точку зрения, заметил, что утверждения Ходжи напрямую противоречили решениям XX съезда КПСС и, в первую очередь, теоретическим установкам, определявшим характер отношений между социалистическими странами. Белград тревожил тот факт, что статья Ходжи, опубликованная в «Правде», могла отражать позицию советского партийного руководства. Фирюбин, нервничавший после слов Видича, постарался убедить его в незначительности «того, что публикует пресса». При этом советский представитель напомнил, что не обращает внимания на содержащиеся в югославской прессе, особенно в «Борбе», критические материалы о советской политике в Венгрии, выходявшие за подписью Добрицы Чосича и Гавро Алтмана. Видич ответил, что таковы взгляды писателей и журналистов, а не партийного руководства¹⁴. Разговор, завершившийся в дружеской атмосфере, четко очертил

¹¹ Фирюбин Николай Павлович (1908–1983). До 1953 г. занимал ряд высоких партийных должностей. В 1953–1954 гг. — советник советского посольства в Чехословакии, а в 1954–1955 гг. — посол СССР в Чехословакии. Посол в Белграде в 1955–57 гг. С осени 1957 г. до конца жизни — заместитель министра иностранных дел СССР.

¹² Правда. 1956. 8 XI. С. 3.

¹³ АЈ. 837. КПР. I-3-а/1254. Белешка о разговору заменика државног секретара Д. Видића са совјетским амбасадором Н. Фирјубином на ручку који је 13. новембра 1956. у част совјетске војне делегације организовао начелник генералштаба Љубо Вучковић.

¹⁴ Там же.

направления развития советско-югославских отношений, направляющую влиявшего и на отношения Югославии с Албанией.

Вскоре последовала реакция руководства Албанской рабочей партии на речь, произнесенную Брозом в Пуле, и ее тиражирование в югославских СМИ. 23 ноября 1956 г. на четвертой странице *Zëri i Popullit* была напечатана редакционная статья «К вопросу о недавней речи Йосипа Броза»¹⁵. В самом ее начале указывалось, что политические взгляды генерального секретаря СКЮ противоречат марксистско-ленинскому учению, принципам международной солидарности трудящихся и международного рабочего движения¹⁶. Не была обойдена вниманием и та часть выступления югославского лидера, в которой он оценил венгерские события как спонтанное и оправданное восстание, именуемое албанским изданием не иначе как контрреволюционный переворот. Откровенным намеком на позицию Югославии стали слова о «враге, с которого сорвана маска, который показал свое подлинное лицо». «Ясно, — продолжил автор редакционной статьи, — чего хотели те, кто скрывался за демагогическими лозунгами исправления ошибок ради достижения истинной демократии, полного национального суверенитета и благосостояния масс». Цитируемая статья содержала и личностную характеристику Броза, обвиненного в полном отказе от следования линии марксизма-ленинизма. Политика Ракоши откровенно защищалась, а Тито был брошен упрек в том, что, указав на ошибки многолетнего руководителя Венгрии, оратор не упомянул деятельность империалистов, реакционной эмиграции и остатков буржуазии. Автор текста оправдал обе советские интервенции, подчеркивая, что СССР выполнил свой интернациональный долг — во второй раз освободил венгерский народ и защитил мир во всем мире. «Ведь империалисты хотели превратить Венгрию в очаг войны и агрессии».

Югославское руководство было обвинено в том, что, укрыв Имре Надя в своем посольстве, оно вызвало праведный гнев венгерского и других народов социалистических стран, стремившихся к полному «разгрому попытки империалистического реванша».

¹⁵ AJ. 837. I-5–с/1292. Чланак «У вези говора који је у последње време одржао Јосип Броз».

¹⁶ Там же.

Югославская печать подверглась нападкам за то, что, публикуя материалы о кружке «Петёфи» и перепечатывая «контрреволюционные» венгерские статьи, она стимулировала контрреволюцию в Венгрии. Острой критике подверглось и титовское разделение коммунистов на сталинистов и несталинистов, а также его поддержка борьбы с культом личности, якобы продиктованная стремлением посеять рознь внутри социалистического и международного рабочего движения. Оценивая роль Югославии в международных отношениях, автор статьи критиковал ее за преувеличение собственного значения. Отдельный комментарий был посвящен югославской позиции в отношении Албании. Антисталинистский выпад Броза был воспринят как критика руководства АПТ. Кроме того, вербальной атаке подверглась и югославская печать, постоянно нападавшая на албанское государство и партию, которая «твердо защищала свою страну, народ, свободу, марксистско-ленинскую линию, дружбу с СССР» и служила главным препятствием «югославским империалистическим намерениям». Позиция Югославии была оценена как грубое вмешательство во внутренние дела Албании, названа антимакистской и шовинистической. Подчеркивалось, что Албания приложила значительные усилия для нормализации отношений с ФНРЮ, но они не встретили поддержки и понимания югославской стороны. В статье было отмечено, что выступление Й. Броза в Пуле, как одна из многих попыток вмешательства во внутренние дела Албании, по содержанию представляло особую опасность, ибо в нем содержался призыв к разгрому внутреннего устройства НРА и свержению ее правительства. В конце текста автор подтвердил приверженность партийного руководства прежнему курсу и решимость в будущем дать отпор любым тенденциям, которые могли бы привести к повторению венгерского сценария¹⁷. Редакционная статья в *Zëri i Popullit* положила конец попыткам югославо-албанской нормализации и ознаменовала начало нового этапа противостояния двух стран. Кроме того, был ясно озвучен отказ от изменения внешнеполитического курса, проведения внутриполитических реформ и либерализации общественной жизни.

¹⁷ Там же.

26 ноября 1956 г. речь Й. Броза Тито в Пуле стала предметом обсуждения во время встречи в Тиране председателя правительства НРА Шеху и советского временного поверенного в делах Хошева¹⁸. Суммировав обвинения, опубликованные в албанской печати, Шеху подверг позицию Тито серьезной критике. Хошев в целом с ней согласился, оговорившись, однако, что считает ее слишком резкой, особенно в той части, которая касается отношения Белграда к событиям в Венгрии. Советский представитель довел до сведения Шеху, что, хотя позиции их стран принципиально совпадают, манера поведения албанского руководства не может быть одобрена¹⁹.

На выступление Й. Броза Тито отреагировали и дипломаты стран соцлагеря, служившие в Тиране. Посол Болгарии одновременно и критиковал советскую интервенцию в Венгрии, и похвально отзывался о позиции СССР в данном кризисе. Посол Венгрии, пребывавший в панике, обратился к югославскому коллеге Милатовичу с просьбой о возможном представлении убежища, на что получил положительный ответ. Посол Польши хвалил Югославию, а также жаловался, что находится в Тиране в полной изоляции, так как албанцы запретили своим гражданам, являвшимся ранее студентами в университетах Польши, поддерживать любые контакты с посольством ПНР в Тиране. Он также жаловался, что албанка, работавшая до недавнего времени переводчиком при посольстве, уволилась, а советский посол его игнорирует²⁰.

В начале декабря, после возвращения в Тирану из Китая с непродолжительной остановкой в Москве Энвер Ходжа на заседании Политбюро ЦК АПТ заявил, что югославская теория о различных путях построения социализма ошибочна и заслуживает острой критики²¹. Участники заседания подчеркнули, что полити-

¹⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 477. Л. 20–24. Запись беседы временного поверенного в делах СССР в НРА Хошева с Мехмедом Шеху 27 ноября 1956 г.

¹⁹ Там же.

²⁰ АЖ. 837. I-5–с/1207. Телеграм посланства у Тираны Државном секретаријату за иностране послове од 28. новембра 1956.

²¹ Постановление Президиума ЦК КПСС о направлении руководителям коммунистических и рабочих партий материалов о взаимоотношении

ка Белграда наносит вред всему миру социализма и служит препятствием дальнейшему развитию политических и партийных контактов между Югославией и Албанией. Руководствуясь данным представлением, Политбюро ЦК АПТ осудило югославское вмешательство во внутренние дела Венгрии, приведшее к многочисленным человеческим жертвам, разорению венгерского народного хозяйства и попытке дискредитации советского внешнеполитического курса²². Во время вышеупомянутого заседания Ходжа рассказал, что в Москве его проинформировали о связях Белграда с Западом, о его действиях, направленных против социализма. Решения Политбюро стали для Ходжи карт-бланшем на развязывание пропагандистской кампании против Югославии. В мемуарах Ходжа также вспоминал, что во время разговора в Тиране с советским послом он жестко критиковал СССР за попустительство Югославии²³. Мы на основе доступных нам источников не в состоянии проверить достоверность подобных утверждений. Югославская сторона по своим разведывательным каналам получила решения Политбюро АПТ, о чем Тито 3 декабря 1956 г. оповестил Хрущева²⁴. Обращение Тито к Хрущеву было мотивировано не только шагами, предпринятыми Ходжей, но и в целом отношением соцлагеря к Югославии в связи с ее позицией по венгерской проблеме. Хрущев в ответе, который последовал только 10 января²⁵, дал понять, что Кремль критиковал албанское руководство за решение Политбюро АПТ начать пропагандистскую кампанию против Югославии, указав, что принятие такого спорного документа наносит вред развитию югославо-албанских отношений.

ях КПСС и СКЮ, 19 декабря 1956 г. // Советский Союз и венгерский кризис... С. 730–737.

²² Там же.

²³ Hoxha E. The Khrushchevites: Memoires. Tirana, 1980. P. 102.

²⁴ АЖ. 507/IX. СССР. 119/I-83. Письмо Ж. Б. Тита Никиты Хрущеву од 3. децембра 1956. На русском языке см.: Советский Союз и венгерский кризис... С. 730–737.

²⁵ АЖ. 507/IX. СССР. 119/I-92. Письмо Никите Хрущеву Ж. Б. Титу од 10. јануара 1957. См. также: Встречи и переговоры на высшем уровне. М., 2014. Т. 1. С. 702–713.

Албанская сторона быстро отреагировала на это письмо (Москва разослала его всем руководителям коммунистических и рабочих партий социалистических стран), заявив, что информация о существовании документа с решением Политбюро ЦК КПА — фальшивка и дело рук «врагов социализма». Кроме того Хрущев отрицал, будто советское партийное руководство давало дважды проезжавшему через Москву с визитом в Китай Ходже какие-либо инструкции, которые могли бы негативно повлиять на отношения Югославии с Албанией и СССР. Советский лидер также использовал представившуюся ему возможность обвинить югославскую сторону в проведении разведывательной деятельности в странах народной демократии²⁶.

В ответном письме 1 февраля Тито отверг обвинения в шпионаже, заявив, что в Албании имеется много не согласных с политикой руководства АПТ и НРА, предоставляющих в распоряжение посольства ФНРЮ («югославских товарищей») соответствующие сведения. Тито также подчеркнул, что документ, о котором идет речь, подлинный, и что его легче объявить фальшивкой, чем взять на себя ответственность за него. Кроме того югославский руководитель намекнул, что Белграду известно о наличии у советского руководства важных югославских документов, но при этом он не обвиняет его в шпионаже²⁷. Переписка Броза и Хрущева свидетельствовала не только о плохих отношениях между двумя балканскими государствами, но и о значительных разногласиях между югославскими и советскими верхами, что грозило эскалацией нового конфликта и ухудшением отношений ФНРЮ и СССР.

Вступив в новую стадию конфликта с Югославией, Албания одновременно стремилась укрепить свои связи со странами соцлагеря. При этом речь шла не только об СССР²⁸. С целью усиления

²⁶ АЖ. 507/IX. СССР. 119/I-92. Письмо Никите Хрущову А. Б. Тито от 10. января 1957.

²⁷ АЖ. 507/IX. СССР. 119/I-95. Письмо А. Б. Тито Никите Хрущову от 1. февраля 1957; Текст этого письма в переводе на русский яз. см.: РГАНИ. Ф. 89. Оп. 45. Д. 84.

²⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 477. Л. 1–3. Письмо ЦК АПТ в ЦК КПСС от 12 декабря 1956 г.

кадровой основы партии было принято решение увеличить число партработников, офицеров и студентов, направляемых для обучения в Москву. Там они должны были научиться вести борьбу с потенциальными либеральными тенденциями внутри Албании²⁹.

Советская сторона основательно изучила положение в АПТ, что позволило ей выработать стратегию в отношении Албании³⁰. Первой страной, с которой власти Албании решили наладить более тесный контакт, стала Болгария, ближе всех расположенная и самая перспективная с точки зрения возможного политического и экономического сотрудничества. В январе 1957 г. в Тиране во время визита болгарской официальной делегации был подписан ряд двусторонних соглашений, в числе которых — соглашение о долгосрочном кредите, представляемом Болгарией, планы сотрудничества в социальной и культурной сферах, протокол о научном сотрудничестве на 1957 г. и договор о торговле на 1957 г.³¹ 30 января 1957 г. албанский премьер Шеху детально проинформировал о прошедших переговорах советского поверенного в делах Шехова, который от имени СССР приветствовал подобный вид сотрудничества двух балканских государств³². Албанско-болгарское сближение было в интересах СССР с экономической и политической точки зрения. С одной стороны, оно служило внутренней консолидации соцлагеря после событий в Польше и Венгрии, а с другой — позволяло переложить часть бремени экономической помощи Албании на плечи Болгарии.

15 февраля в разговоре с послом ФНРЮ Велько Мичуновичем Н. С. Хрущев сказал, что после визита албанской делегации сам собирается в Тирану и на месте определит, как организовать помощь Албании в развитии ее народного хозяйства и, в первую

²⁹ Там же. Л. 25–34.

³⁰ Там же. Л. 5–12. Доклад советского посольства в Тиране о положении в АПТ от 3 марта 1957.

³¹ АЖ. 837. I-5-с/1440. Белешка о боравку бугарске државне делегације у Албанији.

³² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 477. Л. 18–19. Записка о разговоре советского временного поверенного в делах Хошева с Мехмедом Шеху от 30 января 1957 г.

очередь, его аграрной сферы³³. Советский лидер отдельно упомянул заявление югославского руководства о том, что в его руки попал документ политбюро АПТ, отражавший его антиюгославские намерения. Хрущев, снова обвинив Югославию в шпионаже против Албании, утверждал, что бумагу югославам подбросила некая иностранная спецслужба через своего агента в Белграде. Мичунович, отрицая факт разведывательной деятельности, заявил, что если кто-то из албанского руководства ознакомил югославских товарищей с содержанием документа, с которым не согласен, то это не означает, что он агент югославской разведки. Вскоре, по-видимому, удовлетворенный ответом югославов о шпионаже против Албании, Хрущев перевел разговор на тему югославо-албанских отношений, подчеркнув, что СССР оказывает политическую и экономическую помощь Албании и хочет потепления отношений между ней и Югославией. Мичунович ответил, что, несмотря на конфликт, Югославия много сделала для укрепления албанской независимости, что не мешало Тиране развязать антиюгославскую кампанию. Хрущев не удивился и сказал, что лишь констатирует существующее положение вещей: СССР выступает за улучшение отношений между Югославией и Албанией, в то время как несогласие между ними вносит разлад и между ФНРЮ и СССР³⁴.

Под влиянием Кремля албанцы публично заявили о намерении сблизиться с Западом и, в частности, восстановить дипломатические отношения с США и Великобританией³⁵. Новый поворот албанского внешнеполитического курса был напрямую связан с недавними переменами в СССР, который стремился к большей открытости с Западом, усилению собственного влияния на Ближнем Востоке и нормализации отношений с Югославией, чтобы компенсировать дипломатический и политический ущерб, нанесенный особой позицией ФНРЮ во время венгерского кризиса.

³³ Отчет посла ФНРЮ в СССР В. Мичуновича о беседе с Н. С. Хрущевым 16 февраля 1957 г. // Переговоры и встречи на высшем уровне... Т. 1. С. 292–293.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

Во время того же визита албанской делегации в Москву Хрущев старался сгладить противоречия между Тираной и Белградом. 17 апреля 1957 г. на приеме в Георгиевском зале Кремля советский лидер, игравший роль миротворца, в присутствии журналистов и дипломатов подозвал югославского посла Мичуновича, чтобы тот поговорил с Ходжей. Албанский вождь, заявив Мичуновичу о желании развивать дружественные отношения с Югославией на основе марксизма-ленинизма, перешел к жалобам на поведение в Тиране югославского посланника Арса Милатовича, который, как сказал Ходжа, занимался разведывательной деятельностью, посещал запрещенные для югославских дипломатов в Албании территории и поддерживал контакты с оппозиционными албанскими деятелями³⁶. Мичунович в острой форме отверг обвинения, заявив, что хорошо знаком с Милатовичем, который не является врагом НРА. Упорство, с которым собеседники придерживались своих позиций, продемонстрировало, что инициированная Хрущевым попытка примирения провалилась³⁷. Судя по позднейшим воспоминаниям Энвера Ходжи, Хрущев заблаговременно планировал организовать такую встречу, так как албанский лидер в более ранних беседах с ним жаловался на официальный Белград, открытый шпионаж со стороны его дипломатов, югославский ревизионизм, а также на попытки с помощью противников Ходжи свергнуть правительство³⁸.

Пребывание в Москве албанской делегации повлияло на отношении Тираны к Белграду. Очевидно, по указанию Кремля албанцы за несколько дней до отъезда в Москву приостановили антиюгославскую кампанию в своих СМИ. Взяв паузу в идеологическом противостоянии, руководство АПТ и НРА, тем не менее, одновременно приступило к критике югославской внешней политики и педантированию спорных международных проблем³⁹. По возвращении из Москвы Ходжа и Шеху объявили, что албанское правительство

³⁶ *Mičunović V.* Moskovske godine (1956–1958). Zagreb, 1977. S. 136–138.

³⁷ Ibid.

³⁸ *Hoxha E.* The Khrushchevites: Memoires. P. 192.

³⁹ ДАСМИП. ПА-1957. Албанија. Ф. 1. 49879. Извештај А. Милатовића ДСИП од 30. априла 1957.

будет придерживаться политики добрососедства, основанного на принципах мирного сосуществования, марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма⁴⁰. Была озвучена потребность в улучшении отношений с ФНРЮ. При этом неоднократно повторялось, что именно Белград, ответственный за нынешнее усугубление двусторонних противоречий, должен сделать первый шаг к их урегулированию. Вместе с тем свою примирительную риторику албанское руководство не спешило воплотить в практические шаги⁴¹.

Югославская сторона позитивно отреагировала на заявления Шеху и Ходжи, расценив их как хорошую основу для начала нового диалога. Девятого мая 1957 г. посланник Арсо Милатович во время приема по поводу возвращения на родину посла КНР заявил в разговоре с помощником албанского министра иностранных дел Нести Насе, что положительно оценивает развитие событий и надеется, что идеологические расхождения не станут препятствием для развития межгосударственных отношений. Дипломаты выразили мнение, что следует развивать сотрудничество и совместно преодолевать возникающие разногласия, основываясь на общности интересов двух стран⁴².

Дипломатические представители восточноевропейских стран в Тиране по-разному оценили вышеописанные заявления албанского руководства. Болгары выступили с примирительных позиций, заявляя, что обе стороны одинаково виноваты во взаимном охлаждении⁴³. Вследствие резких перемен в соцлагере, а также ввиду неоднозначного отношения к Албании восточноевропейские государства увеличили свое дипломатическое присутствие в этой стране. Одной из предпосылок этого было, разумеется, и серьезное изменение югославо-албанских отношений, и веро-

⁴⁰ ДАСМИП. ПА-1957. Албанија. Ф. 1. 49879. Извештај А. Милатовића ДСИП од 30. априла 1957.

⁴¹ Там же.

⁴² АЈ. 837. I-5-с/1242. Телеграм посланства у Тирану ДСИП од 10. маја 1957.

⁴³ ДАСМИП. ПА-1957. Албанија. Ф. 1. 413245. Белешка о разговору секретара Ковачића с трећим секретарем бугарске амбасадe Николовима 6. јула 1957.

ятные последствия этого для ситуации внутри всего восточного блока⁴⁴.

Пришедшееся на вторую половину 1957 г. потепление между Югославией и восточноевропейскими странами было недолговременным. Уже осенью наметилось новое противостояние с СССР, постепенно сказывавшееся на отношениях Югославии и с другими государствами. На их негативный характер влияли отказ Белграда в ноябре 1957 г. в Москве подписать Декларацию совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран о положении в социалистическом блоке и отношениях между партиями, обсуждения проектов Устава и программы Союза коммунистов Югославии (весна 1958 г.), а также сами решения VII съезда СКЮ и выступления его делегатов (апрель 1958 г.). В этих условиях незначительное улучшение отношений с Албанией, которые могли в любой момент обостриться, грозило трансформацией партийно-идеологической склоки в межгосударственный конфликт. Кроме того предыдущие разногласия отнюдь не были преодолены, а на горизонте уже появились новые. В этой ситуации для Югославии выходом в очередной раз стало укрепление связей с Западом, а также активизация внешнеполитической деятельности по консолидации государств, не состоящих в каких-либо блоках, и объединению их в Движении неприсоединения⁴⁵.

Один из аспектов обострения отношений с Югославией проявился в начатой в Албании на рубеже 1957–1958 гг. «анти-ревизионистской» кампании, поводом для которой стал отказ руководства СКЮ присоединиться к Декларации двенадцати компартий. Как ежедневно сообщала албанская пресса, декларация

⁴⁴ ДАСМИП. ПА-1957. Албанија. Ф. 1. 47215. Телеграм посланства у Тирану ДСИП од 4. априла 1957.

⁴⁵ О противоречиях Югославии и стран советского лагеря подробнее см.: *Bogetić D. Nova strategija spoljne politike Jugoslavije 1956–1961*. Beograd, 2006. S. 214–232; *Vykoukal J., Litera B., Tejchman M. Východ, vznik, vývoj a pozpad sovětského bloku 1944–1989*. Praha, 2000. С. 451–453; *Bogetić D. Drugi jugoslovensko-sovjetski sukob. Sudar Titove i Hruščovljeve percepcije politike miroljubive koegzistencije // Spoljna politika Jugoslavije 1950–1961*. Beograd, 2008. S. 49–65.

прорабатывалась и на уровне первичных партийных организаций АПТ. Во время этих обсуждений говорилось о важности борьбы с ревизионизмом, необходимости тесных связей компартий при руководящей роли КПСС в международном коммунистическом движении. В борьбе с ревизионизмом основной упор делался на укреплении рядов с опорой на СССР⁴⁶. Данная кампания была напрямую направлена против югославских коммунистов, упорно отрицавших руководящую роль СССР, отстаивавших свою самостоятельность и право принятия решений по вопросам югославской внутренней и внешней политики.

Дипломатические службы восточноевропейских стран по-разному реагировали на начало нового противостояния. 14 марта болгарский посол в Тиране Атанасов в разговоре с югославским коллегой резко раскритиковал политику Югославии в отношении Албании, заявив, что нельзя ожидать от албанцев, чтобы они относились к югославам так же, как и к болгарам, с которыми они плодотворно сотрудничают. Исправить ситуацию, по мнению Атанасова, могла бы встреча на высшем уровне⁴⁷. Болгарский торговый атташе Станчев в разговоре с секретарем югославского посольства Урошевым утверждал, что Белград перегибает палку и преувеличивает прегрешения албанцев, от которых, в принципе, сложно добиться взаимности, так как они все больше зависят от СССР⁴⁸. Похожей позиции придерживались и сотрудники посольства ГДР в Тиране, впрочем, они жаловались на то, что на практике их отношения с Албанией сводились к сфере экономики⁴⁹. Совсем иначе высказался посол Чехословакии Телух, который рассказал Милатовичу, что Энвер Ходжа сказал ему, что хотел бы дружить с Югославией. Телух, сомневавшийся в искренности слов албанского ру-

⁴⁶ ДАСМИП. ПА-1958. Албанија. Ф. 1. 41440. Телеграм посланства у Тираны ДСИП од 21. јануара 1958.

⁴⁷ ДАСМИП. ПА-1958. Албанија. Ф. 1. 46867. Белешка о разговору посланика Милатовића с бугарским амбасадором Атанасовим 14. марта 1958.

⁴⁸ ДАСМИП. ПА-1958. Албанија. Ф. 1. 49897. Белешка о разговору секретара Урошева с трговинским аташеом бугарске амбасаде Станчевим 12. марта 1958.

⁴⁹ ДАСМИП. ПА-1958. Албанија. Ф. 1. 49899. Белешка о разговору секретара Урошева с првим секретером амбасаде ГДР Бусеом 13. марта 1958.

ководителя, опасался общего ужесточения политики восточного блока по отношению к Югославии⁵⁰. Похожим образом рассуждали и остальные чехословацкие дипломаты в Тиране, подчеркивая, что албанцы действуют крайне неуклюже и неискренне. Но Югославии, тем не менее, следовало бы, по их мнению, продемонстрировать добрую волю и сделать первый шаг по пути ослабления конфликта⁵¹. Венгры, в отличие от пессимистически настроенных чехословацких дипломатов, ожидали югославо-албанского потепления и перехода от деклараций к конкретным шагам, направленным на улучшение двусторонних отношений⁵². Румынские представители демонстрировали полную незаинтересованность и отказывались комментировать югославо-албанский конфликт⁵³.

Анонсированный визит советского лидера Н. С. Хрущева в Албанию послужил поводом для временного прекращения антиюгославской кампании, развернутой в прессе и выступлениях партийных лидеров с февраля 1958 г. Статьи, разоблачающие югославский ревизионизм, уступили место восхвалению результатов советской помощи Албании. Только в комментариях о достижениях албанского народного хозяйства нашлось место для утверждения, что они стали лучшим ответом «адской клевете западных империалистов и их прислужников — белградских ревизионистов». Впервые за несколько месяцев в юмористическом еженедельнике *Hosteni*, известном антиюгославскими карикатурами, не оказалось ни одной, высмеивающей официальный Белград и югославское руководство⁵⁴. Причин прекращения антиюгославской риторики было много. Решающее значение имели предстоящий визит советского лидера в Албанию

⁵⁰ ДАСМИП. ПА-1958. Албанија. Ф. 1. 46547. Белешка о разговору посланика Милатовића с чехословацким амбасадором Телухом 9. марта 1958.

⁵¹ ДАСМИП. ПА-1958. Албанија. Ф. 1. 42911. Белешка о разговору с Отом Шигудом, другим секретером чехословацке амбасаде 7. октобра 1958.

⁵² ДАСМИП. ПА-1958. Албанија. Ф. 1. 415694. Белешка о разговору секретара Урошева с првим секретером мађарске амбасаде Храбецом 26. јуна 1958.

⁵³ ДАСМИП. ПА-1958. Албанија. Ф. 1. 49999. Белешка о разговору с другим секретарем румунске амбасаде 13. марта 1958.

⁵⁴ ДАСМИП. ПА-1958. Албанија. Ф. 1. 431552. Телеграм посланства у Тираны ДСИП од 22. маја 1959.

и ясно определенная позиция Москвы по этому вопросу. К числу других, менее существенных, но многочисленных причин следует отнести также результаты Женевской конференции (11 мая — 13 июля)⁵⁵, ослабление позиций Кремля среди стран третьего мира, а также неэффективность самой антиюгославской кампании и высокая вероятность того, что в результате дальнейшего противостояния всплывут проблемы, решать которые советскому руководству совсем не хотелось. Кроме того благодаря антиюгославской кампании к ее объекту было привлечено избыточное внимание, что в дальнейшем могло иметь для Белграда положительные последствия. Югославия увеличила влияние в Азии и Африке, примирительно высказывалась о Советском Союзе, а также сама по себе занимала важное место в политике Кремля на Балканах⁵⁶.

В мемуарах Н. С. Хрущев подчеркнул, что югославо-албанская дуэль, развернувшаяся на страницах прессы, наносила огромный урон всему социалистическому лагерю⁵⁷. По его словам, албанские правители были еще до его визита предупреждены, что советские представители не потерпят антиюгославских выпадов и высказываний на митингах, которые будут организованы в Албании во время пребывания Первого секретаря ЦК КПСС в стране. Подобные выступления, считал Хрущев, не только не способствовали бы умиротворению, но вызвали бы эскалацию конфликта с Югославией на политическом и идеологическом уровне. Поэтому албанцы, которых заранее попросили быть сдержанней, вели себя соответственно, чтобы не обидеть как-либо представителей государства, на которое равнялись и от помощи которого зависели⁵⁸. Таким образом, при

⁵⁵ Конференция министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции по Германии, берлинскому вопросу и перспективам заключения германского мирного договора. От ФРГ и ГДР присутствовали наблюдатели. Западные союзники представили на конференции свой проект мирного соглашения, которое советская сторона не приняла. Подробнее см.: *Веттинг Г. Н. С. Хрущев и берлинский кризис 1958–1963 годов. Политика угроз и возведение Берлинской стены. М., 2007. С. 55–71.*

⁵⁶ А. 507/IX. Ф. 5. Албанија. 1/II – 220. Информација о посети Н. С. Хрушчова Албанији.

⁵⁷ *Хрущев Н. С. Воспоминания. М., 2006. С. 317.*

⁵⁸ Там же.

подготовке к приему советского лидера Тирана приостановила непосредственные нападки на Югославию. Это обстоятельство отметили в посольстве ФНРЮ в Тиране, сообщив об этом в Белград. По мнению югославо, негативным следовало считать лишь прозвучавшие во время визита утверждения о том, что в 1948 г. СССР освободил Албанию, что уже само по себе оказывалось болезненным выпадом и ясным образом свидетельствовало о том, что позиция Тираны в отношении Югославии существенным образом не изменилась⁵⁹.

Наряду с этим другие восточноевропейские дипломатические представители отметили, что их страны начали менять прежний негативный подход в отношении Югославии. Тем не менее, вопреки очевидному прекращению антиюгославской кампании всеми странами советского лагеря албанское партийное и государственное руководство продолжало отказываться от любых контактов с югославскими представителями в НРА⁶⁰. Визит Хрущева в Албанию помимо прочего преследовал цель продвижения идеи создания безядерной зоны на Балканах. Она должна была стать ответом на строительство американских баз в Италии и Греции, вызывавшее протесты в этих странах. По югославскому вопросу Хрущев и Ходжа высказались за поддержание дружественных отношений между Югославией и Албанией на основе взаимного невмешательства во внутренние дела, равноправия и уважения суверенитета. Впервые за последние 15 месяцев эти тезисы не сопровождалась пассажами, осуждавшими югославскую ревизионистскую политику. Однако, как считали югославские эксперты, внимательно проанализировавшие ход и итоги визита советского лидера, и само по себе частое употребление словосочетания «современный ревизионизм», без непосредственного упоминания Югославии, свидетельствовало, что в Тиране по-прежнему осуждали югославские принципы строительства социализма. На практике это актуализировало ряд спорных проблем в отношениях между Югославией и Албанией⁶¹.

⁵⁹ ДАСМИП. ПА-1959. Албанија. Ф. 1. 414265. Телеграм посланства у Тиране ДСИП од 23. маја 1959.

⁶⁰ ДАСМИП. ПА-1959. Албанија. Ф. 1. 412800. Телеграм посланства у Тиране ДСИП од 9. маја 1959.

⁶¹ ДАСМИП. ПА-1959. Албанија. Ф. 1. 414982. Анализа резултата посете Н. С. Хрушчова Албанији.

Хрущев в мемуарах вспоминал о непростых беседах по югославскому вопросу с албанскими руководителями: им никак не удавалось прийти к согласию в определении положения в ФНРЮ⁶². Советская сторона решительно отвергла албанские утверждения, что Югославия не является социалистической страной. Хрущев подчеркнул, что югославы — коммунисты, но придерживаются иных теоретических установок⁶³. На практике советское руководство стремилось смягчить конфликт между Тираной и Белградом и заставить албанцев следовать советскому курсу в отношениях с Югославией.

Албанско-советская декларация, принятая по итогам визита советской делегации во главе с Хрущевым, была составлена с оттенком некоего советского покровительства в отношении НРА, хотя содержащиеся в ней идеи дружбы с Белградом на основе взаимного уважения, равноправия и невмешательства были озвучены с расчетом на албанцев⁶⁴. Таким образом, СССР показывал, что за Албанией стоит именно он.

Что бросалось в глаза, так это то, что данные формулировки четко разделяли межгосударственные и межпартийные отношения. Югославская дипломатия надеялась, на то, что югославо-албанские отношения поставлены под строгий контроль Москвы и это будет способствовать их потеплению, но тезис о верности выводов московского совещания лидеров коммунистических и рабочих партий социалистических стран с участием ИКП и ФКП (ноябрь 1957 г.), осудивших ревизионизм, мог послужить оправданию антиюгославской кампании в случае ее возобновления в будущем⁶⁵. В этой области также наблюдались некоторые изменения. После принятия представителями коммунистических и рабочих партий социалистических стран Московской декларации консолидация в рядах всех компартий, ставшая залогом единства социалистического лагеря, считалась достигнутой. Данное утверждение

⁶² Хрущев Н. С. Воспоминания. С. 318.

⁶³ Там же.

⁶⁴ ДАСМИП. ПА-1959. Албанија. Ф. 1. 412302. Телеграм посланства у Тираны ДСИП од 3. јуна 1959.

⁶⁵ Там же.

послужило сигналом к приостановлению кампании против Югославии, проводившейся под лозунгом антиревизионизма, а также к переориентации противостояния с межгосударственного уровня на партийно-идеологический, подразумевавший отказ от грубости и применение более тонких и интеллигентных методов борьбы⁶⁶. Под влиянием СССР Албания постепенно вносила изменения в свою политику на югославском направлении, но не настолько, чтобы принципиально изменить прежнюю позицию по отношению к соседнему государству.

Итак, хотя кампания против Югославии стала менее явной, она не была полностью прекращена. Албанцы и дальше настаивали на том, что югославский призыв к сотрудничеству балканских государств неискренен, что Югославия принижает роль и значение Албании, не желая признавать в ней равного партнера⁶⁷. Белград обвинялся в том, что по-прежнему вмешивается во внутренние дела Албании, обучает и засылает на ее территорию группы диверсантов и шпионов из албанских политических эмигрантов, перед которыми поставлена задача дестабилизировать ситуацию на севере страны. Беспреданно повторялись претензии, будто Югославия не желает решать некоторые из межгосударственных вопросов, имевших отношение к проблемам мелиорации в приграничных районах, гражданства, контактов албанских граждан со своим посольством в Белграде. Особенно серьезным был упрек в том, что Югославия поддерживает греческие территориальные претензии, что ее печать не осуждает греческую политику, а называет «политикой активного сосуществования». Югославия якобы была заинтересована в нестабильности и конфликте между двумя соседними странами, что совершенно не соответствовало реальным внешнеполитическим усилиям Белграда, направленным на нормализацию отношений Тираны и Афин⁶⁸.

Осенью 1959 г. албанская кампания против Югославии вновь набрала обороты. Все более явные разногласия с СССР и все более

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ ДАСМИП. ПА-1959. Албанија. Ф. 1. 416603. Телеграм посланства у Тираны ДСИП од 17. јуна 1959.

⁶⁸ Там же.

очевидная переориентация на КНР актуализировали те проблемы, которые под давлением Москвы были временно законсервированы⁶⁹. В результате вновь зазвучали антиюгославские заявления, которые раздавались из уст не только партийных и государственных руководителей, но и ораторов на партийных собраниях местного уровня в низовых партийных организациях. Одновременно были усилены и меры полицейского надзора за дипломатами в Тиране⁷⁰. Й. Броз Тито, реагируя на подобные действия албанских властей, отрицал наличие у него каких-либо агрессивных антиалбанских намерений⁷¹. Представители режима Ходжи, декларативно выступая за улучшение отношений с Югославией, на практике делали все, чтобы их ухудшить. К концу года адресуемый Югославии поток обвинений в недружественном поведении несколько иссяк. Причиной послужило не смягчение отношения к Белграду, а новый значительный более серьезный вызов. Отвлечясь от Югославии албанцев заставили разногласия с СССР, ставившие под сомнение будущее Албании и ее народа, полностью зависимого от советской экономической и военной помощи.

В конце 1959 г. последствия политико-идеологических противоречий между СССР и Югославией сошли на нет, а межгосударственные связи стабилизировались и стали медленно укрепляться⁷².

⁶⁹ *Fevziu B.* Enver Hoxha. The Iron Fist of Albania. London, 2017. P. 151.

⁷⁰ ДАСМИП. ПА-1959. Албанија. Ф. 1. 431550. Белешка о стању југословенско-албанских односа од 1. октобра 1959.

⁷¹ «Из говора Председника ФНР Југославије Јосипа Броза Тита у Никшићу 20. септембра 1959. о неистинитом приказивању историјских чињеница од стране албанских руководиљаца» // Борба. 1961. 21 IX.

⁷² Об улучшении советско-югославских отношений см. подробнее: *Триповић Ђ.* Побольшање југословенско-совјетских односа 1961–1962 // Токови историје. 2008. № 3–4. С. 76–97; *Едемский А.Б.* К истокам новой фазы развития советско-югославских отношений в первой половине 1960-х годов // История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте: К 60-летию К.В. Никифорова: сб. статей. М., 2016. С. 338–356; *Он же.* Проекция второй волны десталинизации в СССР на развитие советско-югославских отношений (осень 1961 — весна 1962 г.) // Международные отношения в XX веке: сб. научных статей / под ред. В.Т. Юнгблюда. Киров, 2016. Вып. 4. С. 295–

Уровень албанско-советских отношений, напротив, стремительно снижался. Советы все больше критиковали албанское партийное руководство за идеологическую косность и неумелое управление народным хозяйством, а албанцы искали выход во все более плотной ориентации на Китай, с руководством которого их объединяла схожесть идеологических установок и усугублявшиеся разногласия с Москвой. Югославия, в свою очередь, с одной стороны, стремилась не оставлять без ответа албанские выпады в свой адрес, а с другой — прилагала усилия к нормализации отношений с восточным блоком, что неминуемо приводило к уменьшению весьма интенсивного политического и экономического сотрудничества с Западом.

Советские представители старались убедить югославских собеседников, что не поощряют антиюгославскую пропаганду Тираны, а сами испытывают неудобства от проблем с албанским партийным руководством. Они советовали югославам сделать жест доброй воли и направить в Тирану посла как демонстрацию готовности развивать добрососедские отношения⁷³. В Белграде же, напротив, полагали, что в атмосфере частых и жестких обвинений нет смысла направлять посла, которому бы пришлось регулярно покидать мероприятия в знак протеста против того, что говорится о его стране, Белград же не отвечает на каждодневные выпады албанцев, чтобы не подогревать конфликт. Подобное терпение было высоко оценено советскими представителями, которые выразили недоумение относительно причин неприязни албанцев к югославам. В ответ югославские собеседники предположили, что, вероятнее всего,

317; *Он же.* Значение событий 1961/62 г. для советско-югославского сближения первой половины 1960-х годов // Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке: сб. статей / отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2016. С. 300–323; *Он же.* «...Разговоры с председателем советского правительства были очень полезными и откровенными» (беседа Н.С. Хрущева и Й. Броз Тито 28 сентября 1960 г. «на полях» заседаний Генассамблеи ООН в Нью-Йорке) // Славянский мир в третьем тысячелетии / отв. ред. Е.С. Узенева. М., 2016. С. 195–207.

⁷³ АЈ. 507/IX. СССР. 119/I-139. Белешка о разговору на вечери код сојетског амбасадора 17. марта 1960.

дело в чувстве вины после ликвидации выдающихся албанских партийных руководителей в первые послевоенные годы. В случае нормализации отношений между Тираной и Белградом данный вопрос был бы неминуемо поднят⁷⁴.

Москва регулярно информировала Белград о развитии своего конфликта с Албанией. При этом поначалу советское руководство надеялось на скорое урегулирование противоречий при посредничестве Пекина, который хотя и поддерживал Тирану, но не безоговорочно. Со своей стороны югославские дипломаты в беседах с советскими коллегами рекомендовали великим державам держать дистанцию с Албанией. Что касается улучшения югославо-албанских отношений, то не только Белград, но и Тирана должна продемонстрировать свою добрую волю в этом вопросе⁷⁵.

За разрывом советско-албанских дипломатических отношений, произошедшим 9 декабря 1961 г., в Югославии следили с особым вниманием. Советник посольства ФНРЮ в НРА и временный поверенный в делах Гойко Здуич, руководствуясь соображениями безопасности, сразу перебрался в Охрид и передал в ГСИД, что Советы начали возвращать в СССР служащих диппредставительства, а советский генерал, находившийся в Тиране в качестве представителя ОВД, уже уехал. Здуич сообщал о тяжелом положении в Албании, о военной мобилизации и выдвижении войск к греческой и югославской границам. Он просил Белград прислать ему в помощь какого-нибудь опытного дипломата, а также школьного учителя из Титограда для детей югославских дипломатов, так как Советы закрыли свою школу в Тиране⁷⁶. Югославское правительство не поддержало действия Кремля, полагая, что разрыв дипломатических отношений с международной точки зрения выглядит

⁷⁴ АЈ. 507/IX. СССР. 119/I-139. Белешка о разговору на вечери код советског амбасадора 17. марта 1960.

⁷⁵ АЈ. 837. I-5–с/2471. Белешка о разговору помоћника државног секретара И. Вејводе са саветником советске амбасаде Дедушкином 1. јуна 1961.

⁷⁶ ДАСМИП. ПА-1961. Албанија. Ф. 1. 436618. Телеграм посланства у Тирану Државном секретаријату за иностране послове од 9. децембра 1961.

как неуместная, нецивилизованная мера. Югославская дипломатия также полагала, что западное общественное мнение не упустит представившейся возможности развязать кампанию против СССР, посчитав его аргументы неубедительными, в частности утверждение, будто Албания подрывала целостность восточного блока. В итоге Москву обвинили в использовании силы в международных отношениях с целью подчинения своей воле одной из самых маленьких и слабых стран в мире⁷⁷. Югославская позиция основывалась на том предположении, что советский конфликт с Албанией подстегнет интерес к ней со стороны Запада. В частности, Греция попытается реализовать озвученные ранее претензии. Советские представители ответили, что в случае такого развития событий СССР все-таки выступит в защиту Албании⁷⁸.

Столкновение Албании и Советского Союза породило ряд политических проблем. При этом речь шла не только об идеологических противоречиях и конфликте по линии Москва — Тирана. В описываемых событиях важную роль играл Китай, стремившийся выйти из прежде единого блока. При этом, добиваясь самостоятельности, Китай выступал с предельно бескомпромиссных, радикальных идеологических позиций. Данное обстоятельство также усугубляло отношения между Албанией и СССР, еще с середины 1950-х годов обремененных рядом менее значительных противоречий. КНР стала новым покровителем Албании, что хоть и усилило ее позицию в противостоянии с Советским Союзом, но повлекло за собой разрыв со всем восточным блоком. Фактический выход Албании из ОВД в 1961 г. и сближение с Китаем привлекли внимание западных держав к положению Албании, а также к новой геостратегической ситуации на Балканах. Особую заинтересованность выразила Греция, долгие годы находившаяся в состоянии острого конфликта с соседней державой, а также Италия, видевшая в новом обострении возможность реализации старых интересов на территории Албании.

⁷⁷ АЈ. 837. I-5–с/2479. Белешка о разговору помоћника државног секретара И. Вејводе са саветником советске амбасаде Дедушкином 1. јуна 1960.

⁷⁸ Там же.

В результате советско-албанского конфликта Югославия оказалась в весьма специфическом положении. С одной стороны, она стремилась к нормализации отношений с СССР, а с другой — критиковала его за контрпродуктивные шаги на албанском направлении, выглядевшие анахронизмом. Западные державы следили за реакцией Белграда, ожидая от него прояснения собственной позиции. Югославскими планами относительно Албании больше всех интересовались Италия и Греция, каждая исходя из собственных соображений. Со своей стороны югославское правительство старалось не реагировать на придирки и оскорбления Албании. При этом поддерживавший Тирану Пекин также крайне жестко разоблачал югославский вариант построения социализма. В ситуации соперничества великих держав Югославия старалась держаться в стороне. Двусторонние контакты с Албанией были сведены к минимуму. Поддерживался лишь ограниченный товарообмен. Не прекращая антиюгославской пропаганды, албанское руководство часто, имея в виду свой конфликт с СССР и его союзниками, пыталось пойти на сближение с Югославией. Белград отвергал подобные инициативы, не желая ни поддерживать режим Ходжи, ни портить отношения с СССР, а также с Западом, в котором албанское руководство совершенно не видело надежного и серьезного политического партнера. Ориентация на Китай, самоизоляция от соседних государств, стран и восточного, и западного блоков на долгие годы обусловили исключительно плохие отношения Албании с Югославией, которая, присоединившись к странам третьего мира, все откровеннее лавировала между Востоком и Западом.

Глава 8

СССР, Югославия, Албания и потрясения в социалистическом содружестве (1959–1961 гг.)

В начале 1960-х годов последствия идеологического и политического конфликта, возникшего между Югославией и Советским Союзом в 1958 — начале 1959 г.¹, постепенно сглаживались, а межгосударственные отношения стабилизировались. В то же время началось резкое ухудшение советско-албанских отношений. В СССР все больше критиковали курс руководства АПТ и его ошибки в управлении национальной экономикой, а албанцы все сильнее сближались в идеологическом и политическом отношении с Китаем. Югославия, с одной стороны, пыталась противостоять жесткой антиюгославской кампании албанцев, а с другой — снова нормализовать свои отношения со странами восточного блока, что неизбежно влекло за собой сокращение весьма интенсивного политического и экономического сотрудничества с западными странами.

Подготовка к совещанию представителей 81 коммунистической партии в Москве и к IV съезду придала особый импульс антиюгославской кампании в Албании. Постоянно подчеркивалось, что главной задачей внешней политики НРА является борьба против югославского влияния в социалистическом движении. Позиция Албании в этом вопросе была идентична позиции Китая. Такое

¹ О конфликте между Югославией и странами советского лагеря подробнее см.: *Bogetić D.* Nova strategija spoljne politike Jugoslavije. S. 212–232; *Idem.* Drugi jugoslovensko-sovjetski sukob. S. 49–65.

положение дел блокировало любую югославскую инициативу, направленную на улучшение двусторонних отношений². К тому же албанское правительство последовательно пыталось сохранить существующую степень изоляции от ФНРЮ. Югославская дипломатия старалась реагировать только на самые тяжкие обвинения, в остальном сохраняя сдержанность и отстраненность. Результатом всего этого стали практически полностью замороженные двусторонние отношения. В области культуры были прекращены все виды сотрудничества. Существующие соглашения по сотрудничеству в области транспортного сообщения, использования водных ресурсов и торговли были или заблокированы, или сталкивались при реализации с рядом проблем и трудностей. Одновременно был предпринят ряд дискриминационных мер по отношению к персоналу югославского посольства в Тиране³. Имелись также и определенные проблемы при реализации подписанного ранее договора о торговле. Главный товар югославского импорта из Албании — хромовая руда — поставлялась в значительно меньших объемах, чем предусматривалось в договоре, поэтому югославская сторона приняла решение приостановить импорт хрома из Албании до окончательного решения спорного вопроса. Это решение Белграда стало причиной ряда новых проблем в двусторонних отношениях. Албанцы пытались переложить собственную вину за неисполнение договорных обязательств на югославов, обвиняя их в отказе от импорта руды в одностороннем порядке, тем самым, в нарушении подписанного контракта⁴. Помимо этого правительство ФНРЮ не удовлетворяли скромные возможности албанского экспорта, ориентированного исключительно на сотрудничество с восточноевропейскими странами. А Югославии предлагались товары, которые больше нигде не находили спроса или которые из-за близости границы рентабельнее всего было бы экспортировать именно в ФНРЮ. Албанцы настаивали на экспорте в Югославию

² ДАСМИП. ПА-1960. Албанија. Ф. 1. 432308. Белешка о југословенско-албанским односима од 7. децембра 1960.

³ Там же.

⁴ ДАСМИП. ПА-1960. Албанија. Ф. 1. 432003. Белешка у вези извршења трговинског спораума са Албанијом за 1960.

как можно большего количества хромовой руды, желая этим создать устойчивую валютную основу для импорта югославских товаров⁵. Однако вследствие политического конфликта экспорт хрома в Югославию, как указывалось выше, был вообще приостановлен⁶. Отношения двух стран находились в шаге от полного коллапса. Все более отчетливо проявлялись признаки будущего конфликта. Несмотря на это, в 1960 г. было подписано несколько двусторонних договоров, которыми регулировались отдельные вопросы, связанные с проблемами повседневной жизни граждан. С югославской стороны в августе 1960 г. был ратифицирован договор о профилактике инфекционных заболеваний в приграничных районах⁷, а в середине того же месяца — о торговле в 1960 г.⁸

Явно недовольное крахом своих попыток выдать Югославию с Ближнего Востока и расшатать ее позиции, которых югославское руководство постепенно и с большим трудом добивалось, албанское правительство изменило политику в отношении арабских стран. Тирана чаще стала критиковать египетского лидера Гамала Абделя Насера и его политику по отношению к восточному блоку, дипломаты из арабских стран подвергались оскорблениям⁹. Албания открыто обвиняла арабов в сговоре с Югославией, что вызывало бурное ответное негодование арабских дипломатов. Результатом стало сведение албанско-арабских отношений исключительно к формально-протокольным, без наполнения их экономическим, политическим или культурно-просветительским содержанием¹⁰. Вместе с тем НРА, избегая повторения ситуации с Египтом и опасаясь, что новые независимые африканские государства будут проводить ту же политику в отношении восточного лагеря и сблизятся

⁵ Там же. 432308. Белешка о југословенско-албанским односима од 7. децембра 1960.

⁶ Там же. 432003. Белешка у вези извршења трговинског спораума са Албанијом за 1960.

⁷ АЈ. 837. I-5-с/2371. Допис ДСИП-а СИВ-у од 2. августа 1960.

⁸ Там же. I-5-с/2376. Допис ДСИП-а СИВ-у од 12. августа 1960.

⁹ ДАСМИП. ПА-1960. Албанија. Ф. 1. 421018. Забелешка о разговору са секретаром амбасаде УАР Насром 17. јануара 1960.

¹⁰ Там же.

с Югославией, отказалась от их признания¹¹. Албанское руководство определилось с позицией по поводу проведения Белградской конференции неприсоединившихся стран (сентябрь 1961 г.). Албанские дипломаты охарактеризовали ее как попытку Югославии разрушить «антиколониальный и антикапиталистический лагерь»¹².

Албанское партийное руководство продолжило свои обычные нападки на Югославию, лишь немного изменив риторику. В приветственной телеграмме к XX съезду голландской коммунистической партии Э. Ходжа снова подверг критике Югославию. Он объявил ее главной проблемой в социалистическом движении, опаснейшим врагом, нарушающим единство лагеря социалистических стран своими крайне ревизионистскими позициями¹³. 12 августа 1960 г. в выступлении на митинге в честь визита в Тирану делегации ФКП во главе с Морисом Торезом Ходжа подтвердил оценку политики Югославии как главного врага восточного блока¹⁴. Примечательно, что в его речи не упоминались ни Хрущев, ни обычные славословия в адрес Советского Союза. Югославские дипломаты, до сих пор не владевшие в полной мере информацией о конфликте между Албанией и СССР, полагали, что дело лишь в изменении стилистики обращения к массам под влиянием Москвы, критиковавшей чрезмерное выпячивание албанцами своих связей с Советским Союзом¹⁵.

Обострение отношений между Югославией и Албанией протекало параллельно с развитием конфликта между Албанией и Советским Союзом. В сентябре 1960 г. возобновились инциденты на югославско-албанской границе. Такой способ радикализации двусторонних отношений привлек внимание дипломатов

¹¹ ДАСМИП. ПА-1960. Албанија. Ф. 1. 4214765. Телеграм посланства у Тирану ДСИП—у од 17. јула 1960.

¹² Petrović V. Titova lična diplomatija. Studije i dokumentarni prilozi. Beograd, 2010. S. 208–210.

¹³ AJ. 507/IX. Албанија. 1/I-337. Напад Енвера Ходе на Југославију.

¹⁴ ДАСМИП. ПА-1960. Албанија. Ф. 1. 421439. Телеграм посланства у Тирану ДСИП—у од 12. августа 1960.

¹⁵ Там же.

восточноевропейских стран, которые подчеркивали явное отделение Албании от советского лагеря, все большую роль Мехмета Шеху в определении ее внешнеполитического курса и непонимание, как ситуация будет развиваться в дальнейшем. Но, по их мнению, отсутствие Ходжи на конференции коммунистических партий в Бухаресте явно свидетельствовало о наличии проблем и кризисе в отношениях между Албанией и остальными странами восточного блока¹⁶. Югославские дипломаты старались отслеживать очередной поворот албанской политики в отношении СССР. До них быстро дошла информация о том, что из Политбюро ЦК АПТ была исключена Лири Белишова, ранее два года обучавшаяся в Советском Союзе и единственная из всей албанской руководящей верхушки выступавшая за продолжение сотрудничества Тираны с Москвой¹⁷. Донесения свидетельствовали о том, что Ходжа, Шеху и Капо едины в прокитайских взглядах и что свой конфликт с советским руководством они распространяют и на другие восточноевропейские страны, отказываясь от всяких официальных контактов с ними. Эти сведения дополняла информация о том, что Китай передал в дар Албании около 50 тысяч тонн пшеницы и обещал дополнительную экономическую помощь. Все это еще больше убеждало албанское руководство в правильности избранного курса¹⁸.

Отношения двух стран активизировались в октябре 1960 г. Албанская делегация три недели находилась с визитом в Китае, где был подписан ряд двусторонних договоров о культурном сотрудничестве, а также соглашение о китайской экономической помощи. Албанию посетила китайская военная делегация и провела переговоры о возможности сотрудничества в этой сфере¹⁹.

Югославская дипломатия, в особенности ее служба внешней разведки, маскировавшаяся под вывеской Координационного

¹⁶ Там же. 431550. Телеграм амбасаде у Прагу ДСИП—у од 17. септембра 1960.

¹⁷ Там же. 429586. Телеграм амбасаде у Букурешту ДСИП—у од 5. новембра 1960.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. 428722. Телеграм посланства у Тирану ДСИП—у од 29. октобра 1960.

отделения ГСИД ФНРЮ, отметила полное отдаление Албании от Советского Союза и ее сближение с Китаем. Это, по ее мнению, объяснялось сутью советско-китайского конфликта. Поэтому было принято решение разместить в европейской прессе несколько статей, в которых бы раскрывались позиции Белграда по вопросу советско-албанского конфликта и албанско-китайского сближения, а албанскую политику планировалось представить как логичное следствие крайних сталинистских позиций ее руководства, от которых, по сути, они никогда и не отказывались²⁰. Главным проводником такой политики предполагалось объявить Энвера Ходжу, ликвидировавшего все старое партийное руководство. В статьях не следовало использовать югославские источники, в противном случае проблема изменения албанского внешнеполитического курса вышла бы за рамки советско-китайского конфликта и привлекла бы внимание широкой общественности, а кроме того, привела бы к более четкому разграничению взглядов или даже расколу в албанском руководстве. В то же время через югославские СМИ должны были транслироваться сообщения и комментарии об авантюристской политике Албании, угрожающей миру на Балканах²¹.

Подобные заметки появились в газетах *Le Monde* и *Manchester Guardian*, действительно вызвав среди западной общественности интерес к НРА и ее международному положению, а также к политике албанского руководства. По мнению британских дипломатов, истоки антиюгославской кампании следовало искать не в самой Албании, а в Китае, использовавшем напряженные отношения Тираны с Белградом как благоприятную почву, на которую хорошо ложились жесткие идеологические позиции руководства КПК²². С точки зрения англичан, речь шла не просто об идеологической борьбе, но о «систематической кампании по вытеснению Югославии из лидеров третьего мира»²³. Так, Китай предпринял попытку ослабить

²⁰ ДАСМИП. ПА-1960. Албанија. Строго поверливо. Ф. 1. 107. Забелешка о неким новим елементима у односима Албанија — СССР.

²¹ Там же.

²² TNA. FO-371 / 160311. Confidential. 110198. RY (1011/1). Annual Review: 1960.

²³ Ibid.

ее влияние на развивающиеся государства Азии и Африки во время подготовки Первой конференции Движения неприсоединения в Белграде, проведение которой должно было реализовать югославские планы по оформлению широкого и организованного движения стран, не примкнувших ни к одному из блоков.

Новый югославно-албанский конфликт получил дополнительный импульс в результате съезда АПТ в феврале 1961 г. На этом форуме албанские лидеры выдвинули новые обвинения против Югославии. В ответ последовала острая реакция югославского правительства²⁴. Й. Броз Тито в тот момент совершал большое турне по странам Дальнего Востока, но, несмотря на это, события в Тиране оставались в центре его внимания. По его мнению, следовало не ограничиваться статьями в СМИ, но и опубликовать уже подготовленную к тому времени «Белую книгу» об албанских враждебных действиях против Югославии, что вскоре и было сделано. Одновременно с этим в прессе зазвучали еще более решительные отповеди албанским претензиям²⁵. Через несколько дней Тито поручил Карделю изучить вопрос целесообразности сохранения дипломатической миссий ФНРЮ в Тиране и миссии НРА в Белграде, а также вопрос о полной приостановке албанского транзита через территорию Югославии, за исключением случаев, когда это предписывалось международными конвенциями. Югославский лидер категорично высказался против разрыва дипломатических отношений, но потребовал снизить их уровень до минимального²⁶. Югославская дипломатия строго действовала так, чтобы не дать повод для обвинений Белграда в насильственных действиях по отношению к Албании.

В ноябре 1960 г. на конференции представителей 81 коммунистической партии в Москве Энвер Ходжа выступил с обширным

²⁴ Саопштење Владе ФНРЈ поводом изјаве Енвер Хоџе, члана Президијума НР Албаније и првог секретара Партије рада Албаније на Четвртном конгресу ПР Албаније, 13. фебруара 1961 // Борба. 1961. 17 II.

²⁵ АЈ. 837-КПР. I-5-с/2118. Телеграм Јосипа Броза Тита Александру Ранковићу од 19. фебруара 1961.

²⁶ Там же. I-5-с/2123. Телеграм Јосипа Броза Тита Едварду Карделју од 24. фебруара 1961.

докладом, в котором изложил позиции Албании по вопросам мирного сосуществования стран с различным общественно-политическим устройством, различных форм строительства социализма, критики культа личности и, конечно, югославского ревизионизма²⁷. Основные положения доклада вызвали обструкцию большинства представителей коммунистических партий — участников совещания. В ответ Энвер Ходжа и Мехмет Шеху покинули конференцию. Итоговые документы совещания от имени АПТ подписал оставшийся в Москве Хюсни Капо. Таким образом, выражение согласия руководства АПТ со взглядами большинства присутствовавших на совещании делегаций было достаточно формальным. Сразу же после этого советская сторона начала постепенно сворачивать сотрудничество с Албанией: были отозваны советские специалисты, приостановлено предоставление кредитов, прекращено обучение албанских студентов в советских высших учебных заведениях²⁸. Так же поступили и другие восточноевропейские страны. Все они, за исключением Венгрии, ограничили экономическое сотрудничество с Албанией²⁹.

Уже в начале 1961 г. началась дискриминация советских представителей в НРА со стороны правительства. Особые проблемы возникли в связи с военно-морской базой в бухте Влёрского залива³⁰. На нескольких подводных лодках с совместным советско-албанским экипажем участвовали проверки личного состава советских военнослужащих, конфликты и различные инциденты³¹. В мае 1961 г. в Москве было принято решение вывести свои вооруженные силы из Албании. 4 июня 1961 г. советские корабли покинули

²⁷ Краткая история Албании. С древнейших времен до наших дней / отв. ред. Г. Л. Арш. М., 1992. С. 426.

²⁸ Там же.

²⁹ *Vykoukal J., Litera B., Teichman M.* Východ, vznik, vývoj a pozpad sovětskeho bloku. S. 447–448.

³⁰ *Lüthi L. M.* The Sino–Soviet Split. Cold War in the Communist World. Princeton, 2008. P. 203.

³¹ О советско-албанском конфликте подробнее см.: *Edemskiy A.* Final Break between Moscow and Tirana 1961 // *Balkanica. Annual of the Institute for Balkan Studies. Academy of Sciences and Arts. Belgrade*, 2019. Vol. L. S. 371–392.

албанские территориальные воды. В составе ВМФ НРА остались только четыре советские подлодки³². С этого момента отношения Тираны и Москвы развивались в совершенно других условиях: Албания фактически вышла из Варшавского пакта³³.

Новые акценты появились и в албанской пропаганде: советского лидера Хрущева начали причислять к главным современным ревизионистам³⁴. В перечне врагов Албании и международного рабочего движения он прочно занял первое место, потеснив Й. Броза Тито³⁵. Югославская дипломатия обращала большое внимание на развитие советско-албанского конфликта и старалась получить максимум информации, опасаясь возможности ухудшения ситуации. Инцидент с выводом из Албании советского флота вызывал особое беспокойство. Нередко, сталкиваясь со своеволием, высокомерием, отсутствием идеологической гибкости, а иногда даже примитивным поведением албанского руководства, Югославия опасалась возможной эскалации конфликта, больших потрясений внутри социалистического лагеря, а также возможности дестабилизации политических отношений на Балканах³⁶.

Вспышка советско-албанских противоречий повлияла также на отношения между Албанией и Югославией. Белград проявлял готовность в условиях интенсификации конфликта между СССР и Албанией снова начать сотрудничество с Тираной на базе существующих договоров, что обозначило бы некоторое югославское присутствие в этой стране. Но с учетом неизменного антиюгославского тона албанского правительства, дальнейшего развития отношений не предполагалось³⁷. Вопреки декларативным заявлениям в печати

³² Краткая история Албании. С. 427.

³³ *Lalaj A.* Shqipëria në Paktin e Varshavës (1955–1968) // *Studime historike*. 2004. № 1–2. S. 191–208.

³⁴ *Lüthi L. M.* The Sino–Soviet Split. S. 201–205.

³⁵ ДАСМИП. ПА-1961. Албанија. Ф. 1. 428728. Белешка о ситуацији у Албанији.

³⁶ *Milatović A.* Pet diplomatskih misija. Zagreb, 1985. S. 240.

³⁷ ДАСМИП. ПА-1961. Строго поверљиво. Албанија. Ф. 1. 121. Телеграм ДСИП–а посланству у Тирану од 12. јуна 1961.

и по радио, нападок на Югославию становилось все больше, их пик пришелся на сентябрь 1961 г.³⁸

Вместе с тем албанцы пытались инициировать улучшение отношений с рядовыми дипломатами, ссылаясь на заявления президента Тито о необходимости их нормализации. В соответствии с изменившейся ситуацией во взаимоотношениях между Албанией и государствами восточного блока подчеркивалось право каждой страны строить социализм исходя из своих специфических условий, даже в том случае, если она не входит в советский лагерь³⁹. Кроме того, имея в виду связи Югославии с западными странами, открыто говорилось, что получение кредитов на Западе не может быть основанием для обвинений какого-либо государства в отходе от социализма. Более благожелательным стало отношение к югославским дипломатическим работникам в Тиране⁴⁰. Хотя албанское правительство и предпринимало попытки разными способами втянуть Югославию в свой конфликт с СССР, югославские дипломаты старались держаться в стороне. В качестве контрмеры албанцы указывали на различные действия правительства ФНРЮ, несшие угрозу национальной безопасности НРА (негативные статьи югославской прессы об Албании, предоставление убежища Панайоту Пляку, аресты в Югославии албанских эмигрантов и перебежчиков). Албанская сторона при этом продолжала публиковать негативные комментарии в СМИ и карикатуры на президента Тито, активизировала разведывательную деятельность в Югославии, агитировала за саботаж. Особую остроту в отношении внес протест югославов в связи с выступлением Мехмета Шеху с критикой в адрес Югославии на заседании Народного собрания НРА и поддержка этого выступления на митингах, которые можно было увидеть в албанских городах⁴¹.

³⁸ АЈ. 507/IX. Албанија. 1/I-338. Напади албанске штампе и радија на Југославијом у септембру 1961.

³⁹ ДАСМИП. ПА-1961. Албанија. Ф. 1. 428728. Белешка о ситуацији у Албанији.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. 415314. Забелешка о разговору са Димитар Стамом, референтом за Југославију у албанском МИП—у 29. октобра 1961.

СССР периодически информировал югославскую сторону о состоянии своих отношений с Албанией. На первых порах в Москве выражали надежду на преодоление возникших трудностей. Оптимизма добавляло то обстоятельство, что Китай также не демонстрировал безоговорочной поддержки албанцев. Это давало основания предполагать, что в определенный момент Пекин может сыграть роль посредника в примирении сторон.

Генштаб албанских вооруженных сил опасался, что Югославия могла воспользоваться выходом НРА из восточного блока и осуществить нападение на территорию Албании самостоятельно или при содействии Греции. Этот страх не имел оснований. Югославские дипломатические и военные представители каждый раз упорно повторяли, что их страна выступает за сохранение независимости Албании. Тем не менее, в Тиране было принято решение усилить свои военные формирования в северной части страны, тем самым укрепив безопасность границ с Югославией. По оценке Второго управления Генштаба ЮНА, эти изменения были связаны с резким снижением обороноспособности страны после прекращения отношений со странами советского лагеря и необходимостью предотвращения югославской интервенции в случае, если она последует⁴². В итоге был сформирован отдельный корпус со штабом в Буррели, который возглавил генерал Мехмет Брдови, бывший ранее командиром мотомеханизированных частей. В состав этого корпуса, по югославским сведениям, вошли четыре пехотные бригады в Шкодере, бригада в Кукесе, незадолго до этого сформированные бригады в Буррели и Пешкопии и горный батальон в Подградец. Кроме того, в Белграде имелась информация о срочном изменении планов мобилизации в Албании, введении новой системы обучения личного и резервного состава, создании ряда военных складов. Также были созданы отдельные территориальные батальоны, состоявшие из резервистов, а на севере Албании проведены мобилизационные учения⁴³.

⁴² ДАСМИП. ПА-1961. Албанија. Ф. 1. 428722. Информација Друге управе Генералштаба ЈНА ДСИП—у од 13. октобра 1961.

⁴³ Там же.

Столкнувшись со все большей самоизоляцией Албании и ограничительными мерами в отношении югославских дипломатов, в Белграде было решено собрать соответствующую информацию о тенденциях во внешней политике этой страны, опасаясь возможного влияния такого ее внешнеполитического курса на дальнейшее развитие югославно-албанских отношений. Для этого была организован постоянный обмен информацией и аналитическими материалами между Государственным секретариатом иностранных дел и Вторым управлением Генштаба ЮНА⁴⁴ о советско-албанском конфликте и его возможном влиянии на югославно-албанские отношения⁴⁵.

Реакцией на отдаление Албании от восточного блока стал усилившийся интерес к событиям, происходящим в этой стране, со стороны Греции и Италии⁴⁶. Представители этих стран предпринимали попытки через югославских коллег получить актуальную информацию о ситуации в Албании. Согласно инструкциям из Белграда, югославские дипломаты решительно отвергали всякую возможность обмена информацией. В качестве условия любых разговоров на этот счет они требовали ясной декларации со стороны итальянцев, что те не имеют никаких агрессивных намерений в отношении Албании⁴⁷. Албанский вопрос стал одним из важнейших в югославно-итальянских отношениях начала 1960-х годов. В 1960—1961 гг. итальянская сторона не упускала удобного случая, чтобы затронуть его в контактах с югославами. В качестве примера можно привести визит Кочи Поповича в Рим в декабре 1960 г. и поездку итальянского министра иностранных дел Антония Сеньи в Белград в июне 1961 г. Сеньи выразил заинтересованность в возможности непосредственно получать информацию о позиции Югославии, состоянии дел в Албании⁴⁸. Эта

⁴⁴ Главное разведывательное управление Генштаба ЮНА.

⁴⁵ ДАСМИП. ПА-1961. Албанија. Ф. 1. 437083. Записник са састанка одржаног 24. октобра 1961. по питању Албаније.

⁴⁶ Meta B. Marrëdhëniet shqiptaro-greke ne vitet 1960–1962 // Studime historike. 2004. № 1–2. P. 125–142.

⁴⁷ ДАСМИП. ПА-1961. Албанија. Ф. 1. 437731. Упутство ДСИП–а свим дипломатским представништвима од 16. децембра 1961.

⁴⁸ Там же. ПА-1962. Албанија. Ф. 1. 41509. Извештај о стању у Албанији и односима са Италијом.

заинтересованность итальянцев возрастала параллельно с развитием советско-албанского конфликта и усилением влияния на Тирану Китая. Так же итальянцы вели себя и в контактах с представителями Греции⁴⁹. В разговорах и с одними, и с другими они подчеркивали, что выступают за сохранение территориальной целостности Албании. Югославская дипломатия весьма сдержанно делилась взглядами на происходящее в Албании, постоянно подчеркивая нежелание вмешиваться во внутренние процессы соседней страны. Итальянцы полагали, что вероятность нормализации отношений между Албанией и Югославией мала⁵⁰. В своих прогнозах они видели два варианта эволюции внешней политики НРА: или расширение сотрудничества с Западом, что неизбежно происходило бы через Италию, или возобновление отношений с Югославией. Второй вариант представлялся возможным, но маловероятным⁵¹. Интересовала итальянцев и позиция Белграда в случае возможной интервенции в Албанию со стороны Запада или с Востока. Считалось, что в Югославии это восприняли бы как прямую угрозу, что повлекло бы ответные действия в том или ином виде⁵². Ситуация вокруг Албании усложняла и югославно-греческие отношения, разжигая подозрения греков относительно истинных замыслов Белграда в этой стране⁵³.

Британские дипломаты считали, что югославно-албанские отношения ухудшились еще больше вследствие конфликта между Тираной и Москвой⁵⁴. По их мнению, причин для беспокойства не было, так как югославская сторона не демонстрировала намерений вторгнуться на территорию Албании. Югославское руководство приветствовало бы любой новый режим в этой стране, но не собиралось организовывать переворот. К тому же англичане считали,

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² ДАСМИП. ПА-1962. Албанија. Ф. 1. 42150. Телеграм ДСИП–а свим дипломатским представништвима од 22. јануара 1962.

⁵³ Там же. 41509. Извештај о стању у Албанији и односима са Италијом.

⁵⁴ TNA. FO-371. 163902. Confidential. RY (1011/4). Annual Review: 1961.

что югославы твердо выступают за сохранение независимого албанского государства и не собираются вмешиваться в его внутреннюю жизнь⁵⁵. Учитывая тот авторитет, который Великобритания имела на Западе, а особенно ее влияние в НАТО, при обсуждении проблем Балкан ее позиции имели большое значение и напрямую влияли на создание позитивного образа Югославии в глазах западных дипломатов и представление как о стране, которая не имеет агрессивных намерений в отношении Албании, что также помогало более четко провести грань между югославской и советской позицией по этому вопросу.

В конце 1961 г. албанское правительство предприняло попытку со своей стороны повлиять на улучшение отношений с Югославией, используя заявления Энвера Ходжи в Гирокастре и Броза Тито в Скопье. Тирана смягчила критику югославской позиции по вопросу сотрудничества с социалистическим лагерем. Мехмед Шеху прекратил свойственные ему нападки, подчеркивая лишь необходимость борьбы против современных ревизионистов, которые проводят закулисные переговоры с Западом. Однако ряд спорных вопросов сохранился. Албанское правительство не желало отправлять своего посланника в Белград, пока того же не сделает правительство ФНРЮ, которое в свою очередь настаивало, чтобы первый шаг предприняла Тирана, так как югославский посланник там подвергся дискриминации, в то время как албанский посланник в Белграде проводил пресс-конференцию в целях расширения антиюгославской кампании. Проблемой оказался и отказ албанцев предоставить кинозал для демонстрации югославских фильмов, а также засылка шпионов из НРА на территорию ФНРЮ. Албанцы пытались опровергнуть эту информацию, настаивая на том, что они не рассматривают Югославию в качестве враждебной стороны и не ожидают нападения с ее территории. Кроме того они оправдывались тем, что и Югославия ранее предпринимала подобные действия. Временный поверенный в делах ФНРЮ в НРА Гойко Здуич сообщил МИД НРА о поимке на югославской территории несколь-

⁵⁵ TNA. FO-371. 163902. Confidential. RY (1011/1). Annual Review: 1961.

ких албанских агентов, предлагал Тиране прекратить подобную деятельность⁵⁶. В то же время некоторые албанские партработники среднего и низшего звена нередко заявляли, что страна подвергается внешней угрозе со всех четырех сторон⁵⁷. Несмотря на заметное смягчение критики Тираны в адрес Югославии и ее лидеров, она продолжалась. При этом албанские политики часто упоминали о заговоре Хрущева — Тито против албанского социализма. Вновь и вновь осуждались советская и югославская модель социализма одновременно с неизбежными в таких случаях панегириками Китаю и его революционным завоеваниям⁵⁸.

Учитывая глубину конфликта, югославская дипломатия не предпринимала никаких серьезных инициатив по нормализации отношений с Албанией, но правительство ФНРЮ использовало его для улучшения отношений с СССР и его союзниками⁵⁹. Поэтому Югославия не солидаризировалась с политикой восточного блока в этом конфликте, но и не дистанцировалась от нее. Подчеркивалась необходимость развития добрососедских отношений, но без каких-либо дружеских проявлений к албанским руководителям. Большое внимание уделялось тому, чтобы ни одна югославская акция или заявление не могли быть истолкованы как проявление поддержки режима Энвера Ходжи⁶⁰. Кроме того, большое значение придавалось сбору информации и анализу сведений об албанской политике в отношении Югославии. Несмотря на усилия со стороны югославы, не были решены проблемы, связанные с соглашением о ремонте кораблей в портах; с выполнением конвенции о взаимной правовой помощи, а также соглашения между ветеринарными службами; делимитацией реки Бояна; возвращением Югославии принадлежавшей ей виллы-резиденции в городе

⁵⁶ ДАСМИП. ПА-1961. Албанија. Ф. 1. 436204. Телеграм посланства у Тираны ДСИП—у од 4. децембра 1961.

⁵⁷ Там же. 436208. Телеграм посланства у Тираны ДСИП—у од 5. децембра 1961.

⁵⁸ AMZV. TO—T. Yugoslavie. IV-4. K. 4. 024035.

⁵⁹ ДАСМИП. ПА-1961. Албанија. Ф. 1. 436985. Телеграм ДСИП—а посланству у Тираны од 8. децембра 1961.

⁶⁰ Там же.

Дуррес; уходом за могилами погибших во время Первой мировой войны воинов королевской Сербии, похороненных на военных кладбищах в Албании; улучшением статуса и отношения к югославскому дипломатическому персоналу в Тиране; подтверждением права собственности на участок земли и здание дипломатического представительства СФРЮ в Тиране; возвращением албанской задолженности, накопившейся за период до 1948 г.; судьбой участников эстафеты Тито, арестованных в районе Скадарского озера; репатриацией югославских граждан, а также статусом югославских национальных меньшинств в Албании⁶¹. Отдельную проблему представляли спекуляции в западных СМИ, согласно которым Югославия активно действовала в направлении ликвидации режима Энвера Ходжи и установления в Албании власти Панайота Пляку, что на самом деле полностью противоречило политике, проводимой Югославией.

Вопреки крайне напряженной ситуации в двусторонних отношениях, в августе 1961 г. был подписан новый протокол о торговле между ФНРЮ и НРА, что демонстрировало желание продолжить экономическое сотрудничество⁶². Несколько улучшило ситуацию согласие албанской стороны на предложение Югославии о разрешении текущих проблем управления водными ресурсами в приграничных территориях. Это подразумевало изменения в подходе Тираны к спорным вопросам между двумя странами.

Таким образом, советско-албанский конфликт повлек за собой ряд политических сложностей. Он не был просто идеологическим спором. Значительную роль играла КНР, руководство которой проводило все более независимую политику, направленную на выход из единого до тех пор блока социалистических стран, с тем чтобы самостоятельно выступать с крайне жестких и радикальных позиций. Это дополнительно ухудшало отношения между СССР и Албанией. В Китае Албания нашла нового патрона, усилив тем самым свое положение в противостоянии с Советским Союзом, однако это означало конфликт и с другими участниками восточного блока.

⁶¹ Там же. 436987. Отворена питања између нас и Албаније.

⁶² AJ. 130–СИБ. К. 617. А. j. 1016. 180. Допис ДСИП-а СИБ-у од 31. августа 1961.

Выход Албании из советского лагеря и ее сближение с Китаем вызвали большой интерес западных стран, которые пытались оценить ее положение в новом раскладе сил на Балканах. Особый интерес проявляла Греция как сосед, с которым НРА находилась в долгом и остром конфликте, а также Италия, видевшая в возникшем конфликте шанс реализации ее старых планов в отношении Албании.

В атмосфере конкуренции великих держав Югославия стремилась держаться в стороне. Ее отношения с Албанией были сведены к экзистенциальному минимуму. Между Тираной и Белградом сохранялся лишь ограниченный товарообмен. Хотя, несмотря на антиюгославскую пропаганду, албанское правительство предпринимало попытки на фоне конфликта с СССР сблизиться с Югославией. Подобные инициативы в Белграде отвергали, так как считали, что таким образом будет оказана косвенная поддержка режиму Ходжи и испорчены отношения не только с Советским Союзом, но и с западными странами, считавшими Албанию страной совершенно неприемлемой и не внушающей доверия для любого серьезного политического сотрудничества. Постепенное и открытое сближение Албании с Китаем и ее самоизоляция в отношении соседних стран, восточного и западного блоков, и одновременно все большее сотрудничество Югославии со странами третьего мира и ее лавирование между Востоком и Западом на много лет обусловили чрезвычайно напряженное состояние югославно-албанских отношений.

Глава 9

СССР, Югославия и Албания перед вызовами кризиса 1968 г.

После нормализации отношений с Советским Союзом, состоявшейся в конце 1961 — начале 1962 г., Югославия поддерживала тесные отношения со странами — участниками ОВД. В процессе нормализации налаживались близкие политические и экономические связи, при этом в военно-техническом отношении Югославия во многом полагалась на СССР и его союзников. Интенсификация контактов, начатая в течение 1964 г., достигла пика во время ближневосточного кризиса 1967 г., когда Белград, стремившийся обеспечить военную и дипломатическую поддержку арабским союзникам, столкнулся с полной неэффективностью Движения неприсоединения. Кроме того, опасаясь, что приближение эпицентра межблокового противостояния к Средиземноморью поставит под угрозу ее национальную безопасность, СФРЮ приняла участие во всех четырех конференциях лидеров социалистических государств, являвшихся одновременно и встречами руководителей стран — членов ОВД, на которых обсуждались варианты оказания помощи арабским странам, понесшим тяжелые потери в ходе войны с Израилем¹. Таким образом, Югославия превратилась в неформального члена Варшавского пакта. Ее отношения со странами — участниками этого союза, во главе которого стоял СССР, поднялись до уровня периода с первых лет после Второй мировой

¹ О воздействии Ближневосточного кризиса 1967 г. на внешнюю политику Югославии и ее международное положение подробнее см.: *Bogetić D., Životić A.* Jugoslavija i Arapsko-izraelski rat 1967. Beograd, 2010. S. 131–175.

войны и до начала конфликта 1948 г. Военно-техническое сотрудничество с Советским Союзом, поставлявшим Югославии наиболее сложные системы вооружений и военного снаряжения, делало Югославию полностью зависимой от Варшавского пакта².

Но в конце августа 1968 г., когда состоялась интервенция пяти членов ОВД в Чехословакию, страх перед возможным советским вмешательством во внутренние дела Югославии, который ее руководство испытывало со времени конфликта 1948 г., особенно усилился. Объяснения Москвы, что речь идет о легитимных действиях в духе социалистического интернационализма, югославские партийные и правительственные круги расценили как прямую угрозу, опасность которой усугублялась и тем, как на события в Чехословакии отреагировал Запад, признавший за СССР право наводить порядок по собственному усмотрению внутри социалистического лагеря³.

С другой стороны, актуальным стал вопрос об оценке роли Югославии Западом в ситуации негласного соглашения о разделе сфер интересов в Европе, которое обе стороны соблюдали после временного урегулирования берлинского кризиса. Считает ли Запад Югославию членом восточного блока? Официальному Белграду, почувствовавшему угрозу со стороны идеологических союзников, пришлось пойти на сотрудничество с идеологическими противниками, отношения с которыми были довольно натянутыми⁴. В этой тяжелой ситуации, вызванной действиями СССР, югославские

² О возобновлении военно-технического сотрудничества между Югославией и СССР, а также его параметрах подробнее см.: *Dimitrijević B.* Jugoslovensko ratno vazduhoplovstvo 1942–1992. Beograd, 2006. С. 159–194; *Idem.* Modernizacija i intervencija. Jugoslovenske oklopne jedinice 1945–2006. Beograd, 2010. С. 126–133; *Петровић Н. Ж.* Војна сарадња Југославије са Совјетским Савезом 1953–1964. године. Поглед из Београда. Београд, 2016. С. 133–248; *Он же.* Војна сарадња СФРЈ са СССР 1965–1970 // Војноисторијски гласник. 2016. № 2. С. 182–197.

³ *Богетић Д.* Југословенско-совјетски односи у светлу војне интервенције у Чехословачкој 1968. године // Зборник 1968–40 година после. Београд, 2008. С. 129–130.

⁴ *Bogetić D.* Jugoslovensko-američki odnosi u svetlu vojne intervencije u Čehoslovačkoj 1968 // Istorija XX veka. 2/2007. S. 75–80.

правляющие круги вечером 21 августа созвали совместное заседание Президиума и Исполнительного комитета ЦК СКЮ, а 22 августа — пленум ЦК СКЮ⁵. Собравшиеся согласились с мнением Й. Броза Тито, что нарушен суверенитет отдельного государства, произошел акт агрессии, который, с одной стороны, с воодушевлением воспринят врагами социализма, а с другой — ясно свидетельствует о гегемонистских намерениях СССР. Большое значение имел и призыв ко всем гражданам Югославии быть готовыми к защите страны⁶. Одновременно принимались необходимые меры по повышению обороноспособности, опиравшиеся на доктрину всенародной войны и общего сопротивления потенциальному агрессору⁷. Под предлогом учений были приведены в боевую готовность некоторые части сухопутных сил и ПВО (ракетные части и истребительная авиация)⁸.

Осуждение военной интервенции, солидарность с чехословацким руководством и требование срочного вывода войск ОВД из Чехословакии — таково содержание официального югославского письма, которое 22 августа в Белграде было вручено дипломатическим представителям всех пяти государств — участников Варшавского пакта, совершивших вторжение в Чехословакию. Аналогичное заявление прозвучало и на заседании Совета Безопасности ООН, созданном в связи с событиями в Чехословакии⁹. Позиция СФРЮ вызвала в СССР волну негодования. 30 августа Й. Броз лично выслушал обвинения, которые ему озвучил посол СССР в СФРЮ И. А. Бенедиктов¹⁰. Резкую тональность заявлений совет-

⁵ *Dimić Lj.* Pogled iz Beograda na Čehoslovačku 1968. godine // *Tokovi istorije*. 2005. № 3–4. S. 205–207; *Pelikan J.* Jugoslavie a Pražske jaro. Praha, 2008. S. 161–190.

⁶ АЈ. Ф. 507/III. Документ 134. Девета заједничка седница Председништва и Извршног комитета ЦК СКЈ од 21. августа 1968.

⁷ *Ђелајац М.* ЈНА на искушењима 60-тих година прошлог века // *Зборник 1968–40 година после*. Београд, 2008. С. 399–402.

⁸ *Radić A.* Vežba «Avala». Jugoslovenska odbrana od Varšavskog pakta 1968. godine // *Istorija XX veka*. 2006. S. 87–104.

⁹ ДАСМИП. ПА-1968. Строго поверљиво. Ф. III. Документ број 83.

¹⁰ АЈ. 837. I-3–а. СССР. Забелешка о пријему совјетског амбасадора код Председника Тита, 30. август 1968.

ской стороны югославы восприняли как сигнал к усилению подготовки к обороне.

Географическая открытость по отношению к сопредельным государствам — участникам ОВД — обусловила уязвимость положения Югославии. Растянутая граница с Венгрией и Румынией в Паннонии, неблагоприятные условия для ведения военных действий вдоль границы с Болгарией, протянувшейся от Джердапа до Дойрана, и ландшафтно неудобная в стратегическом отношении приграничная зона на албанском направлении, недостаточная оперативная глубина собственной государственной территории, легкая проходимость северных и западных областей, открытых для стремительных бросков моторизованных частей, незащищенность окрестностей урбанизированных центров, которые могли бы стать легкой добычей тактического или оперативного десанта, открытость значительной части адриатического побережья для высадки и дальнейшего продвижения крупных сил по направлениям, ведущим вглубь страны, — все перечисленное вызывало озабоченность у югославского государственного и военного руководства¹¹.

Военно-техническая зависимость от СССР, нехватка современного противотанкового оружия и систем ПВО, истребительная авиация, представлявшая собой сочетание немногочисленных современных советских истребителей типа МИГ-21 и уже устаревших американских самолетов, недостаточные запасы продовольствия, топлива и боеприпасов, неудовлетворительное техническое состояние вооружений и снаряжения, относившихся к технологическому поколению конца Второй мировой войны — первых послевоенных лет и полученных в рамках советской, а затем и западной военной помощи, а также опасения в связи с состоянием автодорог и железнодорожных путей — все это отягощало ситуацию, в которой оказалась Югославия¹². А если к этому добавить тяжелое

¹¹ О военно-географических характеристиках вероятных югославских фронтов по отношению к соседним государствам — участникам Варшавского договора подробнее см.: *Божич А., Кнежевић М.* Основи војне географије. Суседне земље. Београд, 1955.

¹² АЈ. 837. I-5–с. Белешка о закључцима са састанка код председника СИВ-а о предузимању мера поводом најновијеситуације на Блиском истоку одржаном 7. јуна 1967. у 17,30 часова.

материальное положение и снизившийся уровень жизни кадровых служащих ЮНА, пострадавших от ужесточения финансовой политики после 1965 г., то картина югославского оборонительного потенциала станет еще мрачней. При этом кадровая структура самой ЮНА была серьезно нарушена вследствие как неизбежной смены поколений, так и различных политических и национальных комбинаций как результата все более и более проявлявшегося внутреннего кризиса югославского государства, усиления политических течений, способствовавших децентрализации, введения принципа «национальных ключей» в ходе продвижения по кадровой лестнице и влияния республик на кадровую политику в вооруженных силах страны, а также произвольных действий по увольнению на пенсию и демобилизации. Сказанное, в первую очередь, относилось к генералитету, неспособному соответствовать вызовам сложившейся ситуации вопреки ожиданиям партийных и правительственных кругов. Неудивительно, ведь профессиональные качества высшего командного состава были всерьез подорваны национальными и региональными противоречиями¹³. Из этого складывалась «югославская действительность», которую характеризовала, с одной стороны, всеобщая убежденность в верности приверженности отстаиваемым позициям, а с другой — страх перед возможной эскалацией противоречий и советским военным вторжением.

Албания, южный сосед Югославии, тоже оказалась в деликатном дипломатическом положении. Формально оставаясь членом ОВД, она после произошедшего в 1961 г. конфликта с СССР последовательно дистанцировалась от этого военного союза и не участвовала в интервенции в Чехословакию. Напуганные тем, как внутри восточного блока расправились с чехословацким «диссидентством», албанские руководители также стремились сохранить самостоятельность, хотя отстаивали они отнюдь не либеральные, а сугубо сталинистские позиции. Страх в связи с вероятным советским вторжением подпитывался убежденностью в том, что Советы особенно заинтересованы в Албании и ее побережье,

¹³ О состоянии ЮНА во второй половине 1960-х годов подробнее см.: *Dimitrijević B.* Jugoslovensko ratno vazduhoplovstvo 1942–1992. Beograd, 2006. S. 195–221; *Idem.* Modernizacija i intervencija. S. 143–202.

которое в ситуации эскалации холодной войны могло послужить военно-морской базой — значимым элементом присутствия советских сил в регионе. Основанием для подобных рассуждений албанских правящих кругов служил имевший место ранее советско-албанский конфликт в связи с советской военно-морской базой во Влёре¹⁴.

В знак протеста против советской интервенции в Чехословакию 5 сентября 1968 г. Тирана формально заявила о намерении выйти из Варшавского пакта. Таким образом Албания пыталась устранить опасность, когда ее членство в военном союзе могло быть использовано как предлог для советского вмешательства во внутренние дела НРА¹⁵. Придя к этому решению, албанское правительство 9 сентября 1968 г. незамедлительно полуофициальным путем уведомило Белград как о выходе из Варшавского пакта, так и о намерении поддержать Югославию, если та подвергнется советской военной интервенции¹⁶. Проведя необходимые консультации, югославское руководство посредством того же канала связи ответило албанскому правительству, что «ценит независимость и суверенитет Народной республики Албания»¹⁷. Совершенно ясно, что албанские власти стремились, не прибегая к официальным и формальным способам, добиться нормализации отношений с Югославией. И даже более того — предложить своему некогда ближайшему партнеру новый союз на случай общей военной угрозы. Наученная, очевидно, прежним горьким опытом, югославская сторона колебалась и лишь повторяла неизменный тезис и основополагающий постулат своего внешнеполитического курса в отношении Албании: во имя сохранения стабильности на Балканах надлежит сохранить

¹⁴ О роли Албании в ОВД подробнее см.: *Lalaj A.* Albanien und der Waschauer Pakt // *Der Warschauer Pakt. Von der Gründung bis zum Zusammenbruch 1955 bis 1991* / hrsg. von T. Diedrich, W. Heinemann, C. Osterman. Berlin, 2009. S. 27–42.

¹⁵ *Искендеров П.* Влияние кризисов 50–60-х годов XX века на модернизационные процессы в Албании // 1956 год. Российско-болгарские научные дискуссии: сб. статей. М., 2008. С. 430–431.

¹⁶ *Липковски Т.* Четири тиранске године. Београд, 2008. С. 15–16.

¹⁷ Там же. С. 18.

независимость и самостоятельность в ее международно признанных границах.

12 сентября 1968 г. председатель правительства НРА Мехмед Шеху, выступая на VI сессии Народного собрания, посвященной формализации решения о выходе страны из Варшавского договора, заявил, что Советский Союз превратил эту организацию в средство порабощения остальных социалистических народов¹⁸. До сих пор неясно, почему албанское руководство в момент советского вторжения в Чехословакию решило окончательно порвать с ОВД. Доступные источники не позволяют дать однозначный ответ: имел ли ключевое значение один лишь страх перед возможной военной угрозой или главную роль сыграло предложение китайского руководства — в то время идеологического, политического, военного и экономического патрона и покровителя Албании. Хотя в Средиземном море находилась мощная группировка советских военно-морских сил, их расположение, численность и направление движения ясно свидетельствуют о том, что советское военное вторжение в Албанию в то время не планировалось¹⁹.

Остается загадкой, в какой мере албанское руководство было в курсе намерений СССР и насколько на практике руководствовалось китайской информацией и рекомендациями. По мнению российского историка М. Ю. Прокуменщикова, НРА по предложению Пекина вышла из Варшавского договора (хотя ее членство в нем к этому моменту уже восемь лет было сугубо формальным), чтобы иметь повод для осуществления очередной идеологической кампании и озвучивания новых обвинений в адрес советского руководства. Москва же, будучи обремененной проблемами в Чехословакии, а также необходимостью принимать меры к сохранению военного и политического союза, не обращала особого внимания на антисоветскую риторику Тираны²⁰. В пользу данного утвержде-

¹⁸ АЈ. 837. I-3—а. Албанија. Информација о позицији НР Албаније и односима са СФР Југославијом после агресије на ЧСР. С. 1.

¹⁹ Прокуменщиков М. Ю. Пекин — Москва — Прага: путь от «культурной революции» к «пражской весне» и обратно // Пражская весна и международный кризис 1968 года. Исследования. М., 2010. С. 258.

²⁰ Там же.

ния свидетельствует тот факт, что в ходе совещания представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в Москве 18²¹, 24²² и 25 августа²³, не рассматривалась возможность какого-либо военного или политического воздействия на Албанию. Также не обсуждалась реакция Пекина на совместную интервенцию в Чехословакию²⁴.

Албанское руководство, опасаясь советского вторжения, издало следующие распоряжения: произвести частичную мобилизацию; усилить гарнизоны на границе с Грецией и на адриатическом побережье; организовать учебные мятежи для проверки боеготовности; сформировать молодежные и территориальные отряды; ограничить передвижения иностранцев вне центральных кварталов Тираны. Был направлен протест Болгарии в связи с концентрацией войск на ее территории, что якобы служило угрозой миру на Балканах²⁵. Кроме того Албания для укрепления своего международного положения предприняла шаги к улучшению отношений с соседними государствами, а также с некоторыми государствами Европы, в первую очередь со скандинавскими. Тирана также стремилась к установлению дипломатических отношений с теми странами, с которыми до этого у нее их не было. Действия албанской дипломатии

²¹ Стенограмма совещания в Москве представителей коммунистических и рабочих партий Народной Республики Болгарии, Венгерской Народной, Германской Демократической Республики, Польской Народной Республики и Союза Советских Социалистических Республик, 18 августа 1968 // Пражская весна и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 232—253.

²² Стенограмма совещания в Москве руководителей КПСС, СЕПГ, ПОРП, ВСРП и БКП 24 августа 1968 // Пражская весна и международный кризис 1968 года... С. 298—313.

²³ Стенограмма совещания в Москве руководителей КПСС, СЕПГ, ПОРП, ВСРП и БКП 25 августа 1968 // Пражская весна и международный кризис 1968 года... С. 315—323.

²⁴ О советском страхе перед распространением китайского и чехословацкого социально-идеологического влияния в социалистическом мире: Липкин М. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середины 1940-х — конец 1960-х годов. М., 2016. С. 468—496.

²⁵ АЈ. 837. I-3—а. Албанија. Информација о позицији НР Албаније и односима са СФР Југославијом после агресије на ЧСР. С. 1—2.

имели успех: число стран, признавших НРА, возросло с 30 до 74. Тем не менее, в отношениях с Грецией существенных изменений не произошло: сохранилось состояние войны, длившееся с 1940 г. (дипломатические отношения были установлены лишь в 1971 г.)²⁶. Тем не менее, несмотря на то что чехословацкие события вынудили официальную Тирану к более реалистичной оценке внешнеполитической ситуации, основные компоненты ее внешнеполитического курса не поменялись. Китай остался главной опорой Албании на международной арене. Албанские официальные лица подчеркивали, что основную опасность представляет СССР, который после XX съезда КПСС встал на путь «ревизионистской политики»²⁷.

В страхе перед возможной интервенцией со стороны СССР и его союзников Тирана активно занялась налаживанием отношений с Белградом. Причина этого — внешнеполитическое положение Албании, которая, находясь между Сциллой Китая и Харибдой СССР, пыталась обрести опору в лице соседних государств. В ходе выступления в стенах Народного собрания Шеху подчеркнул, что Албания хочет нормальных отношений с соседями, основанных на полном взаимном уважении суверенитета и невмешательстве во внутренние дела. В духе этого заявления была снижена активность антигреческой пропаганды, а также активизировалась работа по развитию отношений с Италией и Турцией²⁸. В контексте курса на развитие связей между балканскими государствами были предприняты соответствующие шаги навстречу Румынии, дистанцирование которой от остальных стран — членов ОВД и отказ от участия во вторжении в Чехословакию импонировали также и Белграду²⁹.

Сразу после интервенции государств ОВД в Чехословакию в албанских СМИ прекратилась острая антиюгославская кампания. Албанские дипломаты, члены албанских делегаций, входив-

²⁶ *Коматина М.* Енвер Хоца и југословенско-албански односи. Београд, 1995. С. 111–112.

²⁷ АЈ. 837. I-3–а. Албанија. Информација о позицији НР Албаније и односимаса СФР Југославијом после агресије на ЧСР. С. 2.

²⁸ *Коматина М.* Енвер Хоца... С. 111–112.

²⁹ АЈ. 837. I-3–а. Албанија. Информација о позицији НР Албаније и односима са СФР Југославијом после агресије на ЧСР. С. 2.

ших в совместные двусторонние комиссии по демаркации границ и решению пограничных споров, а также дипломатические представители НРА за рубежом инициировали обсуждение последних событий, подчеркивая готовность правительства и народа Албании отстаивать свою свободу и независимость³⁰. Полагая, что главная угроза исходит от СССР, в Тиране не исключали, что опасность могут представлять и Греция с Италией³¹. Кроме того, представители НРА неформально сообщили югославской стороне, что в случае войны они готовы защищать пролив Отранто, так как греческий корпус в составе пяти дивизий готов к действиям в направлении Албании и Югославии³², а также что по имеющейся информации итальянцы внимательно отслеживают передвижения югославских войск в адриатической зоне³³ и заняты вербовкой диверсантов из рядов югославских гастарбайтеров на Западе. Все это свидетельствовало о том, что албанцы серьезно озаботились проблемой повышения обороноспособности страны³⁴.

Хотя Белград получил от итальянского военного и политического руководства заверения в том, что со стороны Италии ему не грозит военная опасность, общая атмосфера кризисной ситуации, сложившейся после чехословацких событий, способствовала распространению разнообразных страхов и подозрительности³⁵. Что было нового в этих условиях, так это готовность Албании после многих лет конфликтов и противоречий вести с югославами открытые, хоть и неофициальные, переговоры об актуальных проблемах. Используя те же каналы, албанская сторона инициировала

³⁰ *Hadalini J.* Boj za Albanijo: propad jugoslovanske širitve na Balkan. Ljubljana, 2011. S. 325–327.

³¹ ДАСМИП. ПА-1968. Ф. 1. 434015. Телеграм свим дипломатско-конзуларним представништвима од 25.9.1968.

³² По этой информации три дивизии были сосредоточены в направлении Албании, а две — Югославии. См.: ДАСМИП. ПА-1968. Ф. 1. 433289. Телеграм Посланства у Тирану ДСИП–у од 13.9.1968.

³³ Там же.

³⁴ ДАСМИП. ПА-1968. Ф. 1. 446598. ДСИП–а Другој управи Генералштаба од 30.9.1968.

³⁵ *Musihić S.* Југословенско-италијански односи и чехословачка криза 1968. године // Зборник 1968–40 година после. Београд, 2008. С. 207–210.

несколько встреч, в ходе которых излагалась актуальная позиция албанского правительства в отношении Югославии. Неоднократно подчеркивалось, что идеологические противоречия должны отойти на второй план, а основное внимание в двусторонних отношениях надлежит уделить отстаиванию независимости обоих государств. Руководители НРА и АПТ заверяли, что на албанско-югославской границе воцарится мир, что с территории Албании не исходит никакой угрозы для СФРЮ, а также что Тирана окажет посильную помощь Белграду и Бухаресту, если те подвергнутся агрессии³⁶.

Сосредоточение военных сил ОВД на югославских границах побудило СФРЮ принять ряд мер оборонительного характера: повысить уровень боеготовности вооруженных сил; произвести мобилизацию и сосредоточение войск на границе с Венгрией и Болгарией, а присутствие в Средиземноморье мощной группировки советского ВМФ побудило албанское правительство предпринять дополнительную мобилизацию и сосредоточение войск в прибрежной полосе и на границе с Грецией³⁷. В ходе контактов с югославскими коллегами албанские дипломаты неофициально подчеркивали необходимость улучшения двусторонних отношений в интересах совместной обороны в случае нападения на одну из стран или на обе одновременно. Подобная позиция встретила особое одобрение югославской стороны³⁸.

Кроме того, албанское правительство в интересах улучшения отношений с Югославией перестало обвинять ее во мнимых империалистических намерениях и угнетении албанского национального меньшинства. По проблеме Косова и Метохии албанцы теперь занимали гораздо более гибкую позицию. Подчеркивалось, что албанцы в Югославии пользуются всеми возможными правами и имеют равные с остальными возможности для развития³⁹.

³⁶ ДАСМИП. ПА-1968. Ф. 1. 433296. Телеграм Посланства у Тиране ДСИП—у од 13.9.1968.

³⁷ ДАСМИП. ПА-1968. Ф. 1. 436585. Телеграм Посланства у Тиране ДСИП—у од 6.10.1968.

³⁸ АЈ. 837. I-3—б. Албанија. Забелешка о разговору СДС Љ.С. Бабића са албанским отпраивником послера Л. Сеитијем, 12.9.1968. године.

³⁹ АЈ. 837. I-3—а. Албанија. Информација о позицији НР Албаније и односимаса СФР Југославијом после агресије на ЧСР. С. 2.

Албанская сторона демонстрировала большую готовность к решению открытых вопросов двусторонних отношений. С этой целью состоялось заседание подкомиссии по проблемам водного хозяйства⁴⁰ и комиссии по урегулированию пограничных инцидентов⁴¹. Начались переговоры о заключении ветеринарной конвенции, заработала Комиссия по вопросам торгового обмена. Однако, несмотря на очевидные признаки взаимного потепления, отношение к югославским дипломатам в Тиране не изменилось. Оставалось в силе ограничение на передвижение, запрещалось общаться с албанскими гражданами, продолжилась слежка. Официальные контакты остались на уровне референтов. По сравнению как с западными, так и с восточными дипломатическими представительствами посольство в Югославии в Тиране находилось в дискриминированном положении⁴². Подобное поведение выглядело вполне логичным, с учетом того что албанские представители излагали свои соображения преимущественно в ходе неформальных встреч и переговоров. Сдержанность и осторожность, проявлявшаяся албанцами в официальных контактах, была основой внешнеполитического курса Тираны, свидетельством чему служило то, как она формулировала или пересматривала собственную политику в отношении Югославии⁴³.

Поскольку югославской стороне не было до конца понятно, вызван ли новый вектор албанской политики лишь сиюминутными соображениями, обусловленными страхом перед агрессией, или речь шла об устойчивом курсе навстречу СФРЮ, она решила ненавязчиво поощрять все усилия албанцев. Что касается дальнейших контактов, Белград предпочел соглашаться с теми их формами,

⁴⁰ АЈ. 837. I-3—а. Забелешка о разговору А. Мурсељевића, преводиоца у југословенском делу Мешовите Подкомисије за водопривреду са Ј. Чулијем, чланом албанског дела поменути Подкомисије, за време преговора, одржаних од 11. до 15. септембра 1968. године у Скадру.

⁴¹ АЈ. 837. I-3—б. Албанија. Информација о разговоримакоји су вођени 10.9.1968. године у Скадру у Главној мешовитој југословенско-албанској комисији за спречавање и решавање граничних инцидента.

⁴² АЈ. 837—КПР. I-3—а. Албанија. Информација о позицији НР Албаније и односимаса СФР Југославијом после агресије на ЧСР. С. 4.

⁴³ *Коматина М.* Енвер Хоџа... С. 112—114.

которые считала приемлемыми для себя албанская сторона⁴⁴, о чем ей и было открыто заявлено⁴⁵. В связи с этим ГСИД СФРЮ 19 и 23 сентября 1968 г. организовал несколько рабочих совещаний с представителями тех учреждений и институтов, которые реализовали конкретные меры по сотрудничеству с НРА. В ходе этих встреч анализировались различные аспекты: торговый обмен, вопросы водного хозяйства и автодорожного сообщения. Тогда же было принято решение максимально пойти навстречу пожеланиям албанцев относительно увеличения экспорта их товаров в Югославию, а также занять по возможности гибкую позицию при заключении соответствующих соглашений⁴⁶. Имело место стремление, придерживаясь тактичного и гибкого подхода, создать необходимые условия для решения открытых вопросов двусторонних отношений. 26 сентября в ходе встречи с представителями пограничных республик и Автономной области Косово и Метохия обсуждалось дальнейшее сотрудничество с Албанией, утверждены направления дальнейшей политики в ее отношении, а также определены задачи, которые предстояло решить отдельным республикам в процессе реализации указанных направлений⁴⁷. Кроме того, состоялись и консультации с представителями средств массовой информации, получившими инструкции по освещению новых аспектов югославской политики в отношении НРА и всего, что касалось Албании⁴⁸. Несмотря на постепенную нормализацию межгосударственных отношений, на заседаниях совместных двусторонних комиссий нередко происходили серьезные инциденты, причиной которых становилась полемика как вокруг возникавших спорных рабочих моментов, так и попыток албанцев переложить ответственность

⁴⁴ АЈ. 837. I-3—а. Албанија. Информација о позицији НР Албаније... С. 5.

⁴⁵ АЈ. 837. I-3—б. Албанија. Забелешка о разговору СДС Љ.С. Бабића са албанским отправником послера Л. Сеитијем, 12.9.1968. године.

⁴⁶ АЈ. 837. I-3—б. Албанија. Белешка о реализацији закључака донетих на Колегију код ДС Никезића од 19. септембра 1968. године у вези Албаније. С. 1—2.

⁴⁷ Там же. С. 2.

⁴⁸ АЈ. 837. I-3—а. Албанија. Информација о позицији НР Албаније и односима СФР Југославијом после агресије на ЧСР. С. 5.

за многолетнюю стагнацию взаимных отношений исключительно на югославскую сторону, что не могло не вызвать бурной реакции Белграда⁴⁹.

В тот момент, когда югославское руководство пребывало в недоумении относительно подлинных намерений албанцев, их представители (Йорго Чули — высокопоставленный сотрудник МВД; Йоргач Михали — от МИД) в Совместной югославско-албанской комиссии по восстановлению пограничных столбов (в виде каменных пирамид и прочих пограничных знаков) инициировали проведение 23 октября 1968 г. в Приштине встречи с Джоном Широкой — доверенным лицом Й. Броза Тито. Настояв на невозможности преодоления имевшихся идеологических противоречий, албанцы, тем не менее, предложили провести в Вене межгосударственные переговоры, посвященные гипотетическим совместным оборонительным усилиям в случае нападения на одну из стран или на обе одновременно. Доступные источники не позволяют с уверенностью утверждать, состоялись ли эти переговоры. Дополнительно известно только то, что Широка о поступившем предложении незамедлительно лично проинформировал лидера Югославии⁵⁰.

Военное вторжение пяти стран — участниц ОВД в Чехословакию привело к «потеплению» между Югославией и Албанией. Столкнувшись с угрозой вооруженной интервенции, оба государства стремились увеличить оборонительный потенциал. Однако в силу многолетнего конфликта, препятствий идеологического характера, а также страха албанского государственного и партийного руководства перед перспективой снова оказаться в «объятьях» более сильного и крупного соседа движение навстречу друг другу застопорилось на начальном уровне и не привело к установлению более прочных двусторонних связей. Чехословацкие события

⁴⁹ АЈ. 837. I-3—а. Албанија. Забелешка о разговору С. Стојаковића, председника југословенског дела Мешовите југословенско-албанске комисије за обнову граничних пирамида, међупирамида и других граничних ознака са члановима албанског дела Комисије и представницима албанског посланства у Београду од 9. до 19. октобра.

⁵⁰ АЈ. 837. I-3—а. Албанија. Информација о разговоримакоје сам водио са двојицом албанских представника.

открыли простор для диалога, но не смогли обеспечить более интенсивного сближения двух сопредельных государств. Кроме того, внешнеполитическая обстановка, служившая ключевым фактором югославско-албанского сближения, начала меняться, что исключительным образом сказалось на характере взаимоотношений, поспособствовав рецидиву старых проблем, которые в силу обстоятельств лишь ненадолго отошли на второй план⁵¹.

Дистанцирование румынского руководства от пяти стран — участниц Варшавского пакта во главе с Советским Союзом, осуществивших вторжение в Чехословакию, югославской стороной воспринималось как обнадеживающее, но отнюдь не неожиданное. Отдаление Румынии от ОВД и от советской политики имело длительную предысторию. Началось оно еще в 1955 г., когда Георгиу-Деж потребовал вывести советские войска с территории страны. Румынское противодействие советскому доминированию внутри соцлагеря, приостановленное в 1956 г., когда Бухарест поддерживал советское вторжение в Венгрию, в течение 1960-х годов переросло во все более открытую конфронтацию. Пути дальнейшего развития экономики Румынии, способы строительства социализма и отношение к основным международным кризисам тех лет (прежде всего на Ближнем и Среднем Востоке), порожденным холодной войной, — по этим вопросам Бухарест отказывался подчиняться диктату Советов. После 1964 г. и особенно после прихода к власти Николае Чаушеску Румыния играла все более самостоятельную роль на международной арене, стремясь занять независимую от СССР позицию и одновременно сблизиться с западными государствами. Последнее служило способом компенсировать на практике отдаление от Москвы. За год до чехословацких событий Румыния установила дипотношения с Федеративной Республикой Германия, а во время ближневосточного кризиса 1967 г. отказалась идти в фарватере политики СССР и ОВД. Она не стала разрывать отношения с Израилем и оказывать военную и экономическую помощь арабским странам. Румыния, заслужившая

⁵¹ Животућ А. Југославија, Албанија и чехословачка криза (1968–1971) // Токови историје. 2012. № 2. С. 62–85.

репутацию ненадежного союзника, не рассматривалась Советами как лояльный партнер⁵². По этим причинам СССР и союзные ему режимы стран Восточной Европы не стали привлекать ее к вторжению в Чехословакию. Несмотря на то что Румыния оставалась членом союза, ее не предупредили о запланированной операции, которая стала неожиданностью для руководства страны.

Вторжение в Чехословакию вызвало у румынского руководства паническую реакцию. Зажатая между СССР, Венгрией и Болгарией Румыния, хоть и не могла считаться малой страной в силу географических и демографических характеристик, в военном плане заметно отставала от своих союзников. Зависимая от Советского Союза в военном и экономическом отношении, настежь распахнутая перед своими социалистическими соседями, она могла рассчитывать только на югославскую помощь и поддержку. Тем более что Белград и Бухарест испытывали аналогичные вызванные чехословацкими событиями опасения, подпитывавшиеся давним расхождением с Москвой в оценке происходившего в Чехословакии. И Тито, и Николае Чаушеску в отличие от Кремля позитивно оценивали происходившие в ней перемены. Поэтому и реакция обоих деятелей на советское вмешательство была почти идентичной. Румынское государственное, партийное и военное руководство тоже предприняло ряд мер, направленных на повышение совокупного оборонительного потенциала и всестороннюю мобилизацию общества на случай необходимости дать отпор вторжению стран Варшавского пакта⁵³.

Одержимое страхами, подозрениями и домыслами, напуганное перспективой возможного вторжения, жестокостью и масштабностью использования военной силы в Чехословакии, обескураженное тем, как советская сторона сообщила об операции всего

⁵² *Deletant D.* Romania 1948–1989. A Historical Overview // Romania and the Warsaw Pact. 1955–1989. Selected Documents / ed. by D. Deletant, M. Ionescu. Washington, 2004. P. 25–28.

⁵³ О положении Румынии в ОВД, страхах ее руководства перед возможной советской интервенцией, а также ускоренных военных приготовлений подробнее см.: *Opris P.* Romania in Organizatia Tratatului de la Varsovia 1955–1991. Bucuresti, 2008.

за несколько часов до ее начала, румынское руководство решило обратиться к Югославии уже утром 21 августа 1968 г. Ввиду отсутствия в Бухаресте посла Якши Петрича к Чаушеску пригласили первого секретаря югославского посольства Милана Коматину. В ходе краткой беседы Чаушеску изложил румынскую позицию, которая заключалась в осуждении как самого вторжения в Чехословакию, которая ничем не угрожала социализму, так и формы, какой Москва поставила в известность Бухарест о своих шагах. Румынский лидер проинформировал собеседника о намерении официально обратиться к своим союзникам, а также попросил как можно скорее организовать встречу с Йосипом Брозом⁵⁴. Через несколько часов югославская сторона ознакомилась с содержанием письма румынского руководства остальным участникам ОВД. В послании осуждались предпринятые в отношении Чехословакии шаги, которые нарушали как положения Варшавского договора, так и нормы международного права⁵⁵. Югославская сторона пожелание Чаушеску поскорее встретиться с Й. Брозом Тито объясняла его стремлением укрепить свои позиции по отношению к СССР. 22 августа на приеме по случаю предстоящего национального праздника Румынии — Дня освобождения от фашизма (23 августа) Чаушеску заявил послу СФРЮ в Румынии Петричу о необходимости югославно-румынского сближения и заключения союза на случай агрессии со стороны Советского Союза⁵⁶.

Встреча на высшем уровне, в которой так нуждалась и от которой так много ожидала румынская сторона, состоялась 24 августа 1968 г. Хотя югославы хотели провести ее на Брионах, выбор пал на Вршац, так как румынская сторона, опасавшаяся нападения со стороны СССР, Болгарии и Венгрии, не хотела удаляться от своей границы. В переговорах с югославской стороны принимали участие Эдвард Кардель, Миялко Тодорович, Велько Влахович и Владимир Попович, а с румынской — Эмил Боднараш, Василе Шандру

⁵⁴ ДАСМИП. ПА-968. Ф. 147. 429825. Телеграм Амбасадe у Букурешту ДСИП—у од 21.8.1968.

⁵⁵ Ibid. 429826. Телеграм Амбасадe у Букурешту ДСИП—у од 21.8.1968.

⁵⁶ Цветковић В. Југословенско-румунски односи у данима совјетске интервенције у Чехословачкој 1968. године // 1968—40 година после. С. 167—169.

и посол в Белграде Аурел Малнашан. В начале беседы стороны озвучили свои оценки положения в Чехословакии, представили анализ случившегося и прогнозировали будущие шаги Советского Союза. Броз Тито предсказал кардинальный поворот в советской политике, с чем Чаушеску согласился. Позиции обеих сторон в связи с чехословацкими событиями почти полностью совпадали: смена партийного руководства в ЧССР состоялась законным и легитимным путем; Чехословакия как суверенное государство является полноценным субъектом международного права; ее органы власти располагают суверенным правом принятия и реализации решений на собственной государственной территории. Значительное время в ходе переговоров было затрачено на обсуждение военной ситуации и оценку вероятности советского вторжения в Румынию и Югославию. Й. Броз Тито одобрил военные приготовления в Румынии, подчеркнув при этом, что осуществлять их надлежит с особой осторожностью, чтобы не спровоцировать советскую сторону. Хотя перемещения советских войск вблизи румынских границ были малозначительными, румыны опасались возможного расширения советского военного присутствия на сопредельной территории. Со своей стороны югославский президент попытался успокоить собеседников и развеять их страхи.

Румыны поначалу с осторожностью, а затем и более открыто поставили вопрос об оказании Югославией помощи в случае советской интервенции. Они исходили из того, что при подобном развитии событий оказались бы под молниеносным ударом мощной советской группировки и могли чувствовать себя в безопасности только со стороны Югославии. Й. Броз Тито подтвердил, что можно полностью рассчитывать на порядок, надежность и безопасность на югославских территориях, выполнявших, в таком случае, роль тыла для Румынии. Румыны дали понять собеседникам, что в случае интервенции они оставили бы неприкрытым сектор Темишвар — Турну-Северин. Их тревожило, не попытается ли агрессор вторгнуться в Югославию, а затем с ее территории продолжить движение в сторону Румынии. Президент Югославии гарантировал невозможность такого развития событий. В какой-то момент переговоры приобрели неприятную тональность. Объясняя значение

указанной зоны для Румынии в случае интервенции, Чаушеску заявил, что из-за блокады Черного моря осуществлять снабжение румынской армии было бы возможно только через Югославию. Сообразив, куда клонит собеседник, Тито отреагировал, подчеркнув, что в этой ситуации румыны смогут рассчитывать на надежный тыл, однако в случае перехода на югославскую территорию им придется смириться с решимостью югославских властей действовать в соответствии с международными правовыми нормами. Броз также предложил в случае неблагоприятного развития событий перебросить на югославскую территорию румынское тяжелое вооружение, чтобы оно не попало в руки интервентов. Румынская сторона, несмотря на отказ югославов, продолжила настаивать на важности зоны Тимишоара — Турну — Северин в случае отступления румын на территорию СФРЮ. В ответ на это Броз Тито еще раз подтвердил готовность принять только румынское вооружение, но не части румынской армии, так как это могло стать поводом для советского нападения на СФРЮ. К тому же югославский лидер не дал согласия на снабжение румынских войск через территорию Югославии. Он гарантировал, что советского нападения на Румынию с югославской территории не произойдет. Вместе с тем конкретные формы помощи Румынии, по словам Тито, югославское руководство еще не обсуждало, и об этом следует хорошенько подумать. Он пытался убедить румынскую сторону, что положение СФРЮ ничуть не лучше и характер отношений с соседями у обеих стран принципиально ничем не отличается. Румынии было рекомендовано действовать умиротворяюще, а также подчеркивать лояльность Москве и готовность выполнять обязательства страны — участницы ОВД. Обе стороны согласились с тем, что политика СССР отражает его страх перед возможной демократизацией, а сама интервенция в Чехословакию стала следствием давнего советского стремления воспрепятствовать развитию демократических процессов на основе самоуправления общественных отношений⁵⁷.

⁵⁷ А.И. 837. I-3—а. Румунија. Забелешка о разговорима Тито — Чаушеску. 24. август 1968. године; Данную запись в переводе на русский яз. Б. С. Новосельцева с комментариями Б. С. Новосельцева и А. С. Стыкалина см.: «Нынешние советские руководители полностью забыли об интере-

Возвращаясь в Бухарест, Чаушеску в разговоре с югославским послом Якшей Петричем не скрывал своего удовлетворения итогами переговоров⁵⁸. Уже на следующий день, 25 августа, он детально изложил их содержание на заседании исполкома ЦК РРП, подчеркнув единодушие с югославской стороной в оценке чехословацких событий⁵⁹. В последующие дни отмечалось известное смягчение румынской позиции, к чему привели как вышеописанные переговоры, так и обращение советского посла Басова к Чаушеску. 25 августа он передал румынскому лидеру письмо, в котором содержался официальный ответ на заявления, сделанные румынским руководством. Советская сторона также отметила, что после этой встречи с югославами Чаушеску стал вести себя гораздо спокойнее⁶⁰.

Демонстрируя приверженность ранее продекларированным общим принципам отношений между социалистическими странами и между всеми государствами на международной арене, президент СФРЮ, будучи неоспоримым творцом внешнеполитического курса своего государства, стремился как оказать румынской стороне необходимую поддержку, так и убедить ее в проведении более гибкой линии в отношении Москвы. Эта гибкость позволила бы не только не дать повод Советскому Союзу для прямой интервенции против Югославии, но и наметить пути нормализации отношений с Москвой при сохранении права на собственный путь общественного и экономического развития. Таким образом удалось не только сделать все, чтобы избежать нападения на Югославию, если бы Румыния подверглась вторжению, о чем имелись горькие

сах социализма и выступают лишь как великая держава...» (Запись беседы Иосипа Броз Тито и Николае Чаушеску. 24 августа 1968 г.) // 1968 год. «Пражская весна»: 50 лет спустя. Очерки истории / отв. ред. Т. В. Волокина. М., СПб., 2021. С. 337–363.

⁵⁸ Цветковић В. Југословенско-румунски односи. С. 173–174.

⁵⁹ Stenographic Transcript of the Meeting of the Executive Committee of the Central Committee of the Romanian Communist Party. 25 August 1968. 11.30 hrs // Romania and the Warsaw Pact. 1955–1989. Selected Documents / ed. by D. Deletant, M. Ionescu. Washington, 2004. P. 171–174.

⁶⁰ ДАСМИП. ПА-1968. Ф. 148. 430731. Телеграм Амбасаде у Букурешту ДСИП—у од 26.8.1968.

воспоминания, отсылавшие к событиям 1941 и 1948 г.⁶¹, но и заложить основу для укрепления югославско-румынского сотрудничества на всех направлениях, особенно в сфере товарообмена, совместного строительства объектов инфраструктуры и энергетики, машиностроения и оборонной промышленности.

Что касается соседних стран — членов ОВД, принявших активное участие в интервенции в Чехословакию, то отношение к ним югославского руководства характеризовалось особой нервозностью. Заразившись страхами и опасениями партийного и государственного руководства и наученные горьким опытом 1913, 1915, 1941 г. и страхом перед возможной интервенцией в 1948 г., югославские военные штабисты начали строить планы отражения нападения со стороны Венгрии и, в первую очередь, Болгарии⁶², хотя болгарские вооруженные силы количественно и технически превосходили ЮНА, со стороны Болгарии не было зафиксировано ни серьезных перемещений войск к югославской границе, ни присутствия в Болгарии советских сил, а болгарские официальные лица по разным каналам направляли югославскому политическому и военному руководству преисполненные миролюбия сигналы. Болгарский лидер Тодор Живков старался, прибегнув к посредничеству глав других государств, особенно третьего мира, передать югославской стороне предложения по развитию добрососедских отношений и укреплению экономического сотрудничества⁶³.

⁶¹ Несмотря на то что вторжения в Югославию в годы советско-югославского конфликта 1948–1953 гг. не произошло, коллективная память югославской верхушки сохранила воспоминания о страхе и фундаментальной подготовке на случай интервенции. В памяти Тито и остальных сохранились и воспоминания о вооруженных провокациях и иных инцидентах на границах, переброске пропагандистских материалов в Югославию с территории соседних стран советского лагеря.

⁶² О роли Болгарии в интервенции ОВД в Чехословакии подробнее см.: *Баева И.* Болгария — преданный вассал Кремля // *Пражская весна и международный кризис 1968 года.* Исследования. М., 2010. С. 191–206.

⁶³ ЦДА. 378. 249. Официални разговори между председателя на Министерския съвет на НР България Тодор Живков и министър председателя на Република Индия Индира Ганди. Делхи 24.1.1969, 11,30 часа.

При этом, вопреки официальному курсу на смягчение взаимной напряженности, в самой Болгарии проводилась масштабная антиюгославская кампания, которую югославские официальные лица сравнивали с аналогичной, имевшей место во время конфликта Югославии с государствами, правящие партии которых входили в Коминформ. И сами болгарские функционеры нередко попадались в ловушку противоречий собственной политики. С одной стороны, часто говорилось об уважении территориальной целостности и суверенитета всех стран, а с другой — неприкрыто выражалась готовность вмешиваться в дела других социалистических государств, если возникнет такая потребность. В верности такой позиции югославских дипломатов попытался убедить болгарский поверенный в делах Стефанов⁶⁴. 22 августа 1968 г., сразу после начала вторжения в Чехословакию, его пригласил помощник государственного секретаря иностранных дел Милорад Пешич, чтобы по поручению своего руководства вручить заявление Союзного исполнительного вече (правительства СФРЮ) в связи с произошедшим. Заявление отражало официальную югославскую позицию, с которой болгарскому дипломату предстояло ознакомить собственное правительство. Прочитав документ, Стефанов заявил, что не может его принять, так как считает неправильным. По его словам, нельзя было говорить об оккупации Чехословакии, потому что болгарские войска находились в ней «по приглашению». Кроме того, Болгария как социалистическая страна якобы выполняла свой интернациональный долг перед Чехословакией, которой «сегодня грозит опасность от внутренних сил, стремящихся открыть путь внешнему неприятелю». Стефанов подчеркнул, что Болгария не имеет каких-либо претензий к Чехословакии, и несколько раз повторил, что не может принять заявление югославского правительства. Воздержавшись от того, чтобы прокомментировать поведение болгарского представителя, Пешич подчеркнул, что для югославской стороны неприемлема «вооруженная интервенция как метод отношений

⁶⁴ АЈ. 507/IX. Бугарска. Кутија 14. Документ 313. Забелешка о разговору М. Пешића с отправником послера Амбасаде НР Бугарске Н. Стефановим 22.8.1968.

между суверенными странами», безотносительно мотивов, которыми она оправдывается⁶⁵.

Болгарские представители в переговорах с югославскими коллегами настаивали на необходимости, вопреки имевшимся различиям, развивать сотрудничество между СФРЮ и НРБ как двух соседствующих социалистических государств. Часто звучала фраза, что столкновение Югославии и Болгарии немыслимо, ведь даже «Сталин не пошел на это». Югославская сторона резко осудила произвольно присвоенное право осуществлять интервенцию «в любом случае, когда не по нраву внутренняя система того или иного социалистического государства». Болгары ответили, что между ними и югославами имеются очевидные различия в подходе к решению проблем, однако нельзя сравнивать Чехословакию и Югославию, для которой со стороны Варшавского договора, и Болгарии в частности, не исходит никакой угрозы. Было подчеркнуто, что СФРЮ — социалистическая страна, и ее внутреннее развитие не представляет опасности для СССР и его союзников. Болгарские собеседники заговаривали также и о стратегических предпосылках интервенции в Чехословакию, на что югославы ответили, что подобные утверждения не соответствуют реальному положению вещей. По их утверждениям, ФРГ не представляет угрозу для СССР, а ее отношения с США переживают подъем, какого не было со времен окончания Второй мировой войны. Во всех случаях, когда заходила речь о Пражской весне, югославские представители позитивно оценивали преобразования в Чехословакии, а болгары считали их контрреволюционными. Дипломатия СФРЮ отвергала любые формы военного вторжения, а болгарская называла его своим интернациональным долгом. Болгары не раз повторили, что историю не повернуть вспять и только будущее покажет, кто был прав, однако, вопреки всем имеющимся различиям, надо смотреть вперед. В Белграде в подобных высказываниях усматривали разворот болгарского внешнеполитического курса к нормализации отношений с Югославией. Слова о необхо-

⁶⁵ АЈ. 507/ІХ. Бугарска. Кутија 14. Документ 313. Забелешка о разговору М. Пешића с отправником послера Амбасаде НР Бугарске Н. Стефановим 22.8.1968.

димости сотрудничества «братских народов» не сходили с языка болгар, уверявших собеседников, что не имеют территориальных претензий к соседу⁶⁶. В СФРЮ на Болгарию смотрели как на верного советского союзника, который выполнял особую роль в оказании систематического давления на Югославию и Албанию, а также в формировании атмосферы неизвестности и страха перед вероятным советским вторжением. В Белграде также считали, что чехословацкие события воодушевили болгарское руководство, которое посредством СМИ и прочих инструментов пропаганды активизировало антиюгославскую кампанию, осуществлявшуюся с конца 1967 г.

Со своей стороны советские представители отвергли югославские подозрения в том, что СССР, как считали в Белграде, натравливал Болгарию на Югославию. Кроме того, было заметно, что после начала нормализации отношений с СФРЮ Москва побуждала Софию остановить антиюгославскую кампанию⁶⁷. Болгарский подход к проблеме подогревал у югославских дипломатов старые опасения, но при этом оставлял надежду на то, что новый кризис удастся преодолеть в обозримом будущем. На какое-то время страсти утихли, что объяснялось советским влиянием, однако чуть позже произошло явное ухудшение двусторонних отношений, причиной которого стало возобновление Болгарией обсуждения македонского вопроса. Этот рецидив югославо-болгарских противоречий произошел вне контекста чехословацкого кризиса, а был вызван новым сочетанием проблем, обострившихся вследствие изменений на международной арене в конце 1968 — начале 1969 г. По-видимому, благодаря мощному советскому давлению, в марте 1969 г. была полностью прекращена масштабная кампания против Югославии, более года проводившаяся болгарским руководством⁶⁸.

⁶⁶ АЈ. 507/ІХ. Бугарска. К. 4. Док. 314. Разговори члана ИК ЦК СКЈ Кире Хаџи Василева са руководиоцима КП Белгије, КП Шпаније, КП Француске, КП Бугарске, Румунске КП и Мађарске СРП 2. децембра 1968.

⁶⁷ АЈ. 507/ІХ. Бугарска. К. 4. Док. 316. Информација о садашњем стању југословенско-бугарских односа.

⁶⁸ Там же.

Аналогичным образом складывались отношения с Венгрией, в которой находились соединения Южной группы войск советских вооруженных сил, участвовавшей во вторжении в Чехословакию⁶⁹. После подавления восстания 1956 г. Венгрия неуклонно шла в фарватере внутренней и внешней политики Кремля, поэтому, колебавшись, она после обещаний дополнительной советской экономической помощи согласилась принять активное участие в подготовке и проведении операции в Чехословакии⁷⁰. Официальный Будапешт, несмотря на сдержанное отношение к оценкам югославской позиции в связи с чехословацкими событиями, добросовестно выполнял союзнические обязательства перед СССР⁷¹. После получения от своего источника в румынском посольстве информации о встрече Й. Броза Тито и Н. Чаушеску во Вршаце (24 августа 1968 г.), венгерский посол Йожеф Марьяи написал обширный отчет в свое министерство, которое передало этот документ советским дипломатам в Будапеште, незамедлительно поставившим в известность Москву о деталях встречи югославского и румынского лидеров. Неясно, произошло ли это по инициативе румынского дипломата-одиночки, недовольного политикой своей страны, или румыны, используя проверенный канал, решили передать сообщение Москве в тот момент, когда в Бухаресте больше всего боялись вторжения⁷². Не вызывает сомнений то, что при кульминации кризиса, спровоцированного событиями в Чехословакии, венгерское государственное и партийное руководство попыталось максимально разрядить обстановку. 29 августа 1968 г. оно

⁶⁹ Южную группу войск в Венгрии составляли две танковые и две мотострелковые дивизии, одна армия ВВС сокращенного состава и несколько малых частей, обеспечивавших артиллерийскую поддержку, ПВО, фронтовое и тыловое снабжение и охрану систем командования.

⁷⁰ О положении Венгрии в ОВД подробнее см.: *Okvath I. Die Integration der Ungarischen Volksarmee in den Warschauer Pakt // Der Warschauer Pakt / hrsg. von T. Diedrich, W. Heinemann, C. Osterman... S. 175–184.*

⁷¹ *Бекеш III. Венгрия — между Прагой и Москвой // Пражская весна и международный кризис 1968 года. Исследования. М., 2010. С. 207–224.*

⁷² Сопроводительная записка к информации посольства СССР в ВНР относительно встречи И. Б. Тито и Н. Чаушеску // *Пражская весна и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 334–337.*

предложило югославскому правительству принять участие в совещании по «созданию условий и развитию экономической интеграции социалистических стран», на что югославская сторона ответила согласием⁷³. Так торилась дорога преодоления сложившейся напряженности и нейтрализации того негативного влияния, которое оказало на югославско-венгерские отношения участие военных ВНР в интервенции в Чехословакию. Венгерская армия, с которой соседствовали весьма скромные советские силы, не была развернута в сторону СФРЮ, а венгерская печать довольно сдержанно оценивала позицию СФРЮ во время чехословацкого кризиса.

Хотя командование ЮНА располагало точной информацией о дислокации и передвижениях войск ОВД, с его стороны, как и со стороны партийно-государственного руководства СФРЮ, высказывались сомнения в достоверности имевшихся сведений, а разведывательную службу упрекали в инертности и отсутствии должного внимания к оперативной деятельности в отношении восточноевропейских стран. Подобные обвинения привели к жесткой полемике и даже комичным ситуациям в стенах генштаба ЮНА. Несмотря на то что югославские военные атташе в столицах стран — участниц ОВД столь рьяно и эффективно исполняли свой долг, что рисковали испортить отношения с местными силовыми структурами и властями страны пребывания, на родине их корили за плохую работу⁷⁴. Утверждение о полной югославской неосведомленности о советских военных намерениях в регионе из работ публицистического и мемуарного жанра, к сожалению, переключало в историографию. При этом оно полностью опровергается историческими источниками документального характера⁷⁵.

Доступные к настоящему времени для изучения источники различного происхождения недвусмысленно свидетельствуют, что Варшавский пакт не имел намерений осуществлять военное вторжение в Югославию. Однако страх перед возможной интервенцией

⁷³ АЖ. 507/IX. Мађарска. К. 4. Док. 198. Писмо ЦК МСРП ЦК СКЈ од 29.8.1968.

⁷⁴ ЦДА. Ф. 2. К. 3. Док. 356. План провеждане на мероприятия по воените аташета на Югославия.

⁷⁵ *Бјелажан М. ЈНА на исушењима. С. 402–403.*

и сами чехословацкие события использовались властями предрешающими как средство мобилизации масс в условиях нарастающего внутреннего кризиса и ослабления позиций режима, вызванного накапливающимся недовольством внутри югославского общества. При этом следует иметь в виду, что утверждение о советских агрессивных намерениях в отношении Югославии и угрозе ее суверенитету систематически озвучивалось теми политическими течениями в СФРЮ, которые выступали за децентрализацию и последующую дезинтеграцию страны. При этом особый упор делался на мнимую опасность от советской поддержки централизма, великосербского национализма и гегемонизма, а также сил, которые, несмотря на то что потерпели в Югославии поражение в 1966 г., по-прежнему представляли главную угрозу существованию югославского государства.

С другой стороны, благодаря позиции, которую заняло югославское руководство во время кризиса, удалось наладить более тесные связи с Румынией и временно нормализовать отношения с Албанией. Что касается Болгарии, то эскалация взаимной напряженности предвещала новый конфликт, которому не дала разрастись нормализация отношения с СССР. Поспешная и кратковременная нормализация, наступившая в течение нескольких месяцев после чехословацких событий, открыла новые пути военно-технического и экономического сотрудничества, а также сделала возможным обсуждение новой системы коллективной безопасности в Европе. Одновременно благодаря ей Югославия обрела новое направление внешнеполитической активности в регионе Средиземноморья, которое стремительно становилось ареной очередной волны батальей холодной войны.

Заключение

В первое время после Второй мировой войны Советский Союз с особым вниманием следил за политикой Югославии в отношении соседей, а именно, за ее участием в событиях в Греции и в Албании. В ходе войны Югославия с готовностью оказывала помощь албанским коммунистам, продолжившуюся и в мирное время. Что касается СССР, то поначалу его влияние на происходившее в Албании сводилось к символическому военному и дипломатическому присутствию, которое постепенно становилось все более явственным. Хотя это присутствие в принципе мешало росту югославского влияния, оно не препятствовало улучшению отношений балканских государств, но при этом жестко ограничивало параметры двустороннего сотрудничества. Москва отдавала на откуп Белграду решение организационных вопросов в албанской компартии, армии, а также в сфере культуры и экономики. Складывалось впечатление, что югославское присутствие в Албании представляло собой уменьшенную копию советского влияния на саму Югославию. Официальный Белград выступал в роли деятельного посредника между Албанией и СССР, выполняя поручение последнего осуществлять своеобразное покровительство в отношении соседа, служить гарантом его независимости и внешней безопасности.

И когда казалось, что югославно-албанские отношения складываются как нельзя лучше, разразился кризис, совпавший с ростом советского влияния в Албании. Поначалу Советы, стараясь активизировать свою роль в Албании, не нарушали порядок, установленный Югославией, и вмешивались только в те сферы жизни, в которых та не могла обеспечить Албании полную поддержку. Однако после поездки албанской государственно-партийной делегации в Москву в июле 1947 г. советский подход как к самой Албании,

так и к югославскому присутствию в ней кардинально изменился. С того момента начали постепенно портиться и югославно-албанские, и югославно-советские отношения. Советское присутствие в Албании усиливалось, югославское — ослабевало, что объяснялось широким спектром глубоких причин. Прежде всего следует отметить, что югославское влияние в Албании было настолько серьезным и всеобъемлющим, что грозило свести на нет советское присутствие в этой стране и обеспечить ее объединение с Югославией. Прибытие в Албанию военной миссии ФНРЮ во главе с генералом Купрешанином, отъезд в Москву югославской делегации во главе с Милованом Джиласом и, наконец, начало переписки между югославским и советским партийным руководством, с одной стороны, и между Йосипом Брозом Тито и Энвером Ходжей в начале 1948 г., с другой, — все это знаменовало начало острого и длительного конфликта некогда ближайших и преданных друг другу союзников.

Кризис югославно-албанских отношений, начавшийся в конце 1947 — начале 1948 г., совпал с кризисом югославно-советских отношений. Конкретным поводом стала югославская военная инициатива в Албании, а именно, намерение направить туда одну дивизию без предварительного согласования с Москвой. Однако, хотя это событие несомненно послужило предлогом конфликта, причины его были намного глубже и коренились, во-первых, в противоречиях, характеризовавших югославно-албанские отношения в 1944–1948 гг., а во-вторых, — в представлениях советского руководства об отношениях на Балканах, о роли Югославии на международной арене и о ее присутствии в Албании, а также о положении последней внутри социалистического лагеря. Большое значение для треугольника СССР — Албания — Югославия имела проблема Греции. Что касалось СССР, то он не хотел ввязываться в серьезный конфликт с этой страной и старался держать под контролем своих балканских союзников, оказывавших поддержку греческому партизанскому движению. Одновременно усиление на Балканах Югославии, воодушевленной собственным успешным революционным опытом и хотевшей выйти к Средиземному морю через территорию Албании, с точки зрения Москвы служило внутренней

угрозой для социалистического лагеря. Поэтому произошло столкновение, в ходе которого Албания оказалась, с одной стороны, точкой возникновения противоречий, достигших высокого накала, а с другой — действующим актором, который своим агрессивным поведением (с учетом исключительно важного албанского фактора внутри Югославии) отвлекал внимание югославского руководства от прочих крупных проблем, вероятное обострение которых поставило бы под сомнение межсоюзнические соглашения между СССР и западными державами, заключенные еще в ходе Второй мировой войны.

Албанское правительство использовало конфликт Югославии со странами Коминформа и под предлогом борьбы с «ревизионистской» и «троцкистской» политикой югославского партийного и государственного руководства вновь подняло вопрос статуса албанцев в Югославии, а также присоединения к НРА территорий, на которых этнические албанцы составляли большинство. Расчет был на то, что в случае более серьезного столкновения Югославии и СССР или возможного свержения режима Броза Тито албанцы в качестве поощрения за деятельность против югославского партийного руководства получат территориальные приращения за счет государственной территории Югославии. Для реализации такой идеи албанское правительство обратилось за помощью к СССР. Однако Москва, разгадав намерения Тираны, попыталась канализировать стремление решить албанский вопрос в Югославии в форму борьбы с югославским ревизионизмом. С одной стороны, СССР на словах поддерживал албанские требования, а с другой — пытался посредством ряда мер свести их к выхолащенной политической риторике и пропагандистским лозунгам. Советы, нуждаясь в Албании как в факторе борьбы с титовским режимом, одновременно не хотели ради ее поддержки рисковать пересмотром границ на Балканах, грозившим продолжительной дестабилизацией политической обстановки во всем регионе.

Советское влияние на югославно-албанский конфликт приобретало различные формы. С одной стороны, СССР ускорил его начало, поощряя Энвера Ходжу к устранению югославского влияния на Албанию. Все время противостояния Советский Союз

усиливал свои позиции, оказывая значительную помощь Албании через собственных военных и экономических советников. Однако, несмотря на все усилия, СССР и ряд других социалистических стран не сумели полностью компенсировать экономические потери, которые понесла Албания в результате разрыва с Югославией. С другой стороны, албанские партийные руководители, воодушевленные советской поддержкой, развязали всеобъемлющий вербальный политический и экономический конфликт с Югославией, нарушив границы контролируемого противостояния, которые очертила им Москва. Поэтому в процессе общения советских и албанских руководителей нередко доходило до трений, вызванных риторикой Тираны, обличавшей внешнюю и внутреннюю политику Белграда. Конфликт с НРА протекал в контексте общей конфронтации ФНРЮ с рядом стран народной демократии во главе с СССР, однако у него имелись и свои значимые отличительные черты, выделявшие его на фоне общего противостояния и делавшие этот конфликт единственным в своем роде.

Процесс нормализации между Югославией и Албанией начался осенью 1953 г. Хотя инициатива исходила от албанской стороны, Тирана, очевидно, полагала, что нормализация должна иметь ограниченный характер. По ее представлениям, следовало лишь поддерживать нормальные контакты и регулярные связи по дипломатической линии, воздержавшись от развития глубоких и всеобъемлющих отношений. Однако советские усилия по полной нормализации отношений с Югославией, предпринятые в 1954–1955 гг., поставили албанское руководство перед новым вызовом. Сблизиться с Югославией пытались все восточноевропейские сателлиты СССР, старавшиеся не отходить от указанного им курса. В силу специфики конфликта с Югославией, а также неготовности предать забвению противоречия и запустить новый механизм укрепления двусторонних связей правительство НРА запаздывало с нормализацией отношений с Югославией. Москва пыталась повлиять на Тирану, чтобы она подошла к проблеме с новых позиций, однако усилия эти не увенчались успехом.

Новый этап советской политики нормализации отношений с Югославией, начавшийся весной 1956 г., а также перемены в са-

мом СССР, последовавшие после XX съезда КПСС, нанесли очередной удар по югославскому направлению политики албанского руководства. НРА была не в состоянии следовать общим курсом нормализации отношений с ФНРЮ, даже не пытаясь предпринять необходимые преобразования внутри собственной партии (АПТ) и правящей верхушки. Следствием такого положения вещей стала новая антиюгославская кампания, сопровождавшаяся лавиной обвинений в адрес югославского партийного и государственного руководства, что вызывало жесткую критику со стороны советских представителей, возмущенных поведением албанцев. Политические потрясения, прокатившиеся по соцлагерю летом и осенью 1956 г., ставшие реакцией на XX съезд и его своеобразным отражением, спровоцировали новую волну обвинений в адрес Югославии, положив конец попытке югославо-албанской нормализации. До этого албанское руководство не затрагивало проблему статуса албанцев в Югославии, боясь нарушить только начавшееся сближение. Но с началом нового конфликта в конце 1956 г. албанская правящая верхушка нашла новый способ поднять извечный вопрос о положении албанцев в Югославии, раздув его до таких масштабов, которые стали всерьез влиять на характер двусторонних отношений.

Бурные события, произошедшие внутри социалистического блока во второй половине 1956 г., наложили отпечаток и на югославо-албанские отношения, прервав процесс их нормализации, который с самого начала протекал исключительно медленно по причине ряда непреодолимых препятствий и накопившихся нерешенных проблем, разделявших два государства. Столкновение Югославии с СССР, возникшее как прямое следствие осуждения Югославией интервенции в Венгрию, отчетливо продемонстрировало все различия советского и югославского подходов к отношениям между социалистическими странами. Противоречия между Москвой и Белградом были на руку албанскому партийному руководству, которое прочно стояло на сталинистских позициях, не имея ни малейшего желания меняться или приспосабливаться к новой обстановке, основу которой заложили решения и выводы XX съезда КПСС, направленные на борьбу с культом личности,

который нередко на практике служил препятствием развитию блока социалистических государств. С другой стороны, руководство АПТ восприняло новый югославско-советский конфликт как сигнал к развязыванию кампании в собственных СМИ, целью которой было представить Югославию страной-агентом «империалистического Запада», в которой правит компартия, выступающая с крайних ревизионистских, антимарксистских и антисоциалистических позиций, и которая стремится разрушить систему связей внутри социалистического блока во главе с Советским Союзом. Москва в принципе поддерживала подобную албанскую политику в отношении Югославии. Однако сам способ ее реализации и цели, и особенности лексики — все это было неприемлемо для советского партийного руководства и дипломатических работников, которые пытались вразумить албанских партнеров. Начиная с весны 1956 г. эти усилия принесли определенные результаты. Вследствие прекращения нормализации с Югославией албанское руководство пыталось компенсировать обусловленные конфликтом экономические потери посредством усиленного сотрудничества с остальными восточноевропейскими странами, из которых только Болгария в полной мере пошла навстречу Албании. События в Польше также привлекли внимание албанского руководства, однако не оказали серьезного влияния на отношения Белграда и Тираны, потому что Югославия в силу характера ее внешней политики не проявляла особого интереса к происходившему в этой стране. Тем не менее, албанская позиция в связи с польскими событиями служила фактором долгосрочного ухудшения отношений двух государств. Албания встала на сторону Греции в кипрском споре, что совпадало с югославской линией, но все-таки не улучшало двусторонних отношений, как и схожесть позиций во время Суэцкого кризиса. Это неудивительно, ведь влияние Албании на процесс урегулирования ближневосточных противоречий нельзя было назвать даже минимальным. Можно с уверенностью констатировать, что ход событий с осени 1956 г. всерьез повлиял на отношения между Югославией и Албанией, положив конец начавшейся нормализации, которая вследствие масштабных политических и идеологических потрясений в соцлагере стре-

мительно сменилась новым острым конфликтом, оказавшим долгосрочное влияние на отношения двух государств.

Начавшийся осенью 1956 г. новый конфликт между Югославией и странами восточного блока, к которому привела реакция восточноевропейских государств на югославскую позицию в связи с венгерским кризисом, продолжился и в следующем году. Конфликт, который вспыхнул между Белградом и Москвой, вскоре распространился и на остальные восточноевропейские государства. В этой ситуации НРА стояла особняком, потому что ее отношения с ФНРЮ так и не были нормализованы, в результате обе страны вступили в новый кризис, перешедший в новый конфликт, хотя предыдущий не был урегулирован. Поэтому столкновение Югославии с Албанией было намного более острым, чем с остальными социалистическими странами. Албанская сторона развязала оголтелую кампанию против Югославии, клеймя ее внешнюю политику, в частности в отношении самой Албании как одной из вернейших советских вассальных стран, а также югославские представления о сути международных отношений и отношений между социалистическими странами. Кампанию время от времени характеризовали идеологизированные обвинения, демагогия и празднословие. Вербальному противостоянию соответствовала напряженность на границе между двумя государствами. Идеологический спор грозил перерасти в серьезное межгосударственное противостояние.

И все-таки ситуация в какой-то мере изменилась после приезда албанской государственной делегации в Москву в апреле 1957 г., когда советское партийное руководство попыталось смягчить тон албанской антиюгославской кампании и каким-то образом повлиять на югославско-албанский конфликт. Поначалу эти шаги приносили весьма скромные результаты. После продолжительных и упорных усилий, предпринятых Москвой, с середины 1957 г. югославско-албанские отношения, казалось, улучшились, что, по сути, стало реакцией на советско-югославское сближение. Однако все вернулось на круги своя осенью 1957 г. после публикации в Москве брошюры Энвера Ходжи, в которой он снова обвинил Югославию во вмешательстве во внутренние дела Албании. Одновременно, вопреки временному сближению Москвы и Белграда, в конце 1957 г.

на горизонте проступили очертания их нового противостояния, которое снова грозило нарушить отношения Югославии со странами восточного лагеря, в первую очередь с Албанией.

Идеологический спор между Югославией и странами восточного блока во главе с СССР, начавшийся с обсуждения отношений между коммунистическими и рабочими партиями, а также роли Советского Союза в соцлагере, имел серьезные последствия не только для межпартийных, но и межгосударственных отношений. Ввиду того что речь шла о государствах, в которых компартии располагали монополией в принятии политических решений и не выпускали из рук рычаги власти, конфликт между всем восточным блоком и Югославией стал неминуемым. В этой ситуации албанско-югославским противоречиям отводилась особая роль и придавалось особое значение. Если принять во внимание, что, несмотря на различные усилия, двусторонние отношения не удалось нормализовать и что процесс, начатый в конце 1953 г., многократно прерывался, становится ясным, что идеологический спор по поводу новой программы и устава Союза коммунистов Югославии служил всего лишь одним из поводов возобновления застарелого конфликта двух государства и двух компартий.

Несмотря на то что жесткость в отношении Югославии импонирует советской партийной верхушке, последняя полагала, что албанцы со своими обвинениями переходят допустимые границы, делая невозможным достижение компромисса в будущем. Это вызывало отдельные трения между Москвой и Тираной, вследствие чего Албания постепенно освобождалась от советского влияния и скрытно сближалась с Пекином, который стоял на таких же фундаменталистских идеологических позициях. По мере того как стихала антиюгославская кампания, росла напряженность между Албанией и СССР, грозившая перерасти в острый и продолжительный конфликт. Временное обусловленное советским вмешательством снижение интенсивности противостояния, о котором свидетельствовали контакты югославского и албанского партийного руководства, представляло собой, по сути, лишь консервацию конфликта.

Конфликт между Албанией и СССР породил ряд политических проблем. Речь шла не только об идеологических разногласи-

ях между Москвой и Тираной. Роль Китая становилась все более значимой, по мере того как и он освобождался от советского влияния, стремясь выйти из некогда единого блока социалистических государств и начать проводить собственную политику, основанную на предельно жестких и радикальных идеологических позициях. Это дополнительно обременяло советско-албанские отношения, которым еще с середины 1950-х годов был присущ ряд менее существенных противоречий. Своего нового покровителя Албания обрела в лице Китая, что, с одной стороны, усилило ее позиции по отношению к СССР, а с другой — привело к конфликту с остальными членами восточного блока. Фактический выход из советского лагеря Албании и ее сближение с Китаем резко усилили заинтересованность западных держав в том, какую позицию она займет в новом геостратегическом раскладе на Балканах. Кроме того, Греция, как сосед, долгое время остро враждовавший с Албанией, тоже не оставалась равнодушной в отношении изменений во внешнеполитической ориентации НРА. Подобным же образом реагировала и Италия, увидевшая в новом конфликте шанс для реализации своих извечных интересов на территории Албании.

Югославия оказалась в крайне специфической ситуации в результате албанско-советского столкновения в начале 1960-х годов. С одной стороны, она пыталась в очередной раз нормализовать отношения с Советским Союзом, а с другой — осуждала предпринятый им разрыв всех связей с Албанией, называя такую меру анахроничной и контрпродуктивной. Западные государства заинтересованно следили за югославской реакцией на произошедшее. Италия и Греция, каждая руководствуясь своими интересами, старались разузнать побольше о планах и намерениях Белграда относительно Албании. Попав под град нападков и оскорблений, югославское правительство старалось не реагировать на них, чтобы не мешать албанской правящей верхушке вести стихийную борьбу с восточным блоком или пытаться заручиться твердой поддержкой со стороны Китая, который также подверг жесткой критике югославский подход к строительству социализма. В атмосфере, напоминавшей о соперничестве великих держав, Югославия предпочитала держаться в стороне, сведя к минимуму отношения с Албанией.

Та, хоть и не прекращала враждебной пропаганды, нередко пыталась использовать свой конфликт с Москвой и ее союзниками, чтобы сблизиться с Белградом. Югославское правительство отвергало подобные албанские инициативы, полагая, что поддержка режима Э. Ходжи, даже опосредованная, привела бы к ухудшению отношений не только с СССР, но и с Западом, для которого указанный режим был абсолютно неприемлемым и ненадежным с точки зрения сколь-нибудь серьезного сотрудничества. То обстоятельство, что Албания постепенно и без стеснения все больше полагалась на Китай, изолировав себя от соседей, государств восточного блока и Запада, а Югославия все откровеннее делала выбор в пользу связей со странами третьего мира и лавирования между Востоком и Западом, имело следствием предельное ухудшение на долгие годы отношений между двумя государствами.

Маскируя подлинные намерения марксистской фразеологией, албанское партийное руководство стремилось реализовать неизменную национальную программу объединения всех албанцев. С этой целью оно попыталось использовать ситуацию конфликта югославских правящих кругов с СССР и его союзниками вследствие венгерского кризиса после нескольких лет нормализации и охлаждения отношений с Западом вопреки многолетнему тесному сотрудничеству. Ослабление позиций Белграда на международной арене, а также ложное представление югославского руководства о весомом внешнеполитическом потенциале, которым якобы располагала Югославия как внеблоковое государство, позволили албанцам рассчитывать на воплощение идеи создания моноэтничного государства, объединяющего все территории, населенные албанцами. Сотрудничество с Советским Союзом должно было облегчить эти усилия, которые увенчались бы созданием «Великой Албании». Энвер Ходжа, как и албанские лидеры до него, стремился найти «кредитора», который бы «профинансировал» реализацию национальной идеи. Учитывая ситуацию в Европе, охваченной холодной войной, расчерченной границами враждующих блоков и идеологическими барьерами, он предположил, что Советский Союз как движущая сила соцлагеря станет экономическим, военным и идеологическим покровителем Албании. Ходжа

рассчитывал, что СССР не откажет ему в помощи в ситуации советско-югославского идеологического противоборства. Однако советское руководство, как и десятилетия ранее, избегало шагов, которые вели бы к изменению границ. От таких действий Москву удерживали опасения возможной реакции западных держав; дестабилизации политической ситуации на Балканах, которая могла произвести эффект домино на остальные европейские национальные меньшинства; непредсказуемой реакции самой Югославии, возможный союз с которой значил бы в ситуации холодной войны меньше, чем нейтралитет. По этим причинам Албания не могла рассчитывать на советскую поддержку в случае гипотетического решения албанского вопроса в Югославии, о чем недвусмысленно свидетельствовали решения и поступки Н. С. Хрущева. Поэтому его визит в Албанию в мае 1959 г. привел к временному ослаблению албанской пропагандистской кампании, а разрыв Тираны с Москвой обернулся усилением этой кампании и дополнительной радикализацией антиюгославской пропаганды.

Последующий период был отмечен поспешным отдалением НРА от СССР, ее отказом от участия в совместных действиях в рамках ОВД. В это же время, с осени 1961 г., состоялось ускоренное и всестороннее советско-югославское сближение, которое достигло кульминации во время кризиса на Ближнем Востоке 1967 г.

Военная интервенция пяти стран — участниц ОВД во главе с СССР в Чехословакию в августе 1968 г. вызвала негативную реакцию в Югославии. Прежнее враждебно-настороженное отношение к СССР и одобрение реформаторского курса чехословацкого руководства обусловили появление у югославского партийного, военного и государственного руководства опасений, что Советский Союз с целью демонстрации новой концепции своей внешней политики и отношений внутри соцлагеря может осуществить военное вторжение также и в Югославию. Подобные страхи подогревались кризисными явлениями, присущими самому югославскому обществу, такими как неудовлетворительное состояние ЮНА и географическая уязвимость перед соседними странами — членами ОВД. Немедленно после начала военной интервенции в Чехословакию произошли события, ободряюще подействовавшие на югославскую

сторону. Полное дистанцирование и формальный выход из ОВД Тираны, стыдливо сделавшей Белграду предложение союзничества, усилили югославские позиции на Балканах. А неприятие Румынией советских действий в Чехословакии укрепило югославо-румынские отношения, заложив основу развития всестороннего межгосударственного сотрудничества в будущем. Несмотря на сохранение гипотетической угрозы военной интервенции против Югославии, которая могла быть осуществлена с территории Болгарии и Венгрии, достоверные военно-политические признаки вероятности вторжения со стороны восточноевропейских государств отсутствовали. Нормализация отношений с СССР, последовавшая в течение нескольких месяцев, открыла не только новые возможности военно-технического и экономического сотрудничества, но и перспективы обсуждения новой системы коллективной безопасности в Европе. В ее рамках Югославия обрела новое направление внешнеполитической деятельности в регионе Восточного Средиземноморья, который в скором времени вновь стремительно превратился в арену очередной волны баталий холодной войны.

Список сокращений

- АВНОЮ — Антифашистское вече народного освобождения Югославии
AMZV — Arhiv Ministerstva Zahraničnih Veci (Дипломатический архив министерства иностранных дел, Прага)
АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации
а. е. — архивна единица (единица архивного хранения)
АЈ — Архив Југославије (Архив Югославии, Белград)
а. ј. — архивска јединица (единица архивного хранения)
АЈНА — Архив Југословенске народне армије (Архив Югославской Народной Армии, Белград)
АПТ — Албанская партия труда
БКП — Болгарская коммунистическая партия
БРП — Болгарская рабочая партия
ВА — Военный архив
в. — век
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВМФ — Военно-морской флот
ВСРП — Венгерская социалистическая рабочая партия
г. — год
гг. — годы
ГДР — Германская Демократическая Республика
Генштаб — Генеральный штаб
Госплан — Государственный плановый комитет Совета Министров СССР
ГСИД — Государственный секретариат иностранных дел
ГШ — Генеральный штаб
Д. — дело
д. — документ
ДАСМИП — Дипломатски архив Савезног министарства иностраних послова (Дипломатический архив Союзного министерства иностранных дел, Белград)
ДС — Государственный секретарь
ДСИП — Државни секретаријат иностраних послова (Государственный секретариат иностранных дел)

ДФЮ — Демократическая Федеративная Югославия
 ИКП — Итальянская коммунистическая партия
 ИнСл РАН — Институт славяноведения Российской академии наук
 КМОВ — Комисија за међународне односе и везе (Комиссия по международным отношениям и связям)
 КМЈ — Канцеларија маршала Југославије (Канцелярия маршала Югославии)
 КНМ — Комисија за националне мањине (Комиссия по делам национальных меньшинств)
 КНР — Китайская Народная Республика
 КП — Коммунистическая партия
 КПА — Коммунистическая партия Албании
 КПК — Коммунистическая партия Китая
 КПр — Кабинет Председника Републике (Кабинет Президента Республики)
 КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
 КПЮ — Коммунистическая партия Югославии
 КСХС, Королевство СХС — Королевство сербов, хорватов и словенцев
 Л. — лист
 М. — Москва
 млн — миллион
 МВД — Министерство внутренних дел
 МДФЖ — Международная демократическая федерация женщин
 МИД — Министерство иностранных дел
 МИП — Министарство иностраних послова (Министерство иностранных дел)
 NA — Narodni archiv Praha (Государственный архив, Прага)
 НАТО — Организация Североатлантического договора (North Atlantic Treaty Organization)
 НКВД СССР — Народный комиссариат иностранных дел СССР
 НКОЈ — Национални комитет ослобођења Југославије (Национальный комитет освобождения Югославии)
 НКОЮ — Национальный комитет освобождения Югославии
 НОА — Народно-освободительная армия Албании
 НОАЮ — Народно-освободительная армия Югославии
 НОВ — Народно-освободительная война
 НОВ и ПОЈ — Народно-ослободилачка војска и партизански одреди Југославије (Народно-освободительная армия и партизанские отряды Югославии)
 НОВЈ — Народно-ослободилачка армија Југославије (Народно-освободительная армия Югославии)

НР — Народна република (Народная Республика)
 НРА — Народная Республика Албания
 НРБ — Народная Республика Болгария
 ОВД — Организация Варшавского Договора
 ООН — Организация Объединенных Наций
 Оп. — опись
 отв. ред. — ответственный редактор
 П. — папка
 ПА — Политички архив (Политический архив)
 ПВ — Председништво владе (Президиум Совета министров)
 ПВО — противовоздушная оборона
 ПО — Политичко одељење (Политический отдел)
 ПОРП — Польская объединенная рабочая партия
 R.b. — redni broj (порядковый номер)
 РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории
 РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
 РРП — Румынская рабочая партия
 РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
 С. (S.) — страница
 СДС — Советник государственного секретаря
 СЕПГ — Социалистическая единая партия Германии
 СИВ — Савезно извршно веће (Союзный исполнительный комитет / федеральное правительство)
 СКЮ (СКЈ) — Союз коммунистов Югославии
 СЛ — Службени лист (Служебный вестник)
 см. — смотри
 СМИ — средства массовой информации
 СПб. — Санкт-Петербург
 СССР (SSSR) — Союз Советских Социалистических Республик
 СХС — сербов, хорватов и словенцев
 Т. — том
 ТАНЈУГ (TANJUG) — Телеграфска агенција Нове Југославије (Телеграфное агентство Новой Югославии)
 ТАНЮГ — Телеграфное агентство Новой Югославии
 TNA — The National Archives, London (Национальные архивы Великобритании, Лондон)
 тыс. — тысяча
 ТО — Teritorialny obor (Региональное отделение)

УДБ — Управа државне безбедности (Управление государственной безопасности)

Ф. — фонд

ФКП — Французская коммунистическая партия

ФНРЈ — Федеративна Народна Република Југославија (Федеративная Народная Республика Югославия)

ФНРЈО — Федеративная Народная Республика Югославия

FO — Foreign Office (министерство иностранных дел Великобритании)

ФРГ — Федеративная Республика Германия

FRUS — Foreign Relations of the United States

Hrsg. — herausgegeben von (под редакцией)

SAB — Кабинет (Канцелярия премьер-министра Великобритании)

ЦДА — Централен државен архив (Центральный Государственный Архив, София)

ЦК — Центральный комитет

CK SKS — Centralni komitet Saveza komunista Srbije (Центральный комитет Союза коммунистов Сербии)

CWHPB — Cold War History Project Bulletin

чел. — человек

ЧССР — Чехословацкая Социалистическая Республика

ЭЛАС — Народно-освободительная армия Греции

ЭАМ — Национально-освободительный фронт Греции

ЮНА — Югославская народная армия

Список иллюстраций

Ил. 1. Встреча албанской делегации во главе с Э. Ходжей 23 июня 1946 г. на аэродроме Земун (Белград). Э. Ходжу приветствуют глава советской военной миссии в Югославии генерал А. Ф. Киселев и посол СССР в ФНРЈО А. И. Лаврентьев. (Фото П. Обрадовича, Музей Югославии, Танюг)

Ил. 2. Э. Ходжа и генерал Коча Попович обходят почетный караул на аэродроме Земун (Белград) 26 июня 1946 г. (Фото П. Обрадовича, Музей Югославии, Танюг)

Ил. 3. Маршал Й. Броз Тито и генерал Л. Джурич приветствуют албанскую правительственную делегацию во главе с Э. Ходжей на аэродроме Земун в Белграде 23 июня 1946 г. На заднем плане слева направо: Н. Грулович, Б. Андреев, Ф. Фрол, Д. Марушич, В. Крстулович, С. Симич, Б. Кирич и Т. Вуясинович. (Фото П. Обрадовича, Музей Югославии, Танюг)

Ил. 4. Э. Ходжа и министр иностранных дел Югославии С. Симич во время подписания 9 июля 1946 г. Договора о дружбе и сотрудничестве между Албанией и Югославией. (Архив Югославии, Танюг)

Ил. 5. Митинг в Тиране по случаю подписания Договора о дружбе и сотрудничестве между ФНРЈО и НРА 9 июля 1946 г. (Архив Югославии, Танюг)

Summary

COLD WAR: BALKAN FRONT The USSR and Yugoslav–Albanian relations 1945–1968

During the period between 1945 and 1968, Yugoslav–Albanian relations went through several phases, which were characterized by different views on mutual cooperation, conflicting opinions and perceptions, and differing viewpoints on their obligations in international relations. Thanks to the relations established between Yugoslav and Albanian communist forces during World War Two, the relations between Yugoslavia and Albania had specific characteristics after the end of the war. The early post-war years were characterized by closeness of relations between the two states and Yugoslav assistance to Albania in the political, military, economic, and cultural-educational spheres. Direct contact between Soviet and Albanian leadership in the summer of 1947 led to the strengthening of Soviet influence in Albania along with a corresponding reduction in Yugoslav presence. The issue of relations between Yugoslavia and Albania was one of the causes of the confrontation between Yugoslavia and the Soviet Union in the summer of 1948. The years of confrontation between Yugoslavia and the Soviet sphere were marked with daily tensions on state borders, political confrontations, the open Yugoslav approach to the Western world, the breaking of diplomatic relations, and the Albanian minority in Yugoslavia becoming a problem. The normalization of Yugoslav–Soviet relations after 1955 did not fully reflect the level of their relations. Yugoslav distance from the bloc, its orientation towards third world countries, and the political dogmatism of Albanian leadership produced further alien-

ation and the opening of new ideological, political, and interethnic confrontations with the emergence of the Albanian question. Closer relations between China and Albania opened a new phase in relations which was characterized by another confrontation between the states and the parties, and there was a short-lived attempt to overcome the conflict in the context of the Soviet intervention in Czechoslovakia in 1968.

Утверждено к печати Ученым советом Института славяноведения РАН
(Протокол № 6 заседания Ученого совета ФГБУН
Института славяноведения РАН от 29.06.2021).

На обложке:

Белградский аэропорт Земун 23 июня 1946 г. В. Крстулович, М. Джилас,
Й. Броз Тито, С. Жуйович и другие югославские руководители приветствуют
главу правительственной делегации НРА Э. Ходжу.
Фото П. Обрадовича, Музей Югославии, Танюг

Научное издание

Александр Животич

«БАЛКАНСКИЙ ФРОНТ» ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

СССР и югославско-албанские отношения. 1945–1968 гг.

Корректор *М. А. Молчанова*

Оригинал-макет *М. А. Гунькин*

Дизайн обложки *П. К. Донской, И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 24.05.2022. Формат 60×90/16

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 18. Тираж 500 экз. Заказ № 2644

Издательство «Нестор-История»

Тел. (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru

www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»

Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 960 243-32-82